РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

3(104)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

«Желтые жилеты»: Взгляд из России и Франции
«Yellow Vests»: View from Russia and France

Мировой терроризм: Вызов для современной Европы
Global Terrorism: A Challenge for Modern Europe

Религиозная жизнь в СССР
Religious Life in the USSR

Финансовое обеспечение образования в современной России
Financial Support of Education in Modern Russia

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2019

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2019.03.00

ИНИОН РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Н.А. Копылов
Выступление Чехословацкого корпуса в 1918 г.: Современный взгляд на проблему **6**

В.Н. Чернега
«Прорыв» или отставание? Российский проект в современном мире **23**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

N.A. Kopylov
The Revolt of the Czechoslovak Corps in 1918: Modern View on the Problem **6**

V.N. Chernega
«Breakthrough» or Lag? Russian Project in the Contemporary World **23**

РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ

Д. Бурмо, Н.Ю. Лапина
Движение «желтых жилетов»: Взгляд из России и Франции **37**

Н.И. Бубнова
Стратегия США в зеркале иммиграционной политики Трампа **64**

Г.В. Семеко
Финансовое обеспечение системы образования: Глобальные тенденции и особенности России **89**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

D. Bourmaud, N.Yu. Lapina
Movement of «Yellow Vests»: View from Russia and France **37**

N.I. Bubnova
U.S. Strategy in the Mirror of Trump's Immigration Policy **64**

G.V. Semeko
Financial Resources Invested in Education: Global Trends and Russia's Features **89**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

И.С. Шилкина
Психоанализ в послереволюционной России (1920–1930-е годы) **108**

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

I.S. Shilkina
Psychoanalysis in Post-Revolutionary Russia (1920–1930s) **108**

Н.А. Белякова
«Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием...» Стенограмма выступления заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П.В. Макарцева 2 февраля 1977 г. **130**

N.A. Belyakova
«Issues of Religion in the USSR are the Central Target...» The Paper Given by P.V. Makartsev at the Council for Religious Affairs of the USSR, February 2, 1977 **130**

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

В.В. Прудская
Политика Российской Федерации в отношении Европейского союза в периоды президентства Б.Н. Ельцина и В.В. Путина **157**

V.V. Prudskaya
Policy of the Russian Federation Towards the EU During the Presidencies of Boris Yeltsin and Vladimir Putin **157**

Н.А. Коровникова
Аксиологические факторы регионального развития современной России **171**

N.A. Korovnikova
Axiological Factors of Regional Development in Modern Russia **171**

П.А. Анисимов
Российско-норвежское сотрудничество в сфере защиты окружающей среды (На примере Арктического региона) **181**

P.A. Anisimov
Russian-Norwegian Cooperation in the Field of Environmental Protection (Drawing on the Example of the Arctic) **181**

И.Л. Соколов
Террористические организации на территории Европейского союза: Попытка институционального анализа **187**

I.L. Sokolov
Terrorist Organizations in the EU: An Attempt of Institutional Analysis **187**

М.А. Ядова
Модернизационный потенциал и модернизационный капитал: Грани взаимодействия **197**

M.A. Yadova
Modernization Potential and Modernization Capital: Facets of Interaction **197**

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ. РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS. SUMMARIES

Т.Г. Биткова, А.В. Манойло, О.Н. Новикова, Т.Г. Пархалина, А.С. Сидоров, Ф.О. Трунов, Ю.А. Щербакова
Страны Запада против террористической угрозы в Азии и Африке: По материалам семинара Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН (8 ноября 2018 г.) **203**

T.G. Bitkova, A.V. Manoylo, O.N. Novikova, T.G. Parkhalina, A.S. Sidorov, Ph.O. Trunov, Yu.A.Sherbakova
Western Countries Against the Terrorist Threat in Asia and Africa: According to the Materials of the Seminar of the Center of Scientific Information Studies on Global and Regional Issues, INION RAN (November 8, 2018)

С.И. Коданева
Институционализация социальной ответственности государства в России и за рубежом **222**

S.I. Kodaneva
Institutionalization of Social Responsibility of the State in Russia and Abroad

С.Б. Крих
Испытание временем. Рец. на: Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с. **237**

S.B.Krikh
Testing by Time. Review of: Gordon A.V. Historians of the Iron Age. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 448 p.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.01

Н.А. Копылов

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В 1918 г.: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Аннотация. *Произошедшие в России в 1917–1920 гг. события оказали огромное влияние на судьбу многих стран и народов. Прежде всего это касается наций, входивших в состав европейских империй. С 1917 г. для них ключевым стал вопрос обретения собственной государственности, гарантом успеха в достижении которой был фактор наличия национальных воинских формирований. Для руководителей Чехословацкого Национального Совета, возглавившего борьбу за независимость, таковым стал формируемый в России Чехословацкий корпус. Сложившаяся в 20-е годы в советской историографии и во многом существующая в настоящее время концепция связывает пребывание чехословаков в России с «вооруженным мятежом» корпуса против советской власти. Мятеж, согласно этой концепции, был спланирован странами Антанты для начала Гражданской войны и иностранной интервенции, направленных на удушение молодой советской республики.*

Обращение к данной теме через призму военно-политических отношений России и руководителей чехословацкого движения за независимость с привлечением нового корпуса источников заставляет пересмотреть традиционные историографические оценки. Автор проводит анализ действий Чехословацкого корпуса (затем – легиона) в России периода 1917–1919 гг. на основе современных отечественных и зарубежных данных, отмечая своеобразное развитие отношения чехословацкого командования и политического руководства к революционным событиям 1917 г.: от нейтралитета до вооруженного сопротивления. Большое влияние на действия Чехословацкого легиона оказала внешняя политика большевиков, приведшая к формальному выходу России из Первой мировой войны и поставившая чехословацких военных в положение фактических заложников внутриполитического противостояния сторонников и противников революции, с одной стороны, и непримиримых противоречий в дипломатических отношениях России, Германии и Антанты – с другой. Выход был найден в форме вооруженного выступления против советской власти, которое представители союзников рассматривали как попытку восстановления антигерманского фронта в России, а чешские политические руководители – как обеспечение независимости будущей Чехословацкой Республики. Опираясь на факт участия в борьбе с большевизмом, чешские политики хотели получить максимум в вопросе об исторических границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже. Последовательное использование в дипломатической игре факта участия корпуса в антибольшевистской борьбе, в то время когда западные политики полагали, что

с его помощью удастся восстановить демократическую Россию, принесло ощутимую выгоду чехословацкой стороне в виде принятия западными державами почти всех ее требований относительно границ.

Ключевые слова: *Первая мировая война; Российская революция; Чехословацкий корпус; Парижская конференция; Гражданская война в России.*

**Копылов Николай Александрович – кандидат исторических наук,
доцент кафедры Всемирной и отечественной истории
МГИМО (У) МИД России, Москва. E-mail: n-kopylov@mail.ru**

N.A. Kopylov. The Revolt of the Czechoslovak Corps in 1918: Modern View on the Problem

Abstract. *The events which took place in Russia in 1917–1920 exerted a significant impact on the fate of many countries and the people. First, that concerns the nations which were part of the European empires. Since 1917 the issue of finding their own statehood, success in which would be guaranteed by the existence of national military formations, was the key one for them. The Czechoslovak corps formed in Russia became one for the heads of the Czechoslovak National Council, which led the struggle for independence. The concept currently existing in many respects and developed in the twenties in Soviet historiography connects the stay of Czechoslovaks in Russia with «armed rebellion» against the Soviet system as the factor of the launch of Civil war and foreign intervention, planned by the Entente, directed to stifle the young Soviet republic. A turn to this issue from the perspective of the military-political relations between Russia and heads of the Czechoslovak movement for independence with the involvement of the new case of sources forces one to reconsider traditional historiographic estimates. The author carries out the analysis of operations of the Czechoslovak corps (later, legion) in Russia of the period of 1917–1919 on the basis of modern domestic and foreign data, noting a peculiar development of the attitude of the Czechoslovak command and the political management towards revolutionary events of 1917, from neutrality to armed resistance. The great influence on actions of the Czechoslovak legion was exerted by the foreign policy of the Bolsheviks which led to a formal exit of Russia from World War I and put Czechoslovak military in position of actual hostages of internal political opposition of supporters and detractors of revolution, on the one hand, and irreconcilable contradictions in diplomatic relations of Russia and Germany and the Entente, on the other hand. The way out was found in the form of a military coup against the Soviet Power which representatives of the Allies treated as an effort to restore anti-German front in Russia, and the Czech political leaders as ensuring the independence of future Czechoslovak Republic. Based on the fact of the involvement in fight against the Bolshevism, the Czech politicians wanted to get the most regarding the historical borders of Czechoslovakia at the forthcoming peace conference in Paris. Sustainable use in the diplomatic game of the fact of involvement of the legion in anti-Bolshevist fight, when the western politicians believed that with its help it would be possible to restore democratic Russia, brought significant benefit to the Czechoslovak party in the form of acceptance of almost all its requirements by the western powers concerning borders.*

Keywords: *World War I; Russian revolution; Czechoslovak case; Parisian conference; Civil war in Russia.*

Kopylov Nikolay Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the MFA of Russia. E-mail: n-kopylov@mail.ru

В 2018 г. исполнилось 100 лет событиям Гражданской войны в России. Один из самых известных эпизодов тех событий – выступление Чехословацкого корпуса против советской власти в мае-июне 1918 г. – часто трактуется как отправная точка этой войны. Развернувшаяся по этому поводу в научном мире и обществе полемика показала преобладание традиционной, заложенной еще советской историографией интерпретации данной проблемы. Однако привлечение новых источников, прежде всего зарубежного происхождения, и анализ современной отечественной историографии позволяет дать иное объяснение этому событию, которое давно уже превратилось в своеобразный миф российской истории. Как справедливо отметил академик А.О. Чубарьян, «очень многие книги, выходящие в наше время под названием “исторической беллетристики” несут на себе печать именно такого опасного для общества дилетантизма... В особенности это относится к освещению событий XX века» [Чубарьян 2013, с. 57].

Уже летом 1918 г. в советской политической риторике выступление чехословацкого корпуса было определено как «мятеж», и эта оценка затем была закреплена как в публицистических, так и в военно-исторических работах, вышедших сразу после окончания Гражданской войны. В первом издании книги «Как сражалась революция» (1925 г., переиздана только в 1990 г.) ее автор, бывший подполковник Генерального штаба Н.Е. Какурин, назвал соответствующую главу «Чехословацкий мятеж и его значение для контрреволюционного движения на окраинах страны». Здесь же был закреплен тезис об активной помощи и непосредственном участии Антанты в подготовке чехословацкого выступления [Какурин 1990, с. 194]. Н.Е. Какурин во многом отталкивается от тезисов Л.Д. Троцкого [Троцкий 1923, с. 212–213]. Несмотря на последовавшее вскоре окончательное поражение последнего в политической борьбе, данная формулировка продолжала существовать и в последующие десятилетия.

Уже в конце 1920-х годов, когда широко отмечался десятилетний юбилей Октябрьской революции, в сборниках, посвященных событиям Гражданской войны на территории различных областей СССР, формируется довольно однозначная трактовка событий, связанных с выступлением Чехословацкого корпуса. Примером может служить высказывание участника борьбы с чехами и белогвардейцами в Поволжье, бывшего начальника 24-й стрелковой

Железной Самаро-Ульяновской дивизии Г.Д. Гая: «…в конце мая 1918 года в молодой Советской Республике к имеющимся внутренним фронтам прибавился еще новый Восточный фронт, на котором только что народившейся Красной гвардии пришлось столкнуться с многочисленным, отлично организованным и тактически подготовленным противником, выполнявшим широкие политические задачи, диктуемые из Парижа» [Гай 1928, с. 2].

Эту точку зрения автор развил в своем докладе 12 апреля 1933 г. на втором пленуме землячества Первой революционной армии Восточного фронта называвшемся «Чехословацкое восстание и зарождение первой революционной армии»: «…Антанта на второй же день октябрьской революции задумала и подготовила интервенцию, в том числе восстание чехословаков» [РГВА 873, л. 16].

Данная оценка событий стала господствующей в советском общественно-историческом сознании. В последней работе о выступлении чехословаков, изданной перед началом Великой Отечественной войны в 1940 г., по-прежнему «мятеж» корпуса против советской власти рассматривался как козни мирового империализма и заговор Антанты [Хрулев 1940, с. 98]. В послевоенный период эта точка зрения оставалась неизменной. Даже полвека спустя в советском научном мире присутствовала все та же традиционная парадигма: «В мае 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. Рядовые легионеры были обмануты буржуазным “национальным советом” и командованием корпуса, которые по указанию империалистов Антанты спровоцировали их на вооруженное выступление против Советского государства» [Щербаков 1965, с. 301].

Окончательно концепция заговора Антанты была оформлена в концепции, порожденной трудами известного советского историка А.Х. Клеванского, введшей в употребление популярный когда-то миф о «проданном корпусе» [Клеванский 1965, с. 124]. Следует отметить, что она подразумевает наличие четкого плана иностранной интервенции едва ли не с первых дней прихода большевиков к власти, а это, как отмечают современные исследователи, никакими достоверными источниками не подтверждается – скорее напротив, интервенция с позиций сегодняшнего дня видится явлением вопиюще неорганизованным, несогласованным, перенасыщенным случайными факторами и, наконец, постоянно меняющим свою практическую и идеологическую направленность [Захаров 2012, с. 77].

За прошедшее время положение в отечественной историографии чехословацкого корпуса в России практически не изменилось. Постперестроечные исследователи по-прежнему определяют причину интервенции по одной из ее целей: «Страны Антанты негативно отнеслись к приходу к власти в России большевиков и планировали их свержение». В связи с этим чехословацкий мятеж представляется как ударная сила выступления Антанты: «Да и сам

мятеж не был стихийным, а, напротив, тщательно подготовленным и управляемым Антантой». Очевидно, что отличие подходов советской и современной отечественной историографии незначительно. Цели интервенции, «ее побудительные мотивы остались прежними – свержение Советской власти. Изменились лишь ее последствия» [Левчук 1996, с. 145].

Подобный подход объясняется двумя факторами: во-первых, непривлечением к работе зарубежных источников и историографии, во-вторых, доминированием традиционного подхода к проблеме, рассматривающего события 1917–1918 гг. исключительно с российской позиции. Между тем Великая российская революция была и остается частью истории Европы, переживавшей в то время трагический период Первой мировой войны. Именно компаративный подход, основанный на современной теоретической базе, позволяет по-новому рассмотреть события столетней давности.

В основу современного моделирования причин выступления чехословацкого корпуса должен быть положен принцип, введенный в научное обращение японским историком Х. Вадой и заключающийся в том, что «…революция является комплексом четырех самостоятельных революций: революции буржуазии и широкого гражданского населения, революции рабочих и солдат, революции крестьян и революции национальностей. Каждая революция имела свою руководящую группу, свою организацию борьбы и свою особенную революционную цель» [Вада 1994, с. 194]. Эта теория во многом подтверждается высказыванием современного исследователя, развивающего теоретические положения Х. Вады: «Нам кажется, что в этой концепции прячется ответ на поставленный вопрос – польские, чешские, словацкие и югославянские волонтеры белых сил вдохновлялись, как это ни парадоксально, тоже вполне революционными идеями. Только их революция должна быть национально-освободительной в первую очередь и славянской во вторую» [Захаров 2012, с. 77].

Исходя из данных тезисов, следует отметить, что после Февраля 1917 г. отношение русских властей к чехословацкому вопросу начало меняться, хотя и не так быстро, как того хотелось бы чешской стороне, все более настойчиво заявлявшей о необходимости создания после войны независимого Чехословацкого государства.

7 (20) марта 1917 г. на митинге солдат и офицеров 3-го Чешско-словацкого стрелкового полка была принята резолюция о том, что «Чехия и Словачина» становятся самостоятельным государством, «временным диктатором» которого провозглашается профессор Т.Г. Масарик, а временным правительством – Чехословацкий национальный совет (ЧНС). Эта резолюция послужила основой для текста единой присяги на верность независимому государству «Чехо-Словации», которую принесли все чехословацкие вооруженные формирования в России. Таким образом, чехи и словаки поначалу отнеслись

к Русской революции как событию весьма благоприятному с точки зрения целей национального движения и поэтому активно ее поддержали.

В конце марта 1917 г. министр иностранных дел П.Н. Милюков и Военное министерство при участии французской военной миссии утвердили правила формирования чехословацких войск в России, тем самым положив начало созданию самостоятельных национальных вооруженных сил. В мае 1917 г. чехословацкие общества в России признали верховенство над собой парижского ЧНС во главе с Т.Г. Масариком на правах его отделения, определив главенствующей целью своей деятельности борьбу за провозглашение независимой Чехословацкой Республики.

В мае 1917 г. в Киеве прошел 3-й съезд Союза чехословацких обществ в России (СЧОР), большинство участников которого были делегатами военнопленных австро-венгерской армии, а также военнослужащих чехословацких вооруженных формирований в России. Съезд заявил о поддержке ЧНС и признал Т.Г. Масарика общенациональным лидером освободительного движения. Правление СЧОР было выбрано заново. Делегаты съезда также приняли решение продолжать войну с Германией и Австро-Венгрией до победы и образования независимого Чехословацкого государства. В соответствии с решениями съезда в России было учреждено отделение ЧНС. По этому случаю в Россию приехал Т.Г. Масарик, посетивший Петроград, Москву, а также Ставку Верховного главнокомандующего. Встречаясь с русскими официальными лицами, он стремился заручиться их согласием на формирование в России Чехословацкой армии, которая, по его представлению, должна была стать основой независимого государства.

Во время Июньского наступления Русской армии 1917 г. 1-я чешско-словацкая бригада отличилась в Зборовском сражении. Как потом отмечали апологеты чехословацкого возрождения, чешские и словацкие солдаты «показали чудеса храбрости и покрыли свои молодые знамена неувядаемой славой. Боем у Зборова они смыли свое рабство и получили полное право на свободу» [Драгомирецкий 1928, с. 32]. Заслуги чехов и словаков признавал и главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов, отмечавший, что посылал чехов в «самые опасные и трудные места», и они всегда справлялись с поставленными задачами [Брусилов 2004, с. 145].

К октябрю 1917 г. был сформирован Чехословацкий стрелковый корпус, насчитывавший около 38–40 тыс. человек. Его подразделения дислоцировались на территории г. Киева и Киевского военного округа. К этому времени чехи и словаки уже служили во французской, итальянской, британской и американской армиях, но в качестве обычных военнослужащих этих армий: ни в одной из них до той поры не были созданы отдельные национальные формирования. Поэтому ЧНС особенно дорожил Чехословацким стрелковым

корпусом в России как основой будущей армии независимой республики. Т.Г. Масарик в своих записках отмечал: «…в России была проведена огромная работа, и хорошая: мы возвращались домой не с пустыми руками, мы владели чем-то существенным и своим, у нас была своя армия – первый настоящий, хоть экстерриториальный оплот нашего будущего государства» [Чапек 2000, с. 132]. Такое отношение во многом предопределило действия самого Совета и командования корпуса, направленные на его сохранение как боеспособной силы в сложных условиях революционной России.

Российская революция быстро разочаровала руководящих деятелей чехословацкого национального движения, да и его рядовых участников, включая военнослужащих Чехословацкого корпуса. Временное правительство не смогло остановить разрастание экономического и социально-политического кризиса, а Русская армия стремительно теряла боеспособность. Многие задавали себе вопрос: можно ли еще рассчитывать на помощь России в борьбе за независимость чехов и словаков от Австро-Венгрии? Не рисковала ли сама Россия стать легкой добычей Центральных держав? Подобные вопросы заставляли Масарика и его сподвижников все больше полагаться на поддержку западных держав – Великобритании и Франции.

В октябре 1917 г. чехословацкое национальное движение, включая ЧНС и Чехословацкий корпус, официально заняло позицию нейтралитета по отношению к революционным событиям в России. В первую очередь для чешского руководства было неприемлемо то, что большевистское правительство, хотя и никем не признанное, от имени России вступило в переговоры с государствами Четверного союза, а в марте 1918 г. подписало с ними сепаратный мир, который не только не учитывал стремления чехов и словаков к независимости, но вполне мог на этом стремлении поставить крест. Известно, что на переговорах в Брест-Литовске советская делегация выступила с предложением гарантировать всем национальным меньшинствам, не пользовавшимся до мировой войны политической самостоятельностью, свободное решение вопроса о своей государственной принадлежности или самостоятельности путем референдума. Но это предложение решительно отверг министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин [см.: Шмераль 1968, с. 12]. Его заявление еще раз показало, что мнимая готовность правящих кругов монархии пойти на компромисс с представителями неполноправных национальностей является всего лишь вынужденным маневром и может смениться новой волной национальных преследований в случае, если положение Австро-Венгрии удастся стабилизировать [Шмераль 1968, с. 12–13]. В таком положении у руководства ЧНС не оставалось иного выбора, как добиваться независимости вооруженным путем.

Кроме того, Т.Г. Масарик, а также его ближайший сподвижник и будущий министр иностранных дел независимой Чехословакии Э. Бенеш, впо-

следствии указывали, чем было вызвано их неприятие октябрьских событий 1917 г.: «Наши люди, *тоже революционеры и солдаты* (выделено в тексте. – *Н. К.*), всем своим существом возмущались против *идеи диктатуры* (выделено в тексте. – *Н. К.)*. По своему характеру и воспитанию наш соотечественник не может перенести диктатуры в какой бы то ни было форме» [Бенеш 1928, с. 16–17].

Таким образом, чехословацкое национальное движение в России оказалось в конце 1917 г. в узком зазоре между двумя противоположными политическими силами, ни одна из которых не внушала ему ни доверия, ни уважения. Попытки антибольшевистских сил привлечь на свою сторону чехословаков не увенчались успехом. В октябре 1917 г. они ненадолго оказались участниками уличных боев в Киеве между большевиками и их противниками. Эти события, по словам современника, продемонстрировали «всеобщее безразличие, недоверие и уверенность в том, что тогдашняя русская организация была неспособна спасти положение» [Шмераль 1968, с. 18].

25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) по соглашению с французскими военными и гражданскими властями Чехословацкий корпус был причислен к вооруженным силам Франции[1]. Официальным к тому основанием послужило его стремление, в отличие от Русской армии, продолжать войну с Центральными державами на стороне Антанты. Эту перемену в статусе многие исследователи трактуют как полное подчинение командования корпуса, переименованного в декабре 1917 г. в Чехословацкий легион, французским приказам и распоряжениям. Однако это неверная трактовка событий. Высшее руководство Чехословацким легионом по-прежнему осуществлял Чехословацкий национальный совет, а точнее – его отделение в России. Оно и вело весной 1918 г. переговоры с большевиками о выводе легиона за границу. Т.Г. Масарик вспоминал: «Союзнические правительства признавали Национальный совет политическим органом нашего движения, а потому в военном отношении верховным командованием войска. Или, выражаясь иначе, наше войско было хотя и частью союзнической армии, однако оно было и войском автономным, подчиненным национальному Совету» [Масарик 1927, с. 88]. Поэтому представлять дело так, будто чехословацкое командование находилось в полной зависимости от французской военной миссии в России, как это делается в современной исторической литературе, было бы неверно.

В совокупности все указанные выше обстоятельства побудили ЧНС занять позицию нейтралитета в столкновениях между большевиками и их противниками, а также поставить перед союзными державами и советскими

1. 16 декабря (нов. ст.) 1917 г. был опубликован декрет президента Французской Республики Раймонда Пуанкаре об образовании автономной Чехословацкой армии во Франции [подр. см.: Чехословацкий корпус 2013, с. 897–901].

властями вопрос о выводе Чехословацкого легиона за пределы России. Но как соотносятся эти намерения с хорошо известными фактами, свидетельствующими о том, что именно вооруженное выступление Чехословацкого легиона против советской власти в мае 1918 г. привело к полномасштабной Гражданской войне?

Резкую смену политического курса чехословацкого национального движения советские историки объясняли контрреволюционными происками как самого командования Чехословацкого легиона, так и руководивших его действиями империалистических правительств Антанты. Это точка зрения попрежнему преобладает в современной отечественной литературе. Чтобы проверить, соответствует ли она действительности, необходимо обратиться к сравнительному анализу как отечественных, так и зарубежных, в первую очередь чехословацких, документальных свидетельств о событиях того времени.

18 февраля 1918 г. Центральные державы, разорвав перемирие, которое ранее заключили с советским правительством на время мирных переговоров в Брест-Литовске, развернули наступление по всей линии фронта от Балтийского фронта до Карпат. Даже после подписания и ратификации сепаратного мира с Советской Россией они продолжали занимать юго-западные губернии, на власть в которых претендовала Центральная Рада, правительство Украинской народной республики, признанное странами Четверного союза. Это заставило руководителей чехословацкого национального движения вывести свои войска из Украины, где они были дислоцированы. Но даже после перемещения на территорию Советской России чехословацкие военнослужащие не чувствовали себя в безопасности. Противники большевиков распространяли среди них слухи, будто советское правительство намерено расформировать и разоружить чехословацкие части, а затем – передать их личный состав австрийской и германской сторонам в порядке обмена военнопленными. Это не могло не беспокоить чехословацких солдат, так как в случае выдачи им грозила бы смертная казнь за нарушение воинской присяги. Вот что записал в черновиках своих воспоминаний капитан, будущий генерал чехословацкой армии, Р. Гайда: «После заключения Брест-Литовского мира чехословаки не могли больше оставаться в России. Этот мир, со стороны русских, был предательством нашей революционной войны против Австрии, и вынуждал нас или к тягостному, полному испытаний, пути вокруг света, новым страданиям и мукам, или к перспективе мира с Германией, который по своей жестокости не уступал бы Брест-Литовскому… Оставаться в России значило изменить всем революционным идеям чехословацкого народа и, кроме того, сдаться на милость победителя» [РГВА 1, л. 8 об.]. Следует отметить, что вопрос о судьбе чехословацких формирований действительно обсуждался на мирных переговорах в Брест-Литовске, а в дальнейшем был предметом пристального

внимания и рычагом политического давления на власти Советской России со стороны германского посольства в Москве.

В марте 1918 г. сложнейшие военно-дипломатические противоречия сплелись в тугой узел. В своих воспоминаниях известный дипломат и сотрудник британской разведки Р. Брюс Локкарт отмечал, что «период, когда большевики могли скорей всего пойти на соглашение с союзниками, был март 1918 года. Они боялись дальнейшего германского наступления. У них было мало веры в собственное будущее. Они бы приветствовали помощь офицеров союзных держав в воспитании новой Красной армии, которую тогда формировал Троцкий» [Локкарт 2016, с. 262]. Действительно, в тот момент дипломаты и военные представители Антанты в России, заявляя об опасности германской интервенции и предлагая советскому правительству союзную помощь, рассматривали подобный вариант воссоздания Восточного фронта мировой войны, однако ратификация Брест-Литовского мирного договора советским правительством положила конец этим мечтаниям. 8 марта 1918 г., выступая в палате депутатов, премьер-министр Франции Ж. Клемансо заявил: «Россия нас предала, но я продолжаю войну» [Вершинин 2017, с. 146].

Положение Антанты осложняло германское наступление на Западном фронте, развернувшееся 21 марта 1918 г. Чтобы отразить его, союзное командование остро нуждалось в дополнительных силах. Разумеется, союзники не могли не обратить внимание на Чехословацкий легион, обладавший большим боевым опытом и способный поэтому без промедления занять боевые позиции на фронте. 26 марта 1918 г. советское правительство в ответ на запросы со стороны чехословацкого и союзного командования дало согласие на вывод чехословацких войск из России. Следуя на восток по Транссибирской магистрали, они должны были через дальневосточные порты морем отправиться во Францию.

Впоследствии руководители чехословацкого национального движения, пытаясь объяснить причины, которые помешали выполнению этого плана, так оценивали сложившуюся ситуацию: «Чехословацкая добровольческая армия должна была проехать через территорию государства, в котором пылали революция и гражданская война, где были дезорганизованы транспорт и продовольствие, жители которого не имели ни малейшего понятия о существовании чехословацкой добровольческой армии. Наконец, это государство объявило своим лозунгом борьбу со всеми существующими правительствами, нарушило обязательства предшествующих правительств и, заключая мир с Центральными державами, объявило, что этот мир вовсе не означает прекращение борьбы с немецким империализмом. Поэтому вполне понятно, что все зависело гораздо больше от того, как разовьются взаимные отношения, как будут разрешены конкретные потребности чехословацкого добровольческого корпуса, среди которых более важную роль играл вопрос о переезде

через всю Россию, чем правовое положение. При таком положении нельзя все было свести лишь к техническим вопросам, ибо немаловажную роль играли также вопросы взаимного познания, такта и понимания, вопросы взаимных политических отношений, которые для чехов и словаков были важны еще и потому, что от них зависела вся дальнейшая политическая работа в России» [Папоушек 1928, с. 291–292].

К этому нужно добавить, что Германия тоже приложила руку к злоключениям чехословаков в России. Вступив в решающую битву на Западном фронте, она хотела воспрепятствовать переброске Чехословацкого легиона во Францию. Прежде всего она попыталась воздействовать на советское правительство дипломатическими методами. Локкарт отмечал, что с прибытием в Москву германского посла графа В. фон Мирбаха «перспективы войны между Германией и Россией стали отдаляться… С начала мая [1918 г.] ленинская мирная политика взяла верх даже среди тех большевиков, которые больше других протестовали против Брест-Литовского мира» [Локкарт 2016, с. 284]. Под давлением Германии советские власти принимают два взаимоисключающих решения, которые превращают чехословацких легионеров в своего рода «заложников обстоятельств».

Советское правительство окончательно определяет не Архангельск или Мурманск, а именно Владивосток конечным пунктом назначения чехословацких эшелонов, что на месяцы отодвигает сроки появления легионеров на Западном фронте. При этом к чехословакам предъявляется требование полного разоружения и немедленного устранения «контрреволюционного командного состава». Российское отделение ЧНС отказалось удовлетворить это требование. Советские власти, стремясь снизить накал страстей, пошли на некоторые уступки и поручили наркому по делам национальностей И.В. Сталину объявить новые условия: «Чехословаки передвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров» (на 1000 человек 100 винтовок и 1 пулемет). Одновременно в населенные пункты, где располагались чехословацкие части, а также на станции, через которые должны были следовать их эшелоны, была разослана директива с требованием «разоружить чехословаков во что бы то ни стало» [Иванов 1997, с. 9]. Это распоряжение создавало почву для недоразумений и даже конфликтов между местными советскими властями и чехословаками.

Вместе с тем под давлением со стороны посла Германии советские власти организуют во встречном направлении перевозку по железной дороге пленных немцев, австрийцев и венгров из Сибири в Европейскую Россию. Причем эта задача представляется им даже более важной, чем отправка чехословаков на восток. 21 апреля 1918 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин телеграммой сообщает местным советским властям: «Опасаясь японского

наступления в Сибири, Германия настоятельно требует немедленного и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в Западную или Европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие войска не должны продвигаться на восток» [Цветков 2001, с. 58]. С этого времени темп движения чешских эшелонов по Транссибирской железной дороге замедляется, они все чаще простаивают в своеобразных «пробках» на пути следования.

Местные советские власти объясняли эти простои отсутствием подвижного состава. Но чехословаки видели, что военнопленные немцы, австрийцы, венгры беспрепятственно следуют эшелонами во встречном направлении из Сибири в Европу. Раздражало их и то обстоятельство, что немцы и венгры, записавшиеся в интернациональные отряды, поддерживавшие советскую власть, вели себя с ними вызывающе. Чехословаки впали в подавленное настроение, о чем свидетельствует дневник подполковника С.Н. Войцеховского, начальника штаба 1-й чехословацкой дивизии: «Вчера наш комиссар показал мне телеграмму из Москвы: немцы боятся наступления японцев и требуют скорейшей эвакуации из Восточной Сибири своих военнопленных: движение наших эшелонов на восток распоряжением советских властей остановлено. Мне начинает казаться, что мы не попадем во Владивосток» [Волков 2001, с. 91]. Как далее пишет С.Н. Войцеховский, 1 мая 1918 г. чехословацкие солдаты, среди которых находилось немало сторонников социал-демократических идей, решили отметить праздник трудящихся и совершить мирное шествие по улицам города Челябинска с музыкой и песнями. Однако местные советские руководители не дали разрешения, мотивируя свой отказ тем, что чехи планировали пойти отдельной колонной, а не совместно с советскими гражданами. Это еще больше оттолкнуло солдат и офицеров чешского войска от большевиков [Волков 2001, с. 92].

Таким образом, в мае 1918 г. Чехословацкий корпус оказался, образно говоря, в положении «между молотом и наковальней». Его подразделения были разбросаны на большом расстоянии вдоль Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. Частично разоруженные, подвергавшиеся нападкам со стороны сибирских советов, легионеры желали только одного: как можно скорее уехать из России. Чтобы этого добиться, они были готовы пойти на любые крайности.

14 мая 1918 г. в Челябинске незначительный конфликт на бытовой почве между легионерами, с одной стороны, и военнопленными немцами и венграми – с другой, привел к столкновению чехословаков с местным Советом, который они, пользуясь превосходством в силах, разогнали. Этот инцидент был крайне болезненно воспринят в Москве. Он послужил основанием для ареста руководителей отделения ЧСН в России, а также приказа о полном разоружении Чехословацкого легиона. Соответствующее распоряжение на места

отправил нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий. В случае сопротивления он угрожал объявить чехословаков «вне закона». Попытка исполнить этот приказ привела к новым столкновениям легионеров с представителями местных Советов, которые в значительной мере стихийно переросли в общее выступление Чехословацкого легиона против большевистской власти.

Таким образом, чехословаки, сами того не желая, попали в самое полымя Гражданской войны в России. Летом 1918 г. они приняли активное участие в боях против Красной армии в Поволжье, а также против Красной гвардии и поддерживавших ее интернациональных отрядов немцев и венгров из числа военнопленных в Сибири.

На основании этих фактов можно прийти к выводу, что Чехословацкий корпус не по своей воле был втянут в водоворот гражданского противостояния в России. Он был силой обстоятельств поставлен в положение, из которого в любом случае не мог бы выйти без потерь как прямых, так и репутационных. Легионерам оставалось либо подчиниться воле союзных держав, которые весной 1918 г. приняли решение о начале военной интервенции в Россию и использовали Чехословацкий легион для решения своих политических и военно-стратегических задач, либо выполнить директивы Москвы и по сути дела добровольно стать заложниками ее конфликта с союзными державами. В первом случае они еще сохраняли надежду когда-нибудь с чувством выполненного долга вернуться в независимую Чехословакию, во втором – они лишались не только этой надежды, но и вообще ясных жизненных перспектив. В итоге они поступили в соответствии со своими представлениями о долге и личных интересах.

Положение Чехословацкого корпуса изменилось на рубеже 1918–1919 гг., когда, с одной стороны, выдохлась прямая военная интервенция союзных держав в Россию, не обеспечив ни восстановления Восточного фронта мировой войны, ни падения большевистской власти, с другой – победой Антанты закончилась наконец мировая война. Явочным порядком возникло Чехословацкое государство, которое 28 октября 1918 г. объявило о независимости от австро-венгерской монархии. Впрочем, молодое государство было вынуждено силой защищать независимость и свои границы, ведя тяжелейшие бои с венграми в Словакии и с поляками на севере Чехии. Эти события повлияли на умонастроения военнослужащих Чехословацкого легиона, которые все чаще задавали себе вопросы, почему они «застряли» в Сибири, если война закончена, а цель их борьбы – создание независимого национального государства – достигнута [Татаров 2005, с. 56]. После многомесячных непрерывных боев чехословацкие части были отведены с Восточного фронта русской Гражданской войны в тыл антибольшевистских сил, продолжавших борьбу с Красной армией. Союзным командованием перед ним была поставлена задача охранять

Транссибирскую магистраль. 15 января 1919 г. легион был преобразован в Чехословацкую армию в России, 1 февраля 1919 г. генерал Я. Сыровы назначен ее командующим.

Руководители Чехословацкой Республики понимали, в каком тяжелом положении находились чехословацкие войска на антибольшевистском фронте, однако ничего не предпринимали для их скорейшего возвращения на родину. Их участие в союзной вооруженной интервенции в России государственные мужи хотели использовать как аргумент в предстоящем политическом торге с державами Антанты на мирной конференции. Об этом свидетельствует директива, которую 17 октября 1918 г. отдал войскам Т.Г. Масарик: «Благодаря присутствию [в России] у нас будет сильнейшая позиция во время мирных переговоров» [Висьневский 2009, с. 133].

Президент Масарик и министр иностранных дел Бенеш полагали, что дальнейшее пребывание чехословацкого корпуса в России может оказаться весьма полезным для максимально благоприятного решения чехословацкого вопроса. В своих расчетах они не ошиблись. Об этом свидетельствуют ноты глав правительств союзных государств – Франции Ж. Клемансо и Великобритании Д. Ллойд Джорджа, – в которых оба выразили Масарику благодарность за действия чехословацких войск в Сибири. Лавры участников борьбы с большевизмом обоим чехословацким политикам нужны были для того, чтобы добиться от держав максимально благоприятного решения вопроса о границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже. 28 июня 1919 г. был подписан Версальский договор – первый в ряду мирных договоров по итогам мировой войны, закрепивших в международно-правовом отношении рождение независимого Чехословацкого государства и его границы с соседними странами. Его «отцы-основатели» могли с удовлетворением утверждать, что почти все их предложения и требования территориального характера союзными державами были приняты.

Выступление Чехословацкого легиона сыграло в некоторой мере роль детонатора Гражданской войны в России. Это не значит, что если бы не чехословаки, то этой войны можно было бы избежать. Это значит только то, что она началась именно так, а не иначе. И тем более нельзя дать оценку роли Чехословацкого легиона в истории Русской революции в отрыве от геополитической ситуации в Европе, да и в мире в целом.

Окончание Первой мировой войны, начало работы Парижской мирной конференции, заключение мирных договоров, целых три из которых имели самое прямое отношение к Чехословакии – Версальский, Сен-Жерменский и Трианонский, – все эти перемены глобального масштаба побуждали политических и военных руководителей Чехословакии думать в первую очередь о решении важнейших задач национального развития. На алтарь этой борьбы и принесли свои жизни и здоровье десятки тысяч бойцов Чехословацкого

корпуса в России. По данным новейших исследований, от его первоначальной численности 48 843 бойцов на 15 сентября 1919 г. боеспособными остались всего лишь 25 606 [Татаров 2005, с 59].

Таким образом, можно утверждать, что выступление Чехословацкого корпуса в мае-июне 1918 г. против советской власти, в российской историографии традиционно называемое «мятежом», необходимо рассматривать в совокупности с условиями Первой мировой войны, ставшими историческим фоном всех происходящих на рубеже 1917–1918 гг. политических событий. Также следует учитывать особенность восприятия чехословацким военно-политическим руководством, а также солдатами и офицерами корпуса развернувшихся в России событий, рассматривающихся ими через призму своей национально-освободительной революции, конечной точкой которой должно было стать возникновение самостоятельного Чехословацкого государства.

Библиография

Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. 1923. № 8–9. С. 16–35.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. 384 с.

Вада Х. Российские революции 1917 г. как комплекс революций в эпоху мировых войн // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 190–214.

Вершинин А.А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 140–157.

Висьневский Я. Чехословацкий военный корпус в Сибири во время Парижской мирной конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после окончания Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Тамбов: [б. и.], 2009. С. 132–139.

Волков Е.В. Дневник С.Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 2001. № 9. С. 90–108.

Гай Г.Д. В боях за Симбирск (краткий очерк Гражданской войны в губернии). Ульяновск: Типо-лит № 1 Коммун. треста, 1928. 57 с.

Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж – Прага: [б. и.], 1928. 221 с.

Захаров А.М. Славянские вооруженные формирования в России (1917–1920 гг.): «встреча двух революций» или «проданный корпус»? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). Ч. I. С. 74–85.

Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 6–24.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 248 с.

Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 393 с.

Левчук А.П. Еще раз о «преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): в 2 вып. Томск: Томский гос. университет, 1996. Вып. 2. С. 143–158.

Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2016. 365 с.

Масарик Т.Г. Мировая революция. Прага: Пламя-Орбис, 1927. Т. 2. 391 с.

Папоушек Я. Причины Чехословацкого выступления в 1918 году // Воля России. 1928. № 8–9. С. 287–350.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1.

РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Ед. хр. 873.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция: мат. и док. по истории Красной армии. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. 430 с.

Татаров Б.А. К истории чешско-словацких частей в 1918–1919 гг. // Белое дело. II съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в Гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М.: Посев, 2005. С. 53–60.

Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: Воениздат НКО Союза ССР, 1940. 148 с.

Цветков В.Ж. Мятеж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 5-61.

Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М.: МИК, 2000. 280 с.

Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М.: Новалис, 2013. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. 1016 с.

Чубарьян А.О. Навстречу новому учебнику // Родина. 2013. № 7. С. 56–75.

Шмераль Я.Б. Великая Октябрьская социалистическая революция и перспективы образования Чехословацкого государства // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918–1939. М.: Наука, 1968. С. 9–39.

References

Benesh E. Smysl cheshskoj revolyutsii. Volya Rossii. 1923. No 8–9. P. 16–35.

Brusilov A.A. Moi vospominaniya. comp. V.A. Avdeev, S.G. Nelipovich. Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyj mir, 2004. 384 p.

Chapek K. Besedy s T.G. Masarikom / trans. from Czech and not. by V.A. Martem'yanova; introd. art. by P. Dostala. Moscow: MIK, 2000. 280 p.

Cheshsko-slovatskij (Chekhoslovatskij) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy: 2 vol. Vol. 1: Cheshsko-slovatskie voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1917 gg. Moscow: Novalis, 2013. 1016 p.

Chubar'yan A.O. Navstrechu novomu uchebniku. Rodina. 2013. No 7. P. 56–75.

Dragomiretskij V.S. Chekhoslovaki v Rossii. 1914–1920. Parizh-Praga: [w. pub.], 1928. 221 p.

Gaj G.D. V boyakh za Simbirsk (kratkij ocherk grazhdanskoj vojny v gubernii). Ul'yanovsk: Tipo-lit N 1 Kommun. tresta, 1928. 57 p.

Ivanov A.V. K voprosu o prichinakh antisovetskogo vystupleniya Chekhoslovatskogo korpusa v 1918 g. Belaya armiya. Beloe delo. 1997. No 4. P. 6–24.

Kakurin N.E. Kak srazhalas' revolyutsiya: 2 vol. 2 ed. Moscow: Politizdat, 1990. Vol. 1. 248 p.

Khrulev V.V. Chekhoslovatskij myatezh i ego likvidatsiya. Moscow: Voenizdat NKO Soyuza SSR, 1940. 148 p.

Klevanskij A.Kh. Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyj korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. Moscow: Nauka, 1965. 393 p.

Levchuk A.P. Eshchyo raz o «predannom korpuse» (k voprosu o vozniknovenii chekhoslovatskogo myatezha). Iz istorii revolyutsij v Rossii (pervaya chetvert' XX v.): 2 vol. Tomsk: Tomskij gos. universitet, 1996. Par. 2. P. 143–158.

Lokkart R. Agoniya Rossijskoj imperii. Vospominaniya ofitsera britanskoj razvedki. Moscow: Algoritm, 2016. 365 p.

Masarik T.G. Mirovaya revolyutsiya: 2 vol. Praga: Plamya-Orbis, 1927. Vol. 2. 391 p.

Papoushek Y.A. Prichiny Chekhoslovatskogo vystupleniya v 1918 godu. Volya Rossii. 1928. No 8–9. P. 287–350.

Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA). F. 40169. Inv. 1. Un. 1; F. 28361. Inv. 1. Un. 873.

Shmeral' Ya.B. Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i perspektivy obrazovaniya Chekhoslovatskogo gosudarstva. Sovetsko-chekhoslovatskie otnosheniya mezhdu dvumya vojnami 1918–1939. Moscow: Nauka, 1968. P. 9–39.

Tatarov B.A. K istorii cheshsko-slovatskikh chastej v 1918–1919 gg. Beloe delo. II s'ezd predstavitelej pechatnykh i elektronnykh izdanij. Rezolyutsiya i materialy nauchnoj konferentsii. «Beloe delo v grazhdanskoj vojne v Rossii, 1917–1922 gg.». Moscow: Posev, 2005. P. 53–60.

Trotskij L.D. Kak vooruzhalas' revolyutsiya: mat. i dok. po istorii Krasnoj armii: 4 vol.; Vol. 1: Tysyacha devyat'sot vosemnadtsatyj god. Moscow: Vysshij voennyj redaktsionnyj sovet, 1923. 430 p.

Tsvetkov V.Zh. Myatezh. Chekhoslovatskij korpus na polyakh Grazhdanskoj vojny. Rodina. 2001. No 6. P. 5–61.

Vada Kh. Rossijskie revolyutsii 1917 g. kak kompleks revolyutsij v epokhu mirovykh vojn. Rossiya v XX veke: Istoriki mira sporyat. Moscow: Nauka, 1994. P. 190–214.

Vershinin A.A. Revolyutsiya 1917 goda v Rossii glazami frantsuzskikh politikov. Novaya i novejshaya istoriya. 2017. No 5. P. 140–157.

Vis'nevskij Ya. Chekhoslovatskij voennyj korpus v Sibiri vo vremya Parizhskoj mirnoj konferentsii 1919 g. Chicherinskie chteniya. Rossiya i mir posle okonchaniya Pervoj mirovoj vojny (k 90-letiyu okonchaniya vojny i podpisaniya poslevoennykh soglashenij). Tambov: [w. pub.], 2009. P. 132–139.

Volkov E.V., Dnevnik S.N. Vojtsekhovskogo: novye shtrikhi k vystupleniyu Chekhoslovatskogo korpusa v mae 1918 g. Belaya armiya. Beloe delo. 2001. No 9. P. 90–108.

Zakharov A.M. Slavyanskie vooruzhennye formirovaniya v Rossii (1917–1920 gg.): «vstrecha dvukh revolyutsij» ili «prodannyj korpus»? Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. No 5 (19): 2 vol. Vol. I. P. 74–85.

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.02

В.Н. Чернега

«ПРОРЫВ» ИЛИ ОТСТАВАНИЕ? РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности России совершить экономический и технологический «прорыв», императивность которого, как справедливо подчеркивает российская власть, не перестает возрастать. В современном мире, который становится все более конкурентным, Россия, по словам президента РФ В.В. Путина, без такого «прорыва» рискует «отстать навсегда». Необходимость «прорыва» диктуется и тревожными демографическими тенденциями, уменьшением численности рабочей силы.*

Автор анализирует факторы, которые делают экономику восприимчивой к инновациям и новым технологиям. Речь идет, в частности, о конкуренции, высокой стоимости рабочего места, свободной предпринимательской инициативе. В центре внимания состояние социальной сплоченности общества, без которой невозможно обеспечить устойчивое качественное развитие экономики. Затрагивается также проблема гибкости политической системы, ее способности своевременно создавать условия для экономических реформ, отвечающих вызовам времени. Во всем этом Россия пока существенно уступает передовым странам. В ее экономике слишком велик вес государства, что уже препятствует конкуренции и развитию мелкого и среднего бизнеса. Административное и коррупционное давление раздутого бюрократического аппарата и правоохранительных органов еще более усугубляют трудности этого сектора. В целом экономическая инициатива и самодеятельная инновационная деятельность российской системой, вопреки объявляемым намерениям, не поощряется, а подавляется. Заработная плата и пенсии в России значительно меньше, чем в западных государствах. Особенно тревожной является социальная маргинализация ученых и вызываемая этим «утечка мозгов» за рубеж. Увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми подрывает и без того слабую социальную сплоченность общества. Политическая система, в силу ее чрезмерной жесткости, не позволяет участвовать в модернизационных процессах живым силам общества.

В заключительной части статьи затрагивается вопрос о реформах, без которых экономический и технологический «прорыв» вряд ли состоится. Отмечается, что эти реформы, потребуют, с одной стороны, большой политической воли, с другой – осмотрительности.

Ключевые слова: *«экономический и технологический прорыв»; конкурентоспособность; социальная сплоченность; гибкость политической системы.*

**Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник,
консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.
E-mail: vladimir.tchernega@free.fr; tchernega@gmail.com**

V.N. Chernega. «Breakthrough» or Lag? Russian Project in the Contemporary World

Abstract. *The article is dedicated to the chances of Russia to make an economic and technological «breakthrough», the imperativeness of which, as rightly emphasized by the Russian authorities, never ceases to grow. In the contemporary world, which becomes more and more competetive, Russia without such a «breakthrough», according to the President of the Russian Federation Vladimir Putin, risks «falling behind forever». The need for the «breaktrough» is dictated by alarming demographic trends, a decrease in the number of labour force.*

To this connexion, the article considers the situation in the country with the factors that make the economy susceptible to innovation and new technologies. There is the question, namely, of competition, high cost of the workplace, free re-entrepreneurship ininiative. The state of social cohesion of society, without which it is impossible to ensure a sustainable high-quality development of the economy, is analized. The problem of flexibility of the political system, and its ability to create conditions for economic reforms that meet the challenges of the time, is also touched upon.

By all these factors Russia is significantly inferior to the advanced countries. In its economy, the weight of the state is too large, which already impedes the development of small and medium-sized businesses. The administrative and corruption pressure of the bloated bureaucracy and law enforcement agencies further aggravates the difficulties of this sector. In general, the economic initiative and independent innovation activity, contrary to the declared intentions, is not encouraged, but suppressed by the Russian system. The wages and pensions in Russia are in order of magnitude lower than in Western states. Particularly disturbing is the social marginalization of the scientists and the resulting «brain drain» abroad. The widening gap between the poor and the rich undermines the already weak social cohesion of the society. The political system, because of its excessive rigidity, does not allow the living forces of the society to participate in the modernization processes.

The final part of the article addresses the issue of reforms, without which the economic and technological «breaktrough» is unlikely to take place. It is especially noted that these reforms will require, on one hand, a great political will and, on the other hand, pudence.

Keywords: *«economic and technological breathrough»; competetiveness; social cohesion; flexibility of the political system.*

Chernega Vladimir Nikolaevich – Doctor of Juridical Sciences, Extraordinary and Plenypotentiary Envoy, Consultant of the Council of Europe, Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). E-mail: vladimir.tchernega@free.fr; tchernega@gmail.com

Феномен России, как известно, вызывает сегодня на Западе (и не только там) противоречивые комментарии. Одни называют ее «угасающей» или региональной державой. Другие считают, что она располагает достаточной мощью, чтобы вмешиваться чуть ли не во все процессы, происходящие в современном мире, особенно в западных государствах, с целью подорвать демократию и насадить вместо нее авторитарную модель правления. Третьи придерживаются одновременно обеих точек зрения, ничуть не смущаясь видимого противоречия. Всех их объединяет враждебность к России и существующему в ней политическому режиму. Но есть и те, кто восхищается страной и ее лидером. Их, в частности, много среди сторонников движений, которые на Западе принято называть «популистами» (хотя на самом деле в большинстве случаев это – приверженцы национального суверенитета и национально-культурной идентичности).

Конечно, многое в этих противоречиях объясняется беспощадной пропагандистской войной между Западом и Россией, в которой все средства хороши и где с обеих сторон участвуют политики, чиновники, люди творческих профессий, журналисты, а также штатные или внештатные пропагандисты, переодетые в «экспертов». Вместе с тем разнобой во мнениях имеет и объективную основу, а именно: сложность, многогранность самого объекта внимания. Ведь вопрос о том, что представляет собой современная Россия и каковы ее перспективы, вызывает споры и в ней самой. Для одних стакан хотя бы наполовину полон, для других – как минимум наполовину пуст. В последнее время к этому прибавились рассуждения о таинственном, недоступном для понимания русском народе. Российская же власть в целом придерживается простой и до поры до времени эффективной установки: «все хорошо, а будет еще лучше», если, конечно, снова не помешают внешние супостаты.

С учетом того что Россия является частью уже довольно сильно глобализированного мира и, соответственно, зависит от него, прежде чем внести свою скромную лепту в эти обсуждения, стоит сначала попытаться без предубеждений взглянуть на этот мир. В доминирующем дискурсе в России и на Западе его состояние определяется термином «кризис». В той или иной степени кризис переживают мировая экономика (а вместе с ней и политика неолиберальной глобализации), мировой порядок, установленный США и их союзниками после исчезновения СССР, а в широком плане – капитализм и демократия. На конкретном уровне очевидно кризисное состояние Европейского союза и политической системы США (впрочем, оно большей частью так или иначе связано с упомянутыми кризисами). Конфронтация между РФ и Западом, торговая война между США и Китаем, за которой стоит призрак борьбы за мировой лидерство, являются частью кризиса мирового порядка. Следует сказать и об уже давно вырисовывающемся кризисе международной стратегической стабильности, прежде всего из-за подрыва системы

договоров между США и РФ, гарантировавших определенный паритет между ними в области ракетно-ядерных вооружений.

Все эти кризисные явления бесспорны. Однако за исключением кризиса стратегической стабильности, чреватого опасностью неспровоцированной ядерной войны, они не носят критического характера. Драматизация их в значительной мере связана с ослаблением исторической памяти, свойственного современному сверхскоростному «информационному» обществу, в котором из-за нарастающего вала информации даже события двухлетней давности кажутся давней историей. На самом деле в не таком уж далеком прошлом человечество переживало гораздо более серьезные кризисы. Достаточно вспомнить Первую мировую войну, Великую депрессию начала 30-х годов, Вторую мировую войну.

Для автора этих строк, прожившего длительное время в Западной Европе и предметно представляющего себе как функционирует западное общество, нет причины сомневаться в том, что переживаемые США и Европейским союзом кризисные ситуации будут рано или поздно преодолены. Кризис, как известно со времен Г. Гегеля, есть способ разрешения накопившихся противоречий, а существующие в западных странах экономические и политические системы, при всех видимых недостатках, обладают достаточной гибкостью и эффективностью, чтобы со временем их разрешить. Несмотря на нынешние трудности, США и даже ЕС представляют собой в целом успешные проекты и именно поэтому они столь притягательны для мигрантов из самых различных стран мира, в том числе для высококвалифицированных работников и ученых. ЕС, скорее всего, не станет в обозримом будущем «мировым центром силы», как мечтает президент Франции Э. Макрон, но он вряд ли распадется, поскольку в основе его лежат экономические интересы – лучшая мотивация для любого объединения. Евроинтеграция наносит ущерб тем или иным отраслям экономики и стоящим за ними социальным категориям, она несет часть ответственности за миграционный кризис, но в целом выгоды от нее существенно превышают негатив. Отсюда тот факт, что, как показывают опросы общественного мнения в государствах-членах, даже в Греции, поставленной Евросоюзом в ситуацию жесткой долговой кабалы, более половины населения поддерживают членство в ЕС. При проведении повторного референдума в Великобритании противники «Брекзита», судя по имеющимся данным, тоже могли бы оказаться в большинстве. Вместе с тем нынешнее кризисное состояние ЕС вынуждает его лидеров вносить серьезные коррективы в интеграционный процесс, выражающиеся, например, в линии Франции и ФРГ (концепция «Европы двух скоростей»), что одновременно усложняет конструкцию ЕС и делает ее гибче и живучее.

Глобализация продолжится, поскольку формирование единой мировой экономики и единого человечества является объективным движением, разви-

вающимся по тем же неумолимым законам, что и природа. Новый импульс придает глобализации технологическая революция, основанная на цифровых технологиях и развитии искусственного интеллекта. Но, конечно, это будет не линейный процесс, а его темпы и формы будут более адаптированными к существующим международным и национальным реалиям. «Трампизм» в США вряд ли является «эпизодом», как надеются неолиберальные элиты по обе стороны океана, но он не означает и полного разрыва с глобализацией, поскольку это нанесло бы слишком большой ущерб американской экономике и геополитическим интересам глобальной державы США. Речь, скорее, идет о создании нового баланса между открытостью и протекционизмом, между ресурсами, выделяемыми на внутреннее развитие и внешнеполитические цели.

Фактор успешности национальных и международных проектов (альянсы, интеграционные группировки) всегда являлся определяющим в эволюции международного порядка. Не является исключением и нынешний этап. Мир пока не стал реально многополярным и сегодняшнее бесцеремонное поведение США на международной арене это подтверждает. Однако успешное развитие Китая и Индии, бесспорно, приближает такую перспективу. Россия также стремится превратиться в один из «мировых полюсов» или по меньшей мере в «центр гравитации» евразийского континента, что является естественным для самой большой страны мира, которая совсем недавно была одной из двух мировых сверхдержав. Более того, «державный» статус ей необходим, чтобы просто сохранить свою огромную территорию, на которой, помимо русских, компактно проживают десятки других национальностей, характеризующихся огромным культурно-ментальным разнообразием.

Главная проблема России состоит как раз в том, что, являясь частью глобализированного мира, в котором нарастает экономическая, технологическая и геополитическая конкуренция, она пока не является достаточно успешным проектом. Ее шансы на успешность в мировой гонке очень невелики. Она уже проиграла, например, демографическое соревнование с основными сегодняшними державами, к которым постепенно подтягиваются другие претенденты на «державность». Стоит напомнить, что в России проживают сейчас 146 млн человек, в США – 340 млн, в Китае – 1,4 млрд, в Индии – 1,38 млрд, в Индонезии – 269 млн, в Пакистане – 215 млн, в Бразилии – 209 млн, в Нигерии – 200 млн. Одним из последствий глобализации стало относительное, но ощутимое сокращение разрыва в производительности труда на душу населения между развитыми и развивающимися странами. При продолжении этой тенденции будет возрастать роль численности населения как фактора международной конкуренции, соответственно самые населенные государства имеют больше шансов на высокое место в «табели о рангах» держав, чем малонаселенные.

Российской власти удалось после 2000 г. повысить коэффициент рождаемости с 1,21 до 1,76, что можно считать крупным успехом. Однако даже простое воспроизводство населения обеспечивается при коэффициенте 2,1, прирост же его требует более высокой рождаемости. Она же, напротив, в последние два года стала понижаться. К тому же страна одновременно попала в «демографическую» яму, связанную с низкой рождаемостью в 90-е годы. Новые меры по поддержке семей с детьми, особенно многодетных, объявленные в февральском послании 2019 г. Президента РФ Федеральному Собранию, сами по себе очень правильные, но по общему мнению специалистов являются недостаточными, чтобы переломить негативную тенденцию.

Конечно, трудная демографическая ситуация характерна не только для России. В Германии, например, низкий уровень рождаемости и старение населения побудили Министерство экономики на неоднократные прогнозы, что в 2050 г. этой стране будет недоставать примерно половины необходимых трудовых ресурсов. Существующие уже сегодня трудности явились одной из главных причин великодушия А. Меркель в отношении волны мигрантов, проявленного ею в 2015 г. («мы справимся…»), по сути стоившего ей политической карьеры. Однако в подобных странах можно еще долго «держаться» за счет высокой производительности труда, характерной для высокотехнологичной экономики, а также привлекательности развитых стран для иностранных работников высокой квалификации. Россия же, как известно, пока не может похвастаться ни тем, ни другим. В довольно многочисленной иностранной рабочей силе на территории России, как констатируется в «Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы», утвержденной Президентом В.В. Путиным в октябре 2018 г., «значительную долю составляют низкоквалифицированные работники», востребованность которых объясняется «недостаточным в некоторых отраслях экономики уровнем технологического развития и организации труда, сокращением рабочих мест, требующих средней и высокой квалификации труда» [Указ Президента 2018, с. 4]. Российская власть говорит о необходимости построить в стране высокотехнологичную и инновационную экономику, не зависящую от экспорта энергетических и других сырьевых ресурсов, уже давно. Президент Д.А. Медведев в послании Федеральному Собранию 2009 г. назвал модернизацию вопросом выживания страны. Ранее он обозначил пять приоритетов развития: инфраструктура, инвестиции, институты, инновации и интеллект. С тех пор, однако, решающего прогресса в деле модернизации не произошло. Президент В.В. Путин, как известно, в своей инаугурационной речи 7 мая 2018 г. вновь указал на императивный характер «экономического и технологического прорыва» страны. Он неоднократно подчеркивал, что «иначе мы рискуем отстать навсегда». Установка на «прорыв» и на достижение темпов экономического развития выше или хотя бы не ниже среднемировых

воплотилась с помощью его указа в широко освещаемые 12 национальных проектов, которые правительство РФ сейчас наполняет конкретикой, в частности необходимыми средствами.

Можно предположить, что при закачивании в экономику огромных государственных инвестиций определенные положительные результаты будут достигнуты. К этому подталкивает и санкционное давление на Россию со стороны США и их союзников. В нашей стране всегда что-то реально сдвигалось с места только тогда, когда просто не оставалось другого выхода. Однако перспективы «экономического и технологического прорыва», перехода к высокоэффективной экономике, основанной прежде всего на использовании «серого вещества», остаются весьма неопределенными.

Технологический прогресс, восприимчивость экономики к инновациям определяются множеством факторов, но особое место среди них занимает конкуренция. В России, как отмечают многие отечественные и зарубежные специалисты, она сильно деформирована. Главные причины хорошо известны – слишком большой вес государства в экономике (около 70% ВВП), административное и коррупционное давление на бизнес, в том числе со стороны правоохранительных органов, рейдерские захваты успешных предприятий, широко распространенное «кумовство» на уровне региональных и местных элит, неэффективность правосудия, не позволяющая найти судебную защиту. В.В. Путину случалось журить губернаторов за стремление «порадеть родному человечку» при проведении тендеров на государственные закупки, а федеральная власть жаловалась на постоянные просьбы с их стороны об «исключениях» из этой системы. Президент в своем Послании Федеральному Собранию в феврале 2019 г., как известно, вновь обратил внимание на то, что около 45% уголовных дел, заведенных в 2018 г. на предпринимателей, не были доведены до суда. Иначе говоря, речь шла о банальном «доении» бизнеса. Но есть бизнесмены, которые платят правоохранителям, чтобы устранить с их помощью конкурентов.

Более восприимчивы к технологическому прогрессу так называемые дорогие экономики с высокой стоимостью рабочей силы. Конечно, этот фактор подвигает к делокализации ряда производств в страны с дешевой рабочей силой, но всю экономику переместить туда невозможно, кроме того, как правило, условия для ведения бизнеса в дорогих странах значительно лучше. Высокая стоимость рабочего места в условиях конкуренции вынуждает все время совершенствовать технологии, оптимизировать структуру производства и т.д. Напротив, в «дешевых экономиках» с низкими заработными платами этот стимул серьезно ослаблен. Россия, очевидно, относится к данной категории, зарплаты и социальные пособия в ней значительно ниже, чем в развитых западных странах. По размеру средней зарплаты ее обгоняют и такие страны,

как Китай, Румыния или Казахстан. Причем в долларовом выражении или в евро в России она не выросла с 2008 г.

В связи с задачей технологического «прорыва», который невозможен без подъема науки, нельзя не упомянуть также проблему оплаты труда ученых в России. Зарплата ведущего научного сотрудника, доктора наук во многих академических институтах в Москве в среднем едва превышает заработок полуграмотного дворника-мигранта из Средней Азии. В западных странах, особенно в США, Германии, Швейцарии, оплата труда научных работников выше во много раз. Неудивительно, что Россию каждый год покидают тысячи молодых ученых. Можно сколь угодно упрекать их в отсутствии патриотизма, но вряд ли это принесет результат в обществе, где главной религией элит являются деньги. Есть, конечно, те кто возвращаются, но их, к сожалению, немного.

В.В. Путин неоднократно подчеркивал важность для «прорыва» освобождения предпринимательской инициативы. Пока, однако, как показывают социологические обследования, она остается очень скованной, что особенно негативно сказывается на развитии мелкого и среднего предпринимательства. Парадоксальным образом, несмотря на постоянно афишируемую российской властью заботу о мелком и среднем бизнесе, он почти не развивается, а его доля в ВВП страны остается на уровне 20–21%. Для сравнения: в США этот показатель составляет около 58%, в ЕС – 46–48%. Столь высокая доля неслучайна, именно мелкие и средние предприятия придают экономике необходимую гибкость, они быстрее адаптируются к вызовам времени.

Главные причины трудностей мелкого и среднего бизнеса и экономики в целом в России отмечены выше в связи с проблемой конкуренции. В самом широком плане – это слишком большой вес в экономике государственных монополий и государства. Конечно, ни одно современное общество не может существовать без государственно-бюрократического аппарата, но не следует забывать, что он является «необходимым злом». Как известно, в 50-е годы английский автор С. Паркинсон вывел «закон» (названный его именем), который гласит, что любая бюрократическая структура через какое-то время фактически перестает служить цели, ради которой она была создана, и начинает функционировать для самой себя и в самой себе находить оправдание своего существования. С. Паркинсон пришел к этому выводу после стажировки в Министерстве колоний Великобритании. В конце XIX в., когда последняя владела половиной мира, в нем работали 800 человек, и они вполне справлялись со своей задачей. В 50-е годы колоний почти не осталось, но министерство насчитывало уже несколько тысяч сотрудников. Все они были «при деле», изнемогали от бумажной круговерти [Паркинсон 2003, с. 32–61].

Раздувание бюрократического аппарата, его стремление контролировать и регламентировать все и вся и тем самым убивать самодеятельную инициа-

тиву – повсеместная болезнь. Но особенно сильно она поражает те страны, где государству удается подмять под себя гражданское общество, и где парламент и судебная система не выполняют функцию противовеса исполнительной власти. Отсюда, как подтверждает российская статистика, безуспешность борьбы со слишком большой численностью аппарата, особенно начальников всех уровней, а также с тенденцией изобретать все новые регламенты, ограничения, запреты и т.п. В.В. Путин, как известно, поручил правительству отменить к 2021 г. накопившееся огромное количество устаревших актов, а другие – осовременить с тем, чтобы облегчить экономическую деятельность в стране. Чуть позже, в одном из телевизионных интервью, министр финансов А.Г. Силуанов объяснил, что взамен старых актов будут составлены новые, отвечающие современным реалиям. Есть основания опасаться, что «упрощение» и «облегчение» во многих случаях обернутся противоположным результатом, как это не раз уже бывало в прошлом.

Важным условием устойчивого успешного развития экономики является социальная сплоченность общества, которая невозможна при большом социальном неравенстве и повсеместном ощущении социальной несправедливости. В России не просто намного больше разрыв между малоимущими и богатыми и значительно более распространена бедность чем, к примеру, в странах ЕС. В России начала складываться «новая наследственная знать», основанная не только на передаче детям, внукам, другим родственникам «нажитого тяжким трудом», но также на гарантированном обеспечении руководящих постов в государственных корпорациях, государственном аппарате и различных бюджетных структурах. Конечно, элиты стремятся воспроизводить себя всегда и везде, но в России это приняло самую грубую форму, напоминающую феодальный порядок. Главный порок такой феодально-капиталистической системы – блокировка «социальных лифтов», недостаточное обновление элит с помощью «свежей крови», поступающей снизу, не говоря уже о проблеме социальной справедливости. Замыкание российских элит на самих себе вряд ли можно изменить с помощью введения ЕГЭ или таких нововведений, как конкурс «Лидеры России». Нужна системная политика, включающая в себя правовые и административные меры, а также поддержку соответствующих расследований СМИ и структур гражданского общества.

Закостенелость и недалекий эгоизм российских элит проявляются, в частности, в их упорном нежелании перейти к прогрессивному подоходному налогу, который имеет не только фискальное измерение, но также связан с принципами социальной справедливости и социальной солидарности, что гораздо важнее. Во Франции, например, которую автор знает лучше других стран, более половины населения, в частности многие семьи с детьми, освобождены от этого налога. Среди тех 43% населения, которые платят, ставка

налога начинается с 14%, почти как НДФЛ в России. Для тех, кто побогаче, ставка выше, но особенно много платят реально высокооплачиваемые категории. Для лиц с доходом больше 3,2 млн руб. в месяц ставка достигает 58,8% [Nezosi 2016, p. 55–56]. Конечно, платить им не хочется, но такова цена мощной системы социальной защиты, хороших дорог, развитого здравоохранения, обустроенных школ и вузов, а в конечном счете – отмеченной социальной сплоченности, исключающей революционные катаклизмы.

В самом широком плане устойчивость и особенно качество экономики требуют достаточно гибкой политической системы, способной своевременно обеспечивать условия для реформирования экономических и социальных процессов, в соответствии с вызовами времени. Пока что ни одна система не смогла сравниться в этом отношении с демократическим строем. В российских правящих кругах сейчас моден тезис о том, что демократия на Западе является лишь игрой, за которой скрывается власть денег, военно-промышленного комплекса, спецслужб и т.п. Действительно ни в одной стране мира нет демократии в том смысле, в каком ее понимали в древних Афинах, а именно: «народовластия». Везде правят элиты, которые обычно легитимируют свою власть путем выборов. Вместе с тем в демократических государствах выборы, в силу происходящей во время их настоящей, а не имитационной конкурентной борьбы, делают демократию одновременно игрой и реальностью. Одна из главных причин сегодняшнего кризиса демократии на Западе состоит как раз в том, что игры стало больше, а реальности – меньше. Кроме того, неолиберальные элиты «не заметили», что глобализация нанесла ущерб многим социальным категориям в их странах.

Однако в условиях демократии у населения есть возможность «поправить» свои элиты. В Великобритании это проявилось в форме «Брекзита», в США – путем избрания президентом Д. Трампа, в ряде стран Западной и Восточной Европы – в виде усиления позиций в структурах власти уже упоминавшихся «популистских» партий. Во Франции, где развитая гражданственность и очень сильное недоверие к элитам (французы считают, что те кто пробиваются «наверх», делают это исключительно в собственных эгоистических интересах) сочетаются с традицией боевитости, «коррекция» власти приняла более острую форму. Имеются в виду массовые проявления протеста, прежде всего в виде движения «желтых жилетов».

Российские СМИ очень поверхностно освещали эти события, ставя акцент на повышении цен на бензин в качестве причины протестов и на насилии с двух сторон. Между тем они заслуживают более глубокого анализа, так как речь шла не просто о бунте нескольких десятков тысяч людей, а о конфликте между гражданским обществом и неолиберальной государственной властью, который вызревал в течение многих лет. Избранный в мае 2017 г. Президентом Франции Э. Макрон в целях повышения эффективности

национальной экономики начал осуществлять глубокие преобразования на предприятиях (особенно с государственным участием), на рынке труда, в налоговой сфере, в пенсионной системе и в целом в системе социального обеспечения, в области образования и профессиональной подготовки. Они должны были уменьшить налоговую и социальную нагрузку на предпринимателей, облегчить работодателям увольнение персонала, ослабить роль профсоюзов, а в более широком плане – усилить индивидуальную ответственность французов за свою судьбу. Но молодой и неопытный глава государства, воспитанник Банка Ротшильда («золотой мальчик», как его называют оппоненты), не учел не только приверженности французов «социальным завоеваниям», но и то, что в их глазах указанные реформы обостряли проблемы, копившиеся на протяжении последних десятилетий, в частности обеднение значительной части среднего класса и общее падение покупательной способности населения. Особенно возмутило их то, что Э. Макрон отменил налог на крупные состояния (кроме недвижимости). Политические противники еще до этого называли его «президентом богачей». Отсюда тот факт, что движение «желтых жилетов» вначале поддерживали более 80% населения.

Перед лицом радикальных форм протеста власть сначала растерялась, затем начала проявлять «твердость». Более 17 тыс. человек были задержаны, около 7 тыс. были затем арестованы, 345 человек получили тюремные сроки, почти 1,5 тыс. ожидают рассмотрения дела в суде. В общем, если сосредоточиться только на этой части истории, можно было бы согласиться с российскими критиками демократии. Но история этим не ограничилась. Прежде всего Э. Макрон был вынужден пойти на существенные уступки экономического характера. Около 7 млн французов с низкими доходами[1], в основном трудящиеся, получающие гарантированный минимум оплаты труда (в российском эквиваленте – около 90 тыс. руб.), получили прибавку от 15 до 25 тыс. руб. в месяц. После восьмилетнего перерыва с 1 января 2020 г. возобновляется индексация пенсий по показателю инфляции, а получателям пенсий менее 148 тыс. руб. в месяц был снижен размер взноса в социальные фонды (с 8,8 до 6,6%) [Peilton 2019, p. 2].

Стоит отметить, что цены на большинство промышленных товаров и продуктов питания во Франции сравнимы с ценами в крупных российских городах.

Вместе с тем Э. Макрон организовал по всей стране обсуждение острых проблем французского общества, где каждый мог высказать власти свои озабоченность и пожелания. Президент лично принял участие в ряде из них, в частности в некоторых малых городах и поселках, где особенно много эко-

1. Население Франции насчитывает 67 млн человек.

номических и социальных проблем, а также в парижском пригороде, известном регулярными молодежными бунтами.

Поскольку на данные собрания мог прийти любой житель, ему пришлось услышать очень жесткую критику в свой адрес, временами граничившую с оскорблениями. Следует отдать должное Э. Макрону, он мужественно перенес это испытание, в связи с чем его рейтинг, опустившийся в декабре 2018 г. до 23%, поднялся в феврале 2019 г. до 34% [La côte de popularité 2019, p. 1]. Он обещал учесть многие из требований «желтых жилетов», в том числе политического характера, например рассмотреть вопрос о проведении референдумов «народной инициативы» (т.е. по инициативе определенного числа граждан) и о возвращении в избирательные бюллетени графы «против всех». Правда, позже он от этих обещаний по существу отказался и его рейтинг вновь опустился [Meens 2019, p. 3].

Французская история показывает, что демократия не означает мягкотелости или отсутствие порядка. В России приверженцы либеральной тенденции обычно забывают, что у демократического строя есть два «крыла»: честные, реально конкурентные выборы; правовое государство, означающее безусловное исполнение закона всеми (как властью, так и гражданами) и равенство граждан перед законом. Если второго «крыла» нет, демократия приобретает поверхностный характер, как в нынешней Украине. Вместе с тем французская система проявила достаточную гибкость, в процесс реформ были внесены коррективы, позволившие сбить накал страстей. Движение «желтых жилетов» пошло на убыль, а внимание общества переключилось на выборы в Европейский парламент в мае этого года. По большему счету выиграли все, в том числе и власть, восстановившая контакт с собственным народом.

Конечно, критики демократии могут сослаться на «экономическое чудо» коммунистического Китая. Но в этой стране реформы Дэн Сяопина действительно, а не на словах высвободили предпринимательскую инициативу. Кроме того, как известно, он ввел принцип регулярной смены правящих команд. К этому следует прибавить жесткую борьбу с коррупцией и огромные средства, инвестируемые в образование, науку, технологии, инфраструктуру. На нынешнем этапе поставлена также задача борьбы не просто с бедностью, а с социальным неравенством. Однако по поводу устойчивости «чуда» все же существуют сомнения. Автору трудно удержаться от искушения и не процитировать собственную статью, опубликованную еще в 2000 г. в журнале «Международная жизнь»: «Неясно, сможет ли Китай без ущерба для своего развития преодолеть противоречие между существующей там старой политической системой и новой экономикой» [Чернега 2000, с. 52].

Как оно разрешается, мы видим сегодня. Принцип регулярной смены властных команд отменен, в целом имеет место ужесточение режима. Большинство западных экспертов считают, что рано или поздно это ослабит шансы

Китая в борьбе за экономическое и технологическое лидерство с США. На стайерских дистанциях более гибкая демократическая система всегда выигрывала, как это было в случае соперничества США с СССР. Стоит подчеркнуть, что последний рухнул не из-за поражения в холодной войне (этот миф почему-то укоренился и в России), а из-за проигрыша в экономическом и идейно-психологическом соревновании с Соединенными Штатами и Западом в целом. Конечно, были также «происки внешних врагов», но экономически успешное и социально сплоченное государство подорвать им не по силам.

С учетом всего сказанного выше очевидно, что Россия сможет осуществить экономический и технологический «прорыв» и тем более обеспечить устойчивое качественное развитие экономики лишь при условии проведения серьезных реформ, затрагивающих базовые параметры системы и привилегии правящего класса (в его же собственных долгосрочных интересах). Необходимо прежде всего, как давно предлагают многие специалисты, уменьшить вес государства в экономике, существенно ограничить возможность вмешиваться в экономические процессы со стороны правоохранительных органов, обеспечить значительно большее перераспределение национального богатства в пользу малоимущих слоев населения, уменьшить давление власти на гражданское общество. Система долго оправдывала себя, ее заслугой было обеспечение определенной стабильности, но сейчас она явно исчерпывает себя. Это подтверждается и недавними опросами общественного мнения, впервые зафиксировавшими, что большинство россиян хотят перемен. Все большее число их считает, что «державность» означает прежде всего успешную современную экономику и высокий уровень жизни [Хамраев 2018, с. 2].

Проведение подобных реформ требует одновременно мужества и осмотрительности. В нашей стране уже есть опыт неумелой «перестройки», да и элиты США не скрывают своего желания сменить режим в РФ. Речь, соответственно, может идти о продуманном и постепенном процессе, который, однако, был бы достаточным для того, чтобы люди поверили в реальность перемен. Для начала желательно хотя бы смягчить условия для проведения митингов и демонстраций и возвратить в избирательные бюллетени графу «против всех». Никакой серьезной угрозы для системы это не принесет, но послужит «клапанами» для выхода общественного недовольства и повысит доверие к власти. Кроме того, голосование «против всех», там где оно существует, лучше любых опросов показывает уровень такого недовольства и необходимость внесения корректив в политику государства.

В.В. Путин за время своего пребывания у власти показал себя проницательным и дальновидным политиком, лучше понимающим собственный народ, чем основная масса правящих элит или российские либералы. Но хватит ли ему волевого и политического ресурса, чтобы начать с какого-то

момента осуществлять необходимые глубокие перемены – от ответа на этот вопрос зависит будущее России как великой державы.

Библиография

Паркинсон Сирил Н. Законы Паркинсона. М.: Попурри, 2003. 480 с.

Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России: Официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986 (Дата обращения: 28.04.2019.)

Хамраев В. Благополучие дороже величия // Коммерсантъ. 2018. 6 нояб. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3792003 (Дата обращения: 10.12.2018.)

Чернега В.Н. Шансы России в XXI веке // Международная жизнь. 2000. № 1. С. 50–58.

La côte de popularité de Macron remonte de 6 points, à 34% // Challenges. 2019. 05 Fév. P. 1.

Meens C. Sondage: nouveau coup d'arrêt pour Emmanuel Macron // Le Figaro. 2019. 02 Mai. P. 3.

Nezosi G. La protection sociale. Paris: La Documentation française, 2016. 239 p.

Peilton L. Quels retraites vont être concernés par la réindexation des pensions? // La Libération. 2019. 30 Avril. P. 2.

References

Chernega V.N. Shansy Rossii v XXI veke. Mezhdunarodnaja zhizn'. 2000. No 1. P. 50–58.

Hamraev V. Blagopoluchie dorozhe velichija. Kommersant. 2018. 6 Nov. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3792003 (Date of access: 10.12.2018.)

La côte de popularité de Macron remonte de 6 points, à 34%. Challenges. 2019. 05 Fév. P. 1.

Meens C. Sondage: nouveau coup d'arrêt pour Emmanuel Macron. Le Figaro. 2019. 02 Mai. P. 3.

Nezosi G. La protection sociale. Paris: La Documentation française, 2016. 239 p.

Parkinson Siril N. Zakony Parkinsona. Moscow: Popurri, 2003. 480 p.

Peilton L. Quels retraites vont être concernés par la réindexation des pensions? La Libération. 2019. 30 Avril. P. 2.

Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktjabrja 2018 g. No 622 «O koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody». Prezident Rossii: Official Website. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986 (Date of access: 28.04.2019.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.03

Д. Бурмо, Н.Ю. Лапина

ДВИЖЕНИЕ «ЖЕЛТЫХ ЖИЛЕТОВ»: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ И ФРАНЦИИ

Аннотация. *Взаимодействие политической реальности и формирование представлений о ней – важное направление политических исследований. Авторов статьи интересовало: как уже более полугода потрясающее Францию движение «желтых жилетов» воспринимается изнутри и извне – во Франции и в России? Метод «двойного сканирования» дает представление о том, как в разных странах формируются политические образы, кто и с какой целью участвует в их создании. Особое внимание уделяется вопросу, как массмедиа двух стран «работают» с актуальным политическим материалом.*

Во Франции аналитиков, прежде всего, интересует состояние общества, социальный профиль участников протеста, их требования и мотивация. В основу анализа положены размышления о «периферийной Франции» географа К. Гиллюи, который занимается изучением социальных слоев, забытых государственной политикой, политическими и медийными элитами. Эксперты отмечают особенности движения: оно возникло на периферии, не организовано и не структурировано, у него отсутствует лидер. Сложные отношения сложились у движения «желтых жилетов» со СМИ: между информационными и социальными акторами возникло глубокое взаимное непонимание, приведшее к открытому конфликту. Российские аналитики писали о «желтых жилетах», основное внимание уделяя анализу политических последствий протестного движения, его влиянию на французскую власть. Делался вывод, что движение протеста не даст Президенту Франции Э. Макрону реализовать европейский проект и стать лидером объединенной Европы. Французское общество и акторы социального протеста интересовали российских экспертов в меньшей степени. Интерпретация французских событий позволяет узнать о состоянии российского общества и его элит. В образах «желтых жилетов», как в «двойном зеркальном отражении», видна современная Россия.

Ключевые слова: *движение протеста; «желтые жилеты»; глобализация; Франция; Россия; массмедиа; политика; В.В. Путин; Э. Макрон; «двойное зеркальное отражение»; образ.*

Бурмо Даниэль – профессор политологии (Университет Бордо), директор Центра политических исследований им. Монтескьё (2010–2018), соруководитель магистратуры «Сравнительная политика: мышление и политические режимы».
E-mail: danielbourmaud@yahoo.fr

**Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН.
E-mail: lapina_n@mail.ru**

D. Bourmaud, N.Yu. Lapina. Movement of «Yellow Vests»: View from Russia and France

Abstract. *The interaction of political reality and the formation of ideas about it are an important area of political research. The authors were interested in the article: how has, for more than half a year, the «yellow vests» movement, which is amazing for France, been perceived from the inside and outside – in France and in Russia? The «double scan» method gives an idea of how political images are formed in different countries, who and with what purpose participates in their creation. Special attention is paid to the question of how the mass media of the two countries «work» with relevant political material.*

In France, analysts were primarily interested in the state of society, the social profile of protesters, their demands and motivation. The analysis was based on reflections on the «peripheral France» of the geographer Ch. Guilluy who is studying social groups that have been forgotten by state policy, political and media elites. Experts noted the peculiarities of the movement: it originated on the periphery, it is not organized and not structured, it lacks a leader. Difficult relationships developed between the «yellow vests» movement and the media: there was a deep mutual misunderstanding between informational and social actors, which led to open conflict. Russian analysts have written a lot about «yellow vests», focusing on analyzing the political consequences of the protest movement, its influence on French power. It was concluded that the protest movement would not allow the French President E. Macron to implement the European project and become the leader of a united Europe. French society and social protest actors were less interesting to Russian experts. Interpretation of French events allows you to learn about the state of Russian society and its elites. In the images of «yellow vests» as in a «double mirror reflection» modern Russia is visible.

Keywords: *protest movement; «yellow vests»; globalization; France; Russia; mass media; politics; V.V. Putin; E. Macron; «double mirror reflection»; image.*

**Bourmaud Daniel – Professor of Political Science,
University of Bordeaux, Director of CMRP (2010–2018),
Co-responsible of Master «Comparative Politics:
Thinking and Political Regimes». E-mail: danielbourmaud@yahoo.fr**

**Lapina Natalia Yur'evna – Principal Researcher, INION RAN,
Doctor of Political Sciences (Sc.D. in Politics).
E-mail: lapina_n@mail.ru**

Мы живем в пространстве реальных событий, но видим и воспринимаем их по-разному. Реальный мир и мир образов постоянно сталкиваются, порождая взаимное непонимание, напряжения и конфликты. В ноябре 2018 г. во Франции

вспыхнули массовые протесты. Движение было направлено против увеличения цен на топливо, а его символом, униформой, стал желтый жилет автомобилиста, который имеется в любом транспортном средстве. На протяжении месяцев выступления «желтых жилетов» приковывали к себе внимание мировой общественности. Каждую субботу телеканалы всего мира передавали репортажи о массовых акциях, которые проходили в Париже и других городах страны. В этой связи нам представлялось интересным проанализировать, как эти события были восприняты во Франции и России, как они освещались в СМИ и интерпретировались аналитиками.

В России интерес к событиям во Франции не случаен. Франция – давний партнер России, страна, на протяжении истории оказывавшая большое влияние на российскую политику и культуру. Тем не менее отношение россиян к Франции амбивалентно. В 1990-е годы Запад воспринимался гражданами России положительно. В 1998 г. половина россиян в культурном отношении отождествляла себя со странами Запада, в том числе с Францией [Российская идентичность 2007, с. 104]. Затем наступило охлаждение, после присоединения Крыма и введения антироссийских санкций переросшее в открытое неприятие. К 2018 г. «Крымский консенсус» – поддержка населением внешнеполитического курса страны распался. Проведенный в 2018 г. опрос «Левада-Центра» показал, что россияне (68%) вновь повернулись лицом к Западу. Другой опрос, проведенный в ноябре 2018 г. ФОМ, свидетельствовал, что большинство наших соотечественников (63%) с симпатией относились к Франции [Инфографика 2018].

Движение «желтых жилетов» вспыхнуло стихийно, оно не вписывается в традиции социальных протестов, которыми богата история Франции. В среде аналитиков и политиков движение вызывает множество вопросов. Французские специалисты пытаются разобраться в том, что происходит в их стране и сможет ли движение «желтых жилетов» изменить общество и политические институты V Республики. Вместе с тем образы, которые транслируются французскими массмедиа, не отражают всех сторон массового протеста, и это порождает новые конфликты и напряжения.

«Желтые жилеты»: Люди, забытые демократией

Движение «желтых жилетов» возникло на общественной сцене Франции неожиданно. Оно зародилось в октябре 2018 г. после того, как в социальных сетях были опубликованы первые призывы к проведению протестных акций и оформилось к 17 ноября, когда по всей Франции прошли первые выступления. Кто-то из протестующих в соответствии с традицией участвовал в массовых манифестациях. Но были и новые формы протеста: участники протеста объединялись на перекрестках перед въездом в города, на въезде / выезде на

платные автотрассы, частично блокировали дороги и выходили на акции по субботам, поскольку в другие дни они работают. Первое выступление, получившее название «Первого акта», состоялось 17 ноября. С тех пор выступления повторяются каждую субботу уже на протяжении более шести месяцев.

Движение «желтых жилетов» не похоже на типичные для Франции социальные выступления. У движения нет организации, его участники действуют спонтанно, и это порождает скептицизм в отношении способности протестующих изменить существующий общественный порядок. Тем не менее длительность выступлений, его масштабы – движение охватило территорию всей Франции, способы выражения протеста, в которых дружелюбная атмосфера на перекрестках сочеталась с зашкаливающей агрессивностью меньшинства, вынудили правительство сначала принять срочные финансовые меры, бюджет которых составил 10 млрд евро, а затем провести «Большие дебаты», цель которых – найти решение вопросов, которые волнуют общество.

Итак, Франция охвачена очередным приступом «лихорадки в шестиугольнике»[1], которые сотрясают ее на протяжении более двух столетий. Остается понять: выходит ли движение «желтых жилетов» за рамки рядового события. Это движение – отражение социального и политического кризиса в стране, которая перед лицом масштабной неолиберальной трансформации последней четверти века упорно пыталась скрыть радикальность и глубину происходивших изменений. «Желтые жилеты» – это возвращение «отверженных», которые открыто говорят о том, что было недосказано в процессе глобализации и навязанной модернизации.

Забытые люди с периферии

Участники движения протеста представляют собой маргинальную Францию, забытую политиками и массмедиа. Именно этим объясняется сначала удивление, а затем испуг, которые вызвало движение, ранее не зафиксированное официальными радарами. Поводом к началу массовых движений протеста послужило увеличение цены на бензин и дизельное топливо. Со временем дискурс протестующих расширился, включив такие темы, как критика социального неравенства, потребность в признании, требование уважения человеческого достоинства, стремление быть услышанными. Антифискальный протест свидетельствовал о неприятии правительственных мер, которые рассматриваются людьми как чрезмерные и несправедливые.

1. Территория Франции по своей форме напоминает шестиугольник. В 2009 г. французским политологом М. Виноком была опубликована книга под названием «Лихорадка в шестиугольнике» (Winock 2009).

Протест кристаллизовался вокруг проблемы частного автотранспорта и его использования в повседневной жизни. Сама постановка вопроса свидетельствовала о наличии во французском обществе глубокого раскола: две Франции, живут бок о бок, но придерживаются разных стилей жизни. С одной стороны, процветают метрополитанские города, где есть рабочие места, действуют социальные службы и образовательные учреждения. Эта часть Франции динамично развивается, она интегрирована в глобальные процессы. С другой стороны, где-то прозябает «периферийная Франция», если использовать определение географа К. Гиллюи [Guilluy 2014]. Налог на топливо, сборы от которого должны идти на борьбу с загрязнением окружающей среды, не учитывал транспортных сложностей той части населения, которая живет в местах, удаленных от городов с их развитой транспортной инфраструктурой. Новый налог отвечал интересам горожан, озабоченных вопросами экологии, для которых автомобиль – это символ вреда, принесенного современной цивилизацией. В их представлениях машина бессмысленно загрязняет воздух, поскольку в повседневной жизни нужды в ней нет.

В свою очередь «тачка» является транспортным средством ежедневного использования для той части населения, которая проживает за пределами городов. У этих людей невысокие доходы, они были вынуждены переехать в районы, удаленные от города и места работы. Для них машина – не роскошь, но дорогостоящий и необходимый «рабочий инструмент». Именно этим объясняется непринятие «желтыми жилетами» фискальных мер, направленных против людей, которые просто не могут жить иначе, мер, еще больше увеличивающих социальное неравенство. «Желтые жилеты» выступают против роста цен на топливо, против ограничения скорости до 80 км/час на загородных трассах и установки на них радаров. Они требуют восстановления налога на богатство, отмененного президентом Э. Макроном сразу после его избрания, меры, символизирующей налоговые привилегии, которыми пользуются богатые французы.

Движение протеста охватило страну, мобилизация была повсеместной. На подъездах к населенным пунктам есть перекрестки, они-то и стали местом объединения участников протеста. На перекрестках хорошая видимость, что немаловажно для той части Франции, которая считает себя «невидимой». Субботние массовые акции являются завершением «стояния» в течение всей недели. Движение «желтых жилетов» мыслит себя на перспективу. Это своего рода война на изнурение, которую периферия ведет против центра. Партизанская война, у которой, как считают ее теоретики, своя логика, поскольку города находятся в окружении сельской местности…

Движение поражает не столько числом участников, сколько продолжительностью выступлений. Уровень субботней мобилизации[2] не оставался неизменным. Вначале выступления были многочисленными, со временем их число сократилось. По данным Министерства внутренних дел, а они сильно занижены, в первый день 17 ноября во Франции насчитывалось 282 тыс. протестующих, в декабре каждую субботу в протестах участвовали до 140 тыс., в январе – от 70 до 75 тыс. человек. К весне число участников сократилось, 20 апреля на улицы французских городов вышли 27 тыс. участников, из них 8 тыс. – в Париже[3]. Многочисленными были участники традиционных первомайских демонстраций: 164,5 тыс. человек, по данным МВД, и 310 тыс., по данным профсоюза ВКТ. В этот день «желтые жилеты» шли в одних рядах с профсоюзами.

Протесты не завершились, как на то рассчитывало правительство, сохранились и «блок-посты» на перекрестках. А главное, общественное мнение, осуждающее насилие и причинение ущерба частным лицам и городскому имуществу, проявило солидарность в отношении протестующих. А это значит, что гнев «периферийной Франции» находит понимание в обществе. В самом начале общественная поддержка была массовой, составляя 80%, со временем ее уровень снизился. Однако невзирая на акты насилия, которыми сопровождаются выступления «желтых жилетов», половина французских граждан продолжает высказывать им симпатию. В мае газетой «Либерасьон» было опубликовано обращение 1400 представителей творческой интеллигенции – писателей, актеров, интеллектуалов, – в котором они выразили свою поддержку движению и протестовали против попыток его дискредитации властями [Les «gilets jaunes» 2019].

Французское общество и аналитики с недоумением наблюдали за социальным движением, которое приняло необычные формы. Возникает немало вопросов в отношении социального профиля его участников. Пока что исследования и социологические опросы немногочисленны. Тем не менее они позволяют выявить социальный портрет периферии, которая вступила на путь диссидентства. В движении протеста в равной степени участвуют женщины и мужчины (54%); в возрастном отношении «желтые жилеты» – люди среднего

2. Существуют разные данные о численности участников субботних выступлений, они различаются в зависимости от источников информации: Министерства внутренних дел, самих «желтых жилетов» или самоорганизовавшейся группы полицейских, которые называют себя «разгневанными полицейскими» (policies en colère).

3. Сокращение числа митингующих связано также с тем, что силы порядка в последние месяцы начали блокировать парижские вокзалы, куда «желтые жилеты» приезжают из провинции, а также проводят массовые задержания перед манифестациями.

возраста, располагающие средними и низкими доходами (в среднем 1700 евро в месяц), в своей массе – это служащие (1/3 участников). В движении также представлены мелкие предприниматели, торговцы, ремесленники (10%) [«Gilets jaunes» 2018].

Исследование, проведенное фондом им. Ж. Жореса в январе 2019 г., выявило особенности социального профиля участников протеста. «Желтые жилеты», как отмечали социологи, в основном выходцы из рабочей среды (рабочие, служащие, самозанятые, в том числе сельские хозяева) [Fourquet 2019, p. 14], которые оказались в схожей ситуации. Если сравнивать с движением Пужада[4], которое, имея достаточно узкую социальную базу, в 1956 г. смогло поколебать основы IV Республики, движение «желтых жилетов» по-настоящему укоренено во французском обществе. Исследователи отмечают, что важным объединяющим участников протеста фактором является образовательный уровень. В этом смысле можно говорить о существовании во французском обществе подлинного культурного разлома. Наиболее образованная часть общества – лица, имеющие диплом об окончании средней школы или университета, в протестах в основном не участвовали. Движение «желтых жилетов» стало своеобразным уроком прикладной социологии для всех тех, кто не верит в то, что французское общество действительно расколото. Оно продемонстрировало, что статус, культурный капитал, место проживания являются важными социальными маркерами забытой, но не склонившей голову Франции, Франции, которая хочет быть услышанной.

Специфика движения состоит в том, что в нем спонтанно объединились социальные группы, которые оказались на периферии глобального мира. Не интегрированные в современный социум люди неожиданно заявили о себе, ломая представления, которые глобальное общество стремилось сформировать о себе.

Популизм без лидера

Социальная маргинальность живущих на периферии людей породила у них чувство недоверия к общественной жизни и политической власти. Эта часть населения Франции была забыта государственной политикой и политиками[5], что привело «новых отверженных» к неприятию политической жизни,

4. В 1953 г. Пьер Пужад основал «Союз по защите владельцев магазинов и ремесленников», движение которое отстаивало интересы мелких предпринимателей.

5. Достаточно вспомнить доклад близкого к Французской социалистической партии аналитического центра «Terranova» (2012), в котором была сформулирована идея «нового пролетариата». Этот статус закреплялся за иммигрантами, которым, как утверждалось в документе, следовало уделять особое внимание, выделяя дополнительные материальные средства. Доклад сыграл большую роль в делегитимации

чувству, которое неуклонно нарастало на протяжении последней четверти века. В период между принятием Маастрихтского соглашения в 1992 г. и сегодняшним днем во французском обществе радикально поменялось отношение к политике. Формы отказа французов от политики разнообразны: это и растущий абсентеизм в ходе выборов, и охлаждение по отношению к левым партиям, и расширившаяся поддержка «Национального фронта», ныне переименованного в «Национальное объединение». В результате сдвигов в общественных настроениях президентское и парламентское большинство в реальности превратилось в меньшинство, если учитывать весь электорат. Разрыв между элитами и народными массами медленно, но неуклонно возрастал, свидетельствуя о кризисе демократии, о котором еще в 1995 г. писал К. Лэш [Lash 2007]. Масштабные социальные трансформации со всей отчетливостью проявились на политическом уровне.

На Францию, расколотую по географическому принципу – метрополитанскую и периферийную, – наложился еще один раскол – политический. В результате правящий класс оказался изолирован от той части избирателей, которые представлены народными низами. Ощущение людей, что они лишены возможности влиять на политические институты, привело к кризису политического представительства. Не случайно «желтые жилеты» заявляют о том, что они полностью потеряли веру в политику, основанную на принципе делегирования власти. Не желая замечать происходящих в обществе перемен, политические и медийные элиты нашли, как им казалось, решение проблемы. Они сделали ставку на апатию этой части электората и его делегитимацию. Популизм был заклеймен [Bourmaud 2013].

Протест «желтых жилетов» свидетельствует о том, что эта стратегия себя исчерпала. В реальности популизм протестующих говорит не столько об их стремлении «освободиться» от представительной демократии, сколько является реакцией на поведение убежденной в своей правоте элиты. С момента принятия Маастрихтского договора чередование политических партий у власти потеряло всякий смысл. Политика, проводимая сменявшими друг друга партиями, опиралась на одинаковые неолиберальные принципы, принося в жертву «периферийную Францию». Избрание Э. Макрона, пришедшего к власти под лозунгом построения «нового мира», было призвано ускорить неолиберальную модернизацию, что увеличило уже существующий разрыв между элитами и простыми людьми, которые еще больше отбрасывались на социальную периферию.

народных слоев (рабочих, служащих, лиц, работающих на скромных должностях в частном и государственном секторах), традиционно составлявших электорат левых партий.

Движение «желтых жилетов» радикализировалось, но политических решений не предложило. Антифискальные требования со временем расширились. Желая быть услышанными, протестующие выдвинули идею «Референдумов гражданской инициативы» (RIC). Требование прямой демократии свидетельствовало о неприятии «желтыми жилетами» существующей системы политического представительства. Их недоверие к системе представительства настолько велико, что они отказываются от самоорганизации, что на самом деле рискует привести их в тупик. Особенно в условиях, когда агрессивность отдельных групп подрывает доверие к движению в целом. Акты агрессии и вандализма чаще всего проявляются в крупных городах, таких как Париж, Тулуза, Бордо. Они не затрагивают периферию, но они значимы, поскольку на них сосредоточено внимание массмедиа, и происходят в символических местах – на Елисейских полях. Отказавшись от самоорганизации, «желтые жилеты» стали заложниками экстремистского меньшинства, далекого от интересов «периферийной Франции». Традиционные субботние манифестации позволяют таким революционным группировкам, как Black Blocs[6] открыто выступать против порядка и государства. Экстремисты проповедуют насилие, которое является частью их программы [Delbecque 2019]. Беспорядки и погромы, чинимые меньшинством, извращают требования, носителями которых являются «желтые жилеты».

В свою очередь попытки некоторых представителей движения, таких, к примеру, как И. Левассер, перейти к институциональной политической деятельности в рамках избирательного процесса участниками движения были заклеймены. Стремление к самоорганизации в самом движении вызывает подозрения. А это в свою очередь ведет к «сиротскому» популизму. Ведь суть популизма состоит в том, чтобы воплотиться не во множестве представителей, но в одном-единственном руководителе, который претендует на выражение народных чаяний. Способом легитимации харизматического лидера является плебисцитарный референдум. Но до сих пор в недрах движения так и не появился человек, способный его возглавить. В годы IV Республики сила пужадизма состояла в личности П. Пужада, который дал свое имя всему движению. Но ничего подобного у «желтых жилетов» не происходит. Складывается впечатление, что они просто не способны мыслить в политических категориях. В результате они обрекают себя на бессилие, становясь заложниками агрессивного меньшинства.

В движении «желтых жилетов» проявились особенности французского политического режима. Благодаря сложившимся политическим институтам –

6. Black Blocs – антикапиталистическая группировка. Ее участники – хулиганы с черными повязками на лицах, одетые в черное во время манифестаций, громили магазины, банки, рестораны.

мажоритарной системе выборов в два тура и преимуществу президентских выборов над парламентскими – идеологически сплоченная элита сформировала правящий класс. Его представители отказываются обсуждать вопрос о том, как можно изменить сложившуюся модель доминирования, и по сути исключили из системы представительства те политические силы, которые ставят эти вопросы. В результате система демократического представительства перестала реагировать на напряжения в обществе. Существует соблазн рассматривать «желтые жилеты» как движение, направленное против фискальных мер. На самом деле небывалый протест, которым охвачена Франция, – свидетельство тупика, в котором оказалась французская политическая система.

В январе 2019 г. президент Франции объявил о проведении «Больших дебатов» для заключения между обществом и властью «нового национального договора». «Большие дебаты» были призваны дать возможность высказаться всем гражданам. Они длились два месяца и завершились 16 марта. Избранные для обсуждения темы касались многих вопросов, но исключали основные направления проводимой властью политики. Личное участие Э. Макрона в дебатах можно рассматривать как способ релегитимации главы государства. Организация дебатов была призвана отсрочить принятие политических решений. Их проведение давало дополнительный шанс ослабленной власти, которая к тому же выигрывала в условиях раздробленности политической оппозиции. В апреле Э. Макрон подвел итог «Больших дебатов» и представил французскому обществу свои предложения. Глава государства подтвердил стремление продолжить реформы. Он пошел на уступки пенсионерам, но отказался от проведения референдума, видимо, полагая, что этот шаг может дестабилизировать власть.

Разбитое зеркало массмедиа

Движение социального протеста всколыхнуло медийное сообщество. По прошествии времени становилось ясно, насколько искаженными были образы движения, транслировавшиеся печатными СМИ, радио и телевидением, и почему между «желтыми жилетами» и медиа возникла ожесточенная полемика. Конечно, было бы неверно говорить, что за прошедшие месяцы информация, распространявшаяся по различным информационным каналам, была односторонней. «Либерасьон» и «Ле Фигаро», «Депеш дю Миди» и «Запад Франции», «Валёр актюэль» и «Нувель Обс», Французское телевидение и BFMTV представляли различные оценки и точки зрения. Посмотрим, насколько в этой панораме взглядов можно выделить общие направления.

Все массмедиа были поражены и озадачены формами, которые приняло движение, его продолжительностью. Информация о движении «желтых жилетов» появлялась с перерывами. Рассуждая об этом «неопознанном полити-

ческом объекте», СМИ придерживались устоявшихся представлений, и это вызывало у участников протеста чувство, что их не понимают. Особенности движения – его масштабы, длительность, агрессивность – выявили, по словам Ж.-В. Голднаделя, феномен «медийной шизофрении» [Goldnadel 2019]. Сконцентрированные в Париже французские медиа, включая региональные издания, редакции которых расположены в столице, были застигнуты врасплох движением, которое развернулось на периферии. Конечно, журналисты вели репортажи и с блок-постов на перекрестках, которые представляли иную точку зрения, чем та, что закрепилась в парижском медийном сообществе. Массовые субботние акции оценивались в зависимости от выступлений, проходивших в столице, что, по сути, извращало движение «желтых жилетов», состоящее из множества разбросанных по всей стране протестных групп. Массмедиа оценивали движение с привычных позиций, а именно с точки зрения способности провести в Париже масштабную манифестацию. Но «желтые жилеты» поддержкой в Париже не пользуются, они сильны в провинции. Однако для французских журналистов социальное движение, не способное заявить о себе в Париже, обречено на маргинальность.

Отсюда возникло непонимание средствами массовой информации причин устойчивости движения. Само движение, не особенно заметное в Париже, если, конечно, не считать «Первого акта», с точки зрения журналистов, должно было быстро исчерпать себя. С большим апломбом средства массовой информации заявляли о предполагаемом «окончании» протеста к концу 2018 г. Много писали о том, что с началом Рождественских каникул неожиданно вспыхнувшее движение так же неожиданно завершится. В январе 2019 г., когда протесты возобновились, редакции были в полной растерянности.

С этого момента, не понимая истинных причин движения, массмедиа приступили к его делегитимации, поскольку, если явление не вписывается в привычные схемы, оно для журналистов не существует. Теперь в сообщениях о выступлениях основное внимание уделялось нарушению общественного порядка, а деятельность участников протеста оценивалась масштабами нанесенного ущерба. Телевидение в реальном времени транслировало беспорядки и погромы в таких символических местах, как Елисейские поля в Париже, забывая при этом о сотнях мирных групп протеста на периферии. Насильственные действия позволяли СМИ осуждать «желтые жилеты», относя их прежде всего к экстремистам праворадикального толка. И это было еще одной деформацией политической реальности, поскольку погромы в основном были организованы леворадикальными элементами – анархистами, исламогошистами, представителями Black Blocs, – для которых разрушение – это часть продуманной стратегии. Хотя были и такие явления, как осквернение синагог, еврейских кладбищ, мечетей, за которыми стояли правые радикалы.

Механическое объединение «желтых жилетов» с темой насилия и праворадикальными силами позволяло лишить участников протеста легитимности. И это подтверждал философ и публицист Б.-А. Леви, говоривший, что цель «желтых жилетов» в том, чтобы «набить рожу полицейскому, еврею или гомосексуалисту» [Lévy 2019]. Конечно, эту оценку можно рассматривать как экстремистскую, но она со всей откровенностью демонстрирует глубину непонимания, которое возникло между социальным движением и частью медийного сообщества. В этой связи в профессиональной среде стали раздаваться голоса журналистов, которые попытались представить более нюансированную позицию, исправить доминирующий в массмедиа общий настрой. Однако критический взгляд так и остался на периферии медийного пространства. Массмедиа, не сумевшие понять сути протестного движения, которое не соответствует устоявшимся представлениям, еще больше усилили внутренний раскол французского общества.

Непонятные «желтые жилеты»: Как протестное движение видится из России

Франция традиционно воспринимается в России через призму революции. «Франция снова поражает мир умением бунтовать», – писал журнал «Огонек» в декабре 2018 г. [Агеев 2018]. В схожей тональности высказывалась газета «Известия»: «Родина революций погружается в мятежные настроения» [Портякова 2018]. А газета российских коммунистов «Правда», подводя итоги 2018 г., отмечала: «Французы, общепризнанные чемпионы по забастовкам, в уходящем году в очередной раз доказали, что умеют бороться за свои права, как никто другой» [газета «Правда» 2019].

В советское время «революционный дух» французов воспевался официальной пропагандой, а 18 марта – день Парижской коммуны – отмечался по всей стране. В современной России бунтарство и социальные протесты не поощряются. Российская власть о событиях во Франции высказалась категорично. Запомнились слова В.В. Путина: «Мы не хотим, чтобы у нас были события, похожие на Париж, где разбирают брусчатку и жгут всё подряд, и страна потом погружается в условия чрезвычайного положения» [цит. по: Трунина 2018]. Тогда же президент Татарстана Р. Минниханов возмущался, что российские СМИ слишком часто обращаются к событиям во Франции, «как будто призывают надеть желтые жилеты» [Минниханов 2018].

Центральные телеканалы по-своему реагировали на озабоченность российских властей. Репортажи корреспондента ВГТРК Д. Григоровой из Парижа сопровождались трагической музыкой, демонстрируя разрушения, пожары, столкновения манифестантов с полицией: «Там, где проходят “желтые жилеты”, остаются только дым и огонь» [Григорова 2018]. Телевидение в первую

очередь действует на эмоции зрителей. Из видеоряда было трудно понять: где – протестующие, а где – уличные хулиганы. В ряде передач на государственных каналах ТВ крайне недоброжелательно отзывались о движении протеста. В Париже «беснуется неизвестно кто», полиция в ходе массовых выступлений действует крайне жестко, избивая манифестантов и травя их газом, вещал популярный телеведущий Вл. Соловьев. В массовых протестах он увидел угрозу очередной «цветной революции»: «Франция теперь стала как Украина» [Вечер 2018]. Было бы преувеличением сводить информацию, транслируемую телевидением, к одной-единственной точке зрения. Тем более что Вл. Соловьев – не просто журналист, он – пропагандист, яростно ненавидящий Запад и стремящийся вызвать схожие чувства у своих зрителей. Наряду с пропагандистским форматом были и репортажи, в которых с сочувствием рассказывалось о «желтых жилетах» – простых французах, жизнь которых в последние годы становилась все более сложной.

В картине происходящих событий широко присутствовала тема полицейского насилия. Российское телевидение в обилии транслировало сцены жестких задержаний, избиения полицией участников акций, погромов в самых известных туристических кварталах Парижа. Это неудивительно: телеэкран требует ярких, запоминающихся сцен. Комментаторы повторяли, что французские силы правопорядка действовали крайне жестко, в российских СМИ регулярно сообщалось о числе раненых и задержанных. А Вл. Соловьев особое внимание уделял тому, что западные правозащитники, регулярно осуждающие действия российской полиции, молчали по поводу действий французских полицейских. О неправомерных действиях полиции писал левый радикал, в прошлом руководитель запрещенной в РФ национал-большевистской партии Э. Лимонов, ссылаясь на призывы к французским властям со стороны Совета Европы и Верховного комиссара ООН по правам человека не применять в отношении участников протестов травматическое оружие.

Складывалось впечатление, что демонстрация массового насилия служила прямым предупреждением россиянам: им недвусмысленно показывали, что протесты ни до чего хорошего довести не могут. Российским туристам советовали отказаться от поездок во Францию. А 13 апреля МИД РФ выступил с официальным заявлением, в котором предупреждал находившихся во Франции россиян о возможных беспорядках и столкновениях с полицией в ходе выступлений «желтых жилетов». Российский Интернет по-своему реагировал на страх властей перед людьми в желтых жилетах. На рисунке карикатуриста С. Елкина полицейские, наблюдавшие, как дворники в желтых жилетах убирают снег, переговаривались: «Эти желтые жилеты надо запретить пока не поздно».

Первые массовые выступления во Франции состоялись 17 ноября 2018 г. Практически с самого начала в российских печатных СМИ и интернет-

изданиях началась дискуссия о том, что собой представляет движение протеста, кто является его участниками. Оценки событий «горячей» французской зимы определялись политической ориентацией изданий. Такие издания, как «Независимая газета» (далее НГ), «Новая газета», «Известия», попытались разобраться в новом социальном движении. Среди российских печатных СМИ «Независимой газете» принадлежит особое место. В ней большое внимание уделяется международной тематике, есть собственное приложение – «Дипкурьер», в котором публикуются статьи известных международников, российских и зарубежных экспертов. С самого начала газета большое внимание уделила движению протеста во Франции: лишь за два с небольшим месяца (середина ноября 2018 – конец января 2019 г.) на ее страницах было опубликовано более 50 материалов, посвященных «желтым жилетам». Эти материалы отличались взвешенностью, разнообразием информации, в них были представлены различные точки зрения на события. Среди причин массовых протестов назывались: фискальная политика французских властей [Клинова 2018]; рост социального расслоения и недовольство «периферийной Франции», жителей неблагополучных территорий, которые не вписались в глобальный рынок и уязвимы в социальном и экономическом отношениях. В публикациях отмечалось, что в движении протеста участвуют представители широких слоев населения – рабочие, служащие, безработные, крестьяне, индивидуальные предприниматели, ремесленники, люди, проживающие за пределами больших городов и остро ощущающие, что власть о них забыла [Байков 2018; Лапина 2019]. Подчеркивалось, что элиты не находят общего языка с социумом, утратили доверие граждан. Обозреватель журнала «Сноб» С. Кувалдин отмечал: выступления в Париже устраивают не безработные мигранты или левые студенты. В стране поднялись усталые люди, которым надоело, что налоги постоянно повышаются, что теперь во имя амбиций президента они должны отказаться от старого автомобиля, что рабочих мест всё меньше, что вся власть оказалась в столице, где живут сливки общества, не понимающие, как устроена жизнь в 100 км от Парижа [Кувалдин 2018]. Обозреватели подчеркивали, что французы устали от своей «национальной и особенно наднациональной элиты» [Ведрусов 2018].

В широком контексте о причинах недовольства французов рассуждал на страницах журнала «Огонек» российский экономист Л. Григорьев. Рост социального недовольства во Франции эксперт объяснял не ростом цен на нефть и фискальными мерами властей, но ростом «социального неравенства» в обществе, которое формируется одновременно «со всей системой общественных институтов». Отмечалось, что реформы, направленные на снижение социального неравенства в обществе, проводить крайне сложно, поскольку они требуют одновременных изменений во многих сферах общественной жизни [Григорьев 2018]. Атмосферу событий во Франции, настроения участников

протеста хорошо передавали репортажи собственного корреспондента «Новой газеты» в Париже Ю. Сафронова. В них не было эпатажа, читателям предоставлялась возможность самим интерпретировать события [Сафронов 2018 а; Сафронов 2018 б; Сафронов 2019].

Самостоятельный блок в российских СМИ образуют издания, выступающие с антиглобалистских, антизападных позиций. Антиглобалисты представляют собой разношерстный конгломерат идейно-политических сил: в него входят и выступающие с православно-имперских позиций консерваторы, и деятели левого толка. Представители этого направления подчеркивали, что политикой властей во Франции прежде всего недовольны слои общества, оставшиеся за бортом «счастливой глобализации». «Желтые жилеты», писал консервативный философ А.Г. Дугин, протестуют «против мировой гегемонии, воплощенной в современных элитах, безмерно презирающих свой народ». Тот факт, что протесты во Франции вспыхнули именно сейчас, А.Г. Дугин объяснял приходом к власти во Франции Э. Макрона, поскольку президент – «чистейший символ таких элит, соросовско-ротшильдовский чип». Французы вышли протестовать на улицы, поскольку они недовольны лично Макроном, коррупцией в высших эшелонах власти, либеральной политикой правительства [Дугин 2018].

Тем не менее тезисы антиглобалистов нередко противоречат друг другу. Говоря об объективных причинах возникновения социальных протестов во Франции, многие из них парадоксальным образом утверждали, что движение стало результатом заговора внешних сил. Для обозревателя консервативного телеканала «Царьград» С. Гордиевского сомнений быть не могло: движение протеста во Франции координировалось извне, как это было с «оранжевой революцией» на Украине и «революцией гвоздик» в Грузии, оно было тщательно спланировано и организовано. Складывается ситуация, при которой французы могут на себе почувствовать, что такое «цветная революция». На вопрос «Кто виноват?», журналист давал однозначный ответ: США. И тут же формулировал экзотическую версию происходящего: в 1968 г. США организовали студенческие акции во Франции, за которыми последовала отставка президента Ш. де Голля. 50 лет спустя они пытаются повторить этот сценарий, только теперь в качестве жертвы выбран Э. Макрон [цит. по: О революции… 2018]. Кстати, в качестве доказательства своей версии телеканал «Царьград» приводил слова бывшего советника американского президента С. Беннона о том, что «желтые жилеты» – это те же самые люди, которые голосовали в Великобритании за Brexit, а в США – за Д. Трампа [«Желтые жилеты»: Макрон 2018].

Теория заговора призвана в упрощенном виде объяснять сложные процессы и явления. В условиях Крымской весны и последовавшей за ней внешнеполитической изоляцией поиск внешних врагов в российском обществе стал

делом привычным и находит поддержку у нетребовательной публики. И не только у нее. Вспоминается, как в солидном академическом институте сотрудники со всей серьезностью обсуждали вопрос: был ли «американский след» в событиях 1968 г. во Франции.

Кстати, теория заговора получила развитие и на французской почве, только там в подрывной деятельности обвинили Россию. Скандал разгорелся в середине декабря, когда Французский секретариат обороны и национальной безопасности начал расследование о возможном использовании механизма влияния на протесты во Франции со стороны РФ посредством Интернета. Расследование началось после публикации в лондонской «Times» информации о 600 аккаунтах в Twitter, распространявших призывы к протестам. В ответ на обвинения пресс-секретарь президента РФ Д. Песков ответил, что «мы не вмешивались и не собираемся вмешиваться во внутренние дела никаких стран, в том числе и Франции. Какие-либо утверждения о возможной причастности России являются не чем иным, как клеветой» [цит. по: Королёва 2018]. Комментируя эти события, постпред РФ в ЕС В. Чижов подчеркивал, что «рука Москвы» превратилась на Западе «в универсальное средство для объяснения любых внешнеполитических и внутриполитических проблем и просчетов. Те, кто пытается объяснить протестные акции “желтых жилетов” российским вмешательством, элементарно не уважают собственных граждан, отказывают им в праве на несогласие» [цит. по: Байкова 2018]. Без ответа остается вопрос: почему, когда российские конспирологи выдвигают свою версию событий, им никто не напоминает о неуважении к французским гражданам, эти протесты организующим?

Российские конспирологи целенаправленно нагнетали обстановку, рассказывая о том, что «Париж замер накануне новых погромов», что «желтые жилеты» идут «свергать» президента Э. Макрона [«Желтые жилеты» идут 2018]. И тут же звучала их рекомендация: перед лицом социального взрыва французские власти не должны «дать слабину». В разговоре на эту тему явно проскальзывал намек, что подобные события могут случиться не только в Париже, но и в Москве [О революции 2018].

В этой среде есть и другая точка зрения. Писатель национал-патриотического толка З. Прилепин полагает, что Россия должна поддержать движение и помочь «первому антиглобалистскому бунту XXI века». В Twitter он рекомендовал своим сторонникам читать статью французского публициста Т. Сен-Жермеса, ранее опубликованную «Московским комсомольцем». В ней речь шла о том, что движение «желтых жилетов» – «это – восстание народа, который хочет вернуть суверенность и независимость своей родины и стать хозяином своей судьбы. Галлы возвращаются к самостоятельному мышлению. Отвергнутая как несуществующая галльская суть не исчезла: просто, вынужденная постоянно прятаться, она стала невидимой. “Желтые жилеты” восстали

во имя наследия своих предков и будущего своих детей». Россия, делал вывод автор, «не может оставаться в стороне и бездействовать, потому что мы живем в период построения многополярного мира. Речь идет о смертельной схватке между глобальным правительством и нациями» [Сен-Жермес 2019].

Российские левые солидаризировались с участниками массовых протестов во Франции. Газета российских коммунистов «Правда», начиная с середины ноября, регулярно публиковала материалы, посвященные движению «желтых жилетов». Тональность статей обозревателя А. Семеновой была благожелательной. На фотографиях в газете не было картин вандализма и насилия, зато были представлены «мирные сцены». Отмечалось, что во Франции правительство намеренно «демонизирует» движение протеста, «спекулируя на теме насилия» [Семенова 2018 б].

Для российских коммунистов движение «желтых жилетов» знаменовало собой борьбу «против хищнического капитализма». В публикациях нередко цитировался лидер леворадикальной «Непокоренной Франции» Ж.-Л. Меланшон и повторялись его слова, что «на великую сцену истории» вышли люди, «которые ранее были невидимыми», что «социальный кризис в стране перерастает в политический» [Семенова 2018 а]. Российские коммунисты с особым пиететом относятся к лидеру «Непокоренной Франции», ссылаются на его высказывания, рассказывают о его публичных выступлениях и преследованиях, которым политик подвергается в своей стране. Вопреки реальности, в материалах «Правды» отмечалось, что движение «желтых жилетов» сблизилось с левыми политическими партиями – ФКП и «Непокоренной Францией», чего на самом деле не происходило. Транслируемые коммунистической прессой идеи – это дань коммунистической идеологии, в соответствии с которой левые партии призваны вести за собой движения протеста.

В свою очередь ультралевые коммунистические группировки – Левый фронт, необольшевики – рассматривали движение «желтых жилетов» как образец для подражания. Лидеры Левого фронта призывали россиян надеть желтые жилеты. В декабре 2018 г. по Самаре прошла манифестация, участники которой одетые в желтые жилеты в руках несли гроб – символ «дикого капитализма». Провокационные статьи, посвященные французскому движению протеста, публикует писатель, левый радикал Э. Лимонов. «Желтые жилеты, пора побеждать!», – писал он на портале информационного агентства Regnum, призывая участников протеста действовать радикальными методами. «Я желаю, чтоб сегодня среди желтых жилетов было побольше провокаторов-радикалов, радикальных активистов. И вообще, пора побеждать, желтые жилеты! Сколько можно ходить, эдак вы устанете… Буду рад, если пожитки Макрона вышвырнут из Елисейского дворца» [Лимонов 2019]. Резкий тон его статей, призывы к свержению существующей во Франции власти (до 2011 г.

у писателя было французское гражданство) нужны Э. Лимонову, чтобы напомнить о себе, ведь о нем в последнее время забыли.

В России «желтые жилеты» стали примером не только для ультралевых политических движений. С осени 2018 г. нередко в ходе массовых выступлений участники надевали на себя желтые жилеты, тем самым демонстрируя солидарность с протестующими во Франции. В декабре в одном из районов Москвы Ховрино прошел митинг против «градостроительного беспредела», участники которого надели на себя желтые жилеты. На ряде участников манифестации в поддержку свободного Интернета, проходившей 10 марта 2019 г. в Москве, также были жилеты автомобилистов. Представители политической оппозиции не скрывают, что хотели бы, чтобы в России тоже стал возможен социальный протест. Об этом в своих выступлениях говорит один из лидеров оппозиции А. Навальный [Навальный 2019]. Схожим образом высказывалась известная журналистка, главный редактор интернет-издания «The New times» Е. Альбац: «Я хочу, чтобы было, как в Париже. Я хочу, чтобы люди могли выходить на улицу и отстаивать свои права» [Альбац 2018].

«Желтые жилеты» оживили в России тему социального протеста. В то время как политики и официальные СМИ говорили и писали о том, «как это у *них* происходит», аналитики задавались вопросом, насколько социальный протест подобного масштаба возможен в России. Конечно, Россия это не Франция, и эксперты это прекрасно понимают. В нашей стране, пишет независимый аналитик Д. Орешкин, отсутствует общефедеральная структура, которая могла бы координировать подобное движение, а спецслужбы контролируют политическую ситуацию в стране и борются с оппозицией. «Поэтому в России протесты будут нести разрозненный, не организованный и изолированный характер». В России «никогда не будет протеста среднего класса», – убежден аналитик П. Данилин (Центр политического анализа) [цит. по: Сейбиль 2018]. Ожидать массовых движений протеста в России не стоит, так как в нашей стране «нереволюционная демография», старое и уставшее население, убежден руководитель ВЦИОМ В. Федоров. С этим мнением солидаризируется НГ, правда, выдвигая на первый план не демографические, а политические обстоятельства. Протестный сценарий в России невозможен, поскольку элита монополизировала власть, а политическая оппозиция нейтрализована [Бодро 2019].

При этом аналитики и обозреватели отмечают: протесты простых граждан, которые не связаны с политикой, но больше не готовы терпеть произвол властей, будут набирать обороты. Яркий тому пример – стихийные выступления против мусорных свалок, точечной застройки, градостроительного беспредела, вырубки лесов и парков, разрушения экологии. Эти не связанные между собой протестные акции в разных городах и регионах России стали свидетельством новой реальности. Они говорят о том, что «ущемленное дос-

тоинство порождает революцию достоинства» [Колесников 2019]. А это значит, что «голоса французской земли вполне слышны и русским ухом» [Кувалдин 2018].

В иной плоскости на вопрос о перспективах социального протеста в РФ отвечает консервативный идеолог А. Дугин. В годы правления В.В. Путина массовых движений протеста в России быть не должно, так как российский президент бросил «вызов мировой гегемонии». Но после его ухода многое может измениться, поскольку российские элиты хотят стать частью глобальной элиты. Чтобы этот сценарий не реализовался, необходимо сменить нынешнюю и привести к власти «настоящую», патриотически настроенную элиту [Дугин 2018]. Ему вторил бывший советник президента В. Сурков. В представленной общественности концепции «государства Путина» он писал, что все общественные институты РФ подчинены «основной задаче – доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами» [Сурков 2019]. Правда, автор не учитывал того факта, что поддержка власти в России за последнее время неуклонно снижалась [Демченко 2019].

К весне 2019 г. тема «желтых жилетов» в СМИ банализировалась. «Большие дебаты» не привлекли серьезного внимания российских массмедиа. А в апреле к этой теме добавилась другая: пожар Собора Нотр-Дам в Париже. Трагедия, произошедшая во Франции, расколола российское медийное и общественное пространство. Одни издания писали о том, что сгорел памятник мирового значения, что произошедшее – это «трагедия всего мирового сообщества» [Самоделова 2019]. В связи со случившейся трагедией В.В. Путин выразил сочувствие французскому народу: «Нотр-Дам – исторический символ Франции, бесценное сокровище европейской и мировой культуры. Беда, произошедшая этой ночью в Париже, откликнулась болью в сердцах россиян», – заявил он в телеэфире [Владимир Путин 2019]. Российский президент предложил направить в Париж лучших российских реставраторов. Но были и другие высказывания: в СМИ и Интернете велись дискуссии о том, стоит ли в условиях, когда Франция участвует в антироссийских санкциях, оказывать ей помощь; упоминалось и о том, что множество памятников отечественной культуры гибнет, не вызывая сочувствия сограждан.

Звучали и другие грозные пророчества о «закате Европы», «гибели христианской цивилизации», в которых, впрочем, нет ничего нового. Символическим назвала пожар в эфире программы «60 минут» консервативный историк Н. Нарочницкая: «Это грозное предзнаменование не только католикам, но и всем нам», поскольку христианские ценности попираются, «это назидательный урок всей христианской Европе». Гневно звучал голос Н. Михалкова. Старая Европа, где царит «шабаш», признаны однополые браки, всё становится дозволенным, духовно давно уже разрушена. Трагедия Нотр-Дам стала для режиссера еще одним подтверждением этого разрушения. В интерпретации

ряда российских СМИ два кризиса, социально-политический и духовный, объединились в один всеобъемлющий кризис разложения французского общества.

Заключение

Эксперты и политики нередко говорят о том, что русские и французы, несмотря на личностное и культурное взаимное притяжение, плохо понимают друг друга. Проведенное исследование показало, что не только русским, но и французам непросто разобраться в том, что происходит в настоящее время во Франции.

Движение «желтых жилетов» – это первое во Франции масштабное выступление против глобализации в той неолиберальной форме, в которой она осуществлялась на протяжении четырех последних десятилетий. Во французском обществе в течение этого времени накапливались нерешенные социальные проблемы, связанные с ростом неравенства, прекариатом, социальной маргинализацией, унижением человеческого достоинства. Однако в элитах царило спокойствие: существовал консенсус в отношении того, что глобализация решит все проблемы и сделает мир счастливым. Этот миф в последние годы рассеивается. Движение «желтых жилетов» стало ярким проявлением новой реальности, в которой «отверженные» не хотят и не могут больше молчать. Впервые голос отчаяния раздался в 2013 г., когда французы выступили против введения экологического налога на большегрузные автомобили, но тогда движение не вышло за пределы Бретани. В 2018–2019 гг. движение «желтых жилетов» распространилось по всей стране. Его участники использовали новые формы протеста: частично блокировали дороги и организовывали манифестации по субботам в городах. Поскольку речь идет о социальном движении нового типа, его непросто понять и интерпретировать.

Во Франции и России во взгляде на протест есть немало общего. Во-первых, и для французских, и для российских аналитиков и обозревателей движение стало полной неожиданностью, они были растеряны и не совсем понимали, как относиться к происходящему. Во-вторых, информация, транслировавшаяся СМИ в обеих странах, носила «Париж-центричный» характер, а основное внимание уделялось субботним манифестациям, проходившим в столице. Ничего удивительного в этом нет, ведь все французские революции начинались в Париже и здесь же решался их исход. В-третьих, за последние месяцы французская и российская публика стала свидетельницей огромного числа сцен насилия, погромов, массовых драк. Телевидение превращает политику в спектакль, «разыгрываемый перед аудиторией не граждан, а зрителей», пишет британский ученый Дж. Стрит [Street 2012, p. 350]. При таком подходе журналисту нужны яркие запоминающиеся сцены. Причем, как во

французских, так и в российских видеоматериалах различие между «желтыми жилетами» и уличными хулиганами не делалось.

В свою очередь мирные выступления «желтых жилетов» в объективы кинокамер не попадали, а если попадали, то нечасто. Во Франции такое освещение событий не было случайным: медиасфера отражала настроения той части общества, которая боится социальных протестов. В результате это привело к серьезному конфликту между социальными и информационными акторами. Французские журналисты стали подвергаться нападениям со стороны протестующих, в их адрес поступали угрозы, звучали требования, чтобы СМИ перестали выражать «точку зрения миллиардеров» и «встали на сторону народа» [Thierry 2019, p. 34]. В дискуссиях, разворачивавшихся в России, также нередко «желтые жилеты» ассоциировались с погромщиками, ссылки при этом делались на французскую историю, а в качестве примера приводились эпизоды, когда вид крови «пьянил» добропорядочных буржуа.

Вместе с тем в освещении событий во Франции и России существуют серьезные расхождения. Французские корреспонденты и аналитики, и мы уже писали об этом, стремились разобраться в том, что собой представляют «желтые жилеты», каков их социальный профиль, что отличает их от традиционных движений протеста. Уже в декабре-январе во Франции появились социологические исследования, посвященные участникам социальных протестов. В России аналитики уделяли внимание «кризису общегосударственного масштаба», писали об особенностях действий протестующих, обращая внимание на то, что отсутствие организации и программы у «желтых жилетов» не позволяет власти наладить диалог с ними [Рубинский 2019]. Основное внимание уделялось политическим последствиям движения протеста и тому, как оно повлияет на французскую власть. Подчеркивалось, что ослабление позиций президента Э. Макрона не позволит ему реализовать европейский проект [Селимова 2019]. В свою очередь французское общество и акторы социального протеста интересовали российских экспертов в меньшей степени. И это не должно удивлять: во властецентричном российском обществе доминирует властецентричный аналитический подход.

В образе Франции, который в последние месяцы создавался российскими СМИ, отчетливо присутствовало «двойное зеркальное отражение». Это понятие сформулировал американский советолог М. Малиа, утверждавший, что Россия служила Европе зеркалом, в котором отражаются собственные надежды и разочарования европейцев [Malia 2003]. То же можно сказать и о Западе применительно к России. Анализируя российское восприятие протестного движения во Франции, мы лучше понимаем, что происходит в современной России. Узнаем о ее расколотом обществе, где интерес и симпатия к *Другому* уживаются с надменно-пренебрежительным отношением к Западу. О власти, которая, невзирая на выстроенную властную вертикаль, боится социальных

протестов и делает всё, чтобы их не допустить. О расколе в российских элитах, в которых западники противостоят почвенникам, а либералы – государственникам. О том что СМИ, особенно государственные, вместо взвешенной информации создают квазиреальность, не имеющую отношения к реальности. Ранее уже приходилось писать о том, что по мере поиска «особого пути» и усиления национал-консервативных настроений «в России берет верх взгляд на Францию как на страну, распространяющую “ложные ценности”» [Лапина 2016, с. 53]. Для консервативных пропагандистов и идеологов события во Франции стали способом «сведения счетов» с коллективным Западом. Существует мнение, что процессы, протекающие в общественном сознании инерционны, а позиции политиков и бюрократов достаточно быстро трансформируются [Борисова 2016]. В 2018 г. отношение россиян к Франции изменилось в положительную сторону. Правда, сдвиг в общественных настроениях не был замечен российскими политическими элитами. Не зафиксировали этих изменений и официальные СМИ, которые давно перестали быть «ресурсом общества» и продолжают навязывать ему не вызывающие симпатию образы Запада.

Что же касается движения «желтых жилетов», то оно остается непредсказуемым, и пока трудно сказать, каковы будут его последствия. До сих пор отмечалось, что «желтые жилеты» выступают против политики. Тем не менее на выборах в Европейский парламент (май 2019 г.) участвовали два списка, представленные «желтыми жилетами». По итогам голосования, их результаты оказались очень скромными. Однако, как представляется, движение может принести еще немало сюрпризов. И даже если оно уйдет со сцены, надо понимать – оно предвестник серьезных социальных бурь, ведь проблемы «новых отверженных» так и остались нерешенными. В этой ситуации и французскому, и российскому медийно-аналитическому сообществу потребуется известная гибкость в освещении и анализе новой социальной и политической реальности.

Библиография

Агеев В. Цвет возмущения – желтый // Огонек. 2018. 17 дек. № 48. С. 20–21.

Альбац Е. Интервью // «Эхо Москвы». Передача «Особое мнение». 2018. 11 дек. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4X8QYevFgHI (Дата обращения: 27.05.2019.)

Байков А. Непонятные «желтые жилеты»: Как устроена песочница безлидерного протеста // Новая газета. 2018. № 143. 24 дек. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/12/23/ 79041-neponyatnye-zheltye-zhilety (Дата обращения: 27.05.2019.)

Байкова Т. «Западным политикам хочется попиариться за счет России»: Интервью с постпредом РФ при ЕС В. Чижовым // Известия. 2018. 27 дек. С. 2–3.

Бодро, черепашьими шажками, к технологическому рывку // Независимая газ. 2019. 16 янв. С. 2.

Борисова А. Политический образ России в восприятии экспертного сообщества ЕС и США // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 8. С. 63–75.

Ведрусов А. Перерыв на праздник // Известия. 2018. 17 дек. С. 3.

Вечер с Владимиром Соловьёвым // Video face [сайт]. 2018. 4 дек. URL: https://video-face.ru/video/polit/vecher-s-solovevym-posledniy-vypusk-04-12-2018.html (Дата обращения: 27.05.2019.)

Владимир Путин выразил сочувствие всей Франции после пожара в Нотр-Дам де Пари // 5-ТВ. 2019. 16 апр. URL: https://www.5-tv.ru/news/247488/vladimir-putin-vyrazil-socuvstvie-vsej-francii-posle-pozara-vnotrdam-depari/ (Дата обращения: 27.05.2019.)

Газета «Правда»: Таким мир запомнил 2018 год (по страницам газеты «Правда») // КПРФ [сайт]. 2019.01.02. URL: https://kprf.ru/international/capitalist/181595.html (Дата обращения: 27.05.2019.)

Григорова Д. Там, где проходят «желтые жилеты», остаются только дым и огонь // Вести FM. 2018. 2 дек. URL: https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2012327 (Дата обращения: 27.05.2019.)

Григорьев Л. «Вся эта топливная история – она про неравенство» / Беседовала С. Сухова // Огонек. 2018. 10 дек. № 47 (5542). С. 14–15.

Демченко Н. ВЦИОМ вновь зафиксировал снижение рейтинга доверия Путину // РБК. 2019. 7 марта. URL: https://www.rbc.ru/society/07/03/2019/5c812a6f9a7947384417fc5a (Дата обращения: 27.05.2019.)

Дугин А.Г. После Путина «желтые жилеты» могут дойти и до России // Геополитика [сайт]. 2018. 8 дек. URL: https://www.geopolitica.ru/news/aleksandr-dugin-posle-putina-zheltye-zhilety-mogut-doyti-i-do-rossii (Дата обращения: 27.05.2019.)

«Желтые жилеты» идут свергать Макрона: Париж замер накануне новых погромов // Царьград. 2018. 7 дек. URL: https://tsargrad.tv/news/zheltye-zhilety-idut-svergat-makrona-parizh-zamer-v-uzhase-nakanune-novyh-pogromov_172951 (Дата обращения: 27.05.2019.)

«Желтые жилеты»: Макрон переводит стрелки на Путина // Царьград. Программа «Внешний контур с К. Гасановым. 2018. 10 дек. URL: https://tsargrad.tv/shows/zheltye-zhilety-makron-perevodit-strelki-na-putina_173204 (Дата обращения: 27.05.2019.)

Клинова М.В. «Желтые жилеты» – черные лебеди Макрону // Независимая газ. 2018. 2 дек. С. 3.

Колесников А. Политизация, регионализация, шиесизация // Ведомости. 2019. 10 апр.

Королёва Е. Кремль: Москва не имеет отношения к «желтым жилетам» // Газета. 2018. 10 дек. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/12/10_a_12089659.shtml (Дата обращения: 11.12.2018.)

Кувалдин С. Хватит кормить Париж. Почему французских «желтых жилетов» хорошо поймут в России // Сноб. 2018. 4 дек. URL: https://snob.ru/entry/169091 (Дата обращения: 27.05.2019.)

Лапина Н.Ю. Власти Франции пытаются преодолеть разрыв с народом // Независимая газ. 2019. 21 янв. С. 6.

Лапина Н.Ю. Франция: Взгляд из России // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 2. С. 31–64.

Лимонов Э. Желтые жилеты, пора побеждать! // Regnum. 2019. 18 февр. URL: https://regnum.ru/news/2574692.html (Дата обращения: 27.05.2019.)

Макрон сдался: Битва «желтых жилетов» выходит на новый уровень // Геополитика [сайт]. 2018. 11 дек. URL: https://www.geopolitica.ru/agenda/makron-sdalsya-bitva-zheltyh-zhiletov-vyhodit-na-novyy-uroven (Дата обращения: 27.05.2019.)

Минниханов о TV: «Везде показывают Францию, как будто призывают надеть желтые жилеты...» // «БИЗНЕС Online». 2018. 14 дек. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/406336 (Дата обращения: 27.05.2019.)

Навальный А. Интервью // «Эхо Москвы». Передача «Особое мнение». 2019. 25 янв. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_NZB0BkR5F8 (Дата обращения: 27.05.2019.)

Николаев И. Тень Парижа над Москвой // Московский комсомолец. 2019. 11 янв. С. 3.

О революции «желтых жилетов» во Франции // Вести FM: Железная логика с Сергеем Михеевым. 2018. 3 дек. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9y111-94PsA (Дата обращения: 27.05.2019.)

Портякова Н. Желтый уровень угрозы // Известия. 2018. 26 ноября. С. 3.

Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2007. 140 с.

Рубинский Ю.И. Мини- или макси-кризис? // Свет и тени «эры Макрона» / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Институт Европы РАН, 2019. С. 8–44. (Доклады Института Европы; № 362).

Самоделова С. Нотр-Дам всея Руси // Московский комсомолец. 2019. 27 апр. С. 4.

Сафронов Ю. В спортзале устали все, кроме Макрона // Новая газета. 2019. 18 янв. № 5. С. 6.

Сафронов Ю. «Желтые жилеты» оккупировали Францию // Новая газета. 2018 а. 21 ноября. № 129. С. 6.

Сафронов Ю. «Коричневая чума» в желтых жилетах? // Новая газета. 2018 б. 3 дек. № 134. С. 17.

Сейбиль Н. Политологи объяснили, придут ли «желтые жилеты» в Россию // Новые Известия. 2018. 10 дек. URL: https://newizv.ru/news/politics/10-12-2018/politologi-ob-yasnili-pridut-li-zheltye-zhilety-v-rossiyu (Дата обращения: 27.05.2019.)

Селимова Ф. «Желтые жилеты» опасны для европейской мечты // Независимая газета. 2019. 21 янв. С. 3.

Семенова А. «Невидимые» возвращаются на сцену истории // Правда. 2018 а. 18–19 дек. С. 3.

Семенова А. Превратим желтые жилеты в красные // Правда. 2018 б. 4–5 дек. С. 1, 3.

Сен-Жермес Т. «Россия должна помочь “желтым жилетам” во Франции» // МК. 2019. 14 янв. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/01/14/rossiya-dolzhna-pomoch-zheltym-zhiletam-vo-francii.html?fbclid=IwAR0zM6R9ML7DQDGC94ZFieLWlCuLFTKyn31IFFbqRleFZWVreKFC1gk1NXU (Дата обращения: 27.05.2019.)

Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр.

Трунина А. Путин прокомментировал протесты словами «не хотим как в Париже» // РБК. 2018. 11 дек. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/12/2018/5c0fd8439a7947aadac52249 (Дата обращения: 27.05.2019.)

Франция. Инфографика ФОМ об отношениях между Россией и Францией, о французах и желании побывать в этой стране // ФОМ. 2018. 27 ноября. URL: https://fom.ru/infografika/ 14139 (Дата обращения: 27.05.2019.)

Bourmaud D. Le populisme: De la commodité politique d’un concept élastique // Politeia. P., 2013. No 24. P. 155–164.

Delbecque E. Le Black Bloc a surtout le goût de la castagne // Marianne. P., 2019. No 1149. 22–28 Mars.

Fourquet J. «Gilets jaunes»: Radiorgaphie sociologique et culturelle d’un mouvement // Le Figaro. P., 2019. 23 Janvier. P. 14–15.

«Les “gilets jaunes”, c’est nous»: Juliette Binoche et Emmanuelle Béart clament leur soutien au movement // Le Figaro. 2019. 4 Mai. URL: http://www.lefigaro.fr/culture/les-gilets-jaunes-c-est-

nous-juliette-binoche-et-emmanuelle-beart-clament-leur-soutien-au-mouvement-20190504 (Дата обращения: 27.05.2019.)

«Gilets jaunes»: Une enquête pionnière sur la «révolte des revenus modestes» // Le Monde. 2018. 11 Décembre. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/12/11/gilets-jaunes-une-enquete-pionniere-sur-la-revolte-des-revenus-modestes_5395562_3232.html (Дата обращения: 27.05.2019.)

Goldnadel G.-W. Derrière la tolérance aux casseurs, une schizophrénie médiatique // Le Figaro. P., 2019. 25 Mars.

Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. P.: Flammarion, 2014. 192 p.

Lash Ch. La révolte des élites et la trahison de la démocratie / Trad. de l'anglais. P.: Flammarion, 2007.

Lévy B.-H. Interview // LCI. 2019. 5 Mars. (Архив автора).

Malia M. L'Occident et l'énigme russe. Du Cavalier en bronze au mausolée de Lénine. P.: Seuil, 2003.

Street J. Do celebrity politics and celebrity politicians matter? // The British j. of politics and international relations. L., 2012. No 14 (3). P. 346–356.

Thierry M. Violences anti-élus. «Tu seras décapitée…» // Le Nouvel Obs. P., 2019. 17–23 Janvier. No 2828. P. 32–350.

Winock M. La fièvre hexagonale. P.: Le Seuil, 2009.

References

Ageev V. Cvet vozmushhenija – zheltyj. Ogonek. 2018. 17 Dec. No 48. P. 20–21.

Al'bac E. Interv'ju. «Jeho Moskvy». Peredacha «Osoboe mnenie». 2018. 11 Dec. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4X8QYevFgHI (Date of access: 27.05.2019.)

Bajkov A. Neponjatnye «zheltye zhilety»: Kak ustroena pesochnica bezlidernogo protesta. Novaja gazeta. 2018. No 143. 24 Dec. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/12/23/79041-neponyatnye-zheltye-zhilety (Date of access: 27.05.2019.)

Bajkova T. «Zapadnym politikam hochetsja popiarit'sja za schet Rossii»: Interv'ju s postpredom RF pri ES V. Chizhovym. Izvestija. 2018. 27 Dec. S. 2–3.

Bodro, cherepash'imi shazhkami, k tehnologicheskomu ryvku. Nezavisimaja gaz. 2019. 16 Jan. P. 2.

Borisova A. Politicheskij obraz Rossii v vosprijatii jekspertnogo soobshhestva ES i SShA. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. No 8. P. 63–75.

Vedrusov A. Pereryv na prazdnik. Izvestija. 2018. 17 Dec. P. 3.

Vecher s Vladimirom Solov'evym. Video face [sajt]. 2018. Dek. 4. URL: https://videoface.ru/video/polit/vecher-s-solovevym-posledniy-vypusk-04-12-2018.html (Date of access: 27.05.2019.)

Vladimir Putin vyrazil sochuvstvie vsej Francii posle pozhara v Notr-Dam de Pari. 5-TV. 2019. Apr. 16. URL: https://www.5-tv.ru/news/247488/vladimir-putin-vyrazil-socuvstvie-vsej-francii-posle-pozara-vnotrdam-depari/ (Date of access: 27.05.2019.)

Gazeta «Pravda»: Takim mir zapomnil 2018 god (po stranicam gazety «Pravda»). KPRF [sajt]. 2019. 01 Feb. URL: https://kprf.ru/international/capitalist/181595.html (Date of access: 27.05.2019.)

Grigorova D. Tam, gde prohodjat «zheltye zhilety», ostajutsja tol'ko dym i ogon'. Vesti FM. 2018. Dec. 2. URL: https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2012327 (Date of access: 27.05.2019.)

Grigor'ev L. «Vsja jeta toplivnaja istorija – ona pro neravenstvo». Besedovala S. Suhova. Ogonek. 2018. Dec. 10. No 47 (5542). P. 14–15.

Demchenko N. VCIOM vnov' zafiksiroval snizhenie rejtinga doverija Putinu. RBK. 2019. 7 March. URL: https://www.rbc.ru/society/07/03/2019/5c812a6f9a7947384417fc5a (Date of access: 27.05.2019.)

Dugin A.G. Posle Putina «zheltye zhilety» mogut dojti i do Rossii. Geopolitika [sajt]. 2018. 8 Dec. URL: https://www.geopolitica.ru/news/aleksandr-dugin-posle-putina-zheltye-zhilety-mogut-doyti-i-do-rossii (Date of access: 27.05.2019.)

«Zheltye zhilety» idut svergat' Makrona: Parizh zamer nakanune novyh pogromov. Car'grad. 2018. 7 Dec. URL: https://tsargrad.tv/news/zheltye-zhilety-idut-svergat-makrona-parizh-zamer-v-uzhase-nakanune-novyh-pogromov_172951 (Date of access: 27.05.2019.)

«Zheltye zhilety»: Makron perevodit strelki na Putina. Car'grad. Programma «Vneshnij kontur s K. Gasanovym. 2018. 10 Dec. URL: https://tsargrad.tv/shows/zheltye-zhilety-makron-perevodit-strelki-na-putina_173204 (Date of access: 27.05.2019.)

Klinova M.V. «Zheltye zhilety» – chernye lebedi Makronu. Nezavisimaja gaz. 2018. 2 Dec. P. 3.

Kolesnikov A. Politizacija, regionalizacija, shiesizacija. Vedomosti. 2019. 10 April.

Korolëva E. Kreml': Moskva ne imeet otnoshenija k «zheltym zhiletam». Gazeta. 2018. 10 Dec. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/12/10_a_12089659.shtml (Date of access: 11.12.2018.)

Kuvaldin S. Hvatit kormit' Parizh. Pochemu francuzskih «Zheltyh zhiletov» horosho pojmut v Rossii. Snob. 2018. 4 Dec. URL: https://snob.ru/entry/169091 (Date of access: 27.05.2019.)

Lapina N.Ju. Vlasti Francii pytajutsja preodolet' razryv s narodom. Nezavisimaja gaz. 2019. 21 Jan. P. 6.

Lapina N.Ju. Francija: Vzgljad iz Rossii. Aktual'nye problemy Evropy. 2016. No 2. P. 31–64.

Limonov Je. Zheltye zhilety, pora pobezhdat'! Regnum. 2019. 18 Feb. URL: https://regnum.ru/news/2574692.html (Date of access: 27.05.2019.)

Makron sdalsja: Bitva «zheltyh zhiletov» vyhodit na novyj uroven'. Geopolitika [sajt]. 2018. 11 Dec. URL: https://www.geopolitica.ru/agenda/makron-sdalsya-bitva-zheltyh-zhiletov-vyhodit-na-novyy-uroven (Date of access: 27.05.2019.)

Minnihanov o TV: «Vezde pokazyvajut Franciju, kak budto prizyvajut nadet' zheltye zhilety...». «BIZNES Online». 2018. 14 Dec. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/406336 (Date of access: 27.05.2019.)

Naval'nyj A. Interv'ju. «Jeho Moskvy». Peredacha «Osoboe mnenie». 2019. 25 Jan. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_NZB0BkR5F8 (Date of access: 27.05.2019.)

Nikolaev I. Ten' Parizha nad Moskvoj. Moskovskij komsomolec. 2019. 11 Jan. P. 3.

O revoljucii «zheltyh zhiletov» vo Francii. Vesti FM: Zheleznaja logika s Sergeem Miheevym. 2018. 3 Dec. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9y111-94PsA (Date of access: 27.05.2019.)

Portjakova N. Zheltyj uroven' ugrozy. Izvestija. 2018. Nov. 26. P. 3.

Rossijskaja identichnost' v sociologicheskom izmerenii: Analiticheskij doklad. Moscow: IS RAN, 2007. 140 p.

Rubinskij Ju.I. Mini- ili maksi-krizis? Svet i teni «jery Makrona». Otv. red. V. Ja. Shvejcer. Moscow: Institut Evropy RAN, 2019. P. 8–44. (Doklady Instituta Evropy; No 362).

Samodelova S. Notr-Dam vseja Rusi. Moskovskij komsomolec. 2019. 27 Apr. P. 4.

Safronov Ju. V sportzale ustali vse, krome Makrona. Novaja gazeta. 2019. 18 Jan. No 5. P. 6.

Safronov Ju. «Zheltye zhilety» okkupirovali Franciju. Novaja gazeta. 2018 a. 21 Nov. No 129. P. 6.

Safronov Ju. «Korichnevaja chuma» v zheltyh zhiletah? Novaja gazeta. 2018 b. 3 Dec. No 134. P. 17.

Sejbil' N. Politologi ob'jasnili, pridut li «zheltye zhilety» v Rossiju. Novye Izvestija. 2018. 10 Dec. URL: https://newizv.ru/news/politics/10-12-2018/politologi-ob-yasnili-pridut-li-zheltye-zhilety-v-rossiyu (Date of access: 27.05.2019.)

Selimova F. «Zheltye zhilety» opasny dlja evropejskoj mechty. Nezavisimaja gazeta. 2019. 21 Jan. P. 3.

Semenova A. «Nevidimye» vozvrashhajutsja na scenu istorii. Pravda. 2018 a. 18–19 Dec. P. 3.

Semenova A. Prevratim zheltye zhilety v krasnye. Pravda. 2018 b. 4–5 Dec. P. 1, 3.

Sen-Zhermes T. «Rossija dolzhna pomoch' "zheltym zhiletam" vo Francii». MK. 2019. 14 Jan. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/01/14/rossiya-dolzhna-pomoch-zheltym-zhiletam-vo-francii.html?fbclid=IwAR0zM6R9ML7DQDGC94ZFieLWlCuLFTKyn31IFFbq RleFZWVreKFC1gk1NXU (Date of access: 27.05.2019.)

Surkov V. Dolgoe gosudarstvo Putina. Nezavisimaja gazeta. 2019. 11 Feb.

Trunina A. Putin prokommentiroval protesty slovami «ne hotim kak v Parizhe». RBK. 2018. 11 Dec. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/12/2018/5c0fd8439a7947aadac52249 (Date of access: 27.05.2019.)

Francija. Infografika FOM ob otnoshenijah mezhdu Rossiej i Franciej, o francuzah i zhelanii pobyvat' v jetoj strane. FOM. 2018. 27 Nov. URL: https://fom.ru/infografika/14139 (Date of access: 27.05.2019.)

Bourmaud D. Le populisme: De la commodité politique d'un concept élastique. Politeia. P., 2013. No 24. P. 155–164.

Delbecque E. Le Black Bloc a surtout le goût de la castagne. Marianne. P., 2019. No 1149. 22–28 Mars.

Fourquet J. «Gilets jaunes»: Radiorgaphie sociologique et culturelle d'un mouvement. Le Figaro. P., 2019. 23 Jan. P. 14–15.

«Les "gilets jaunes"... 2019 – «Les "gilets jaunes", c'est nous»: Juliette Binoche et Emmanuelle Béart clament leur soutien au movement. Le Figaro. 2019. 4 Mai. URL: http://www.lefigaro.fr/culture/les-gilets-jaunes-c-est-nous-juliette-binoche-et-emmanuelle-beart-clament-leur-soutien-au-mouvement-20190504 (Date of access: 27.05.2019.)

«Gilets jaunes»: Une enquête pionnière sur la «révolte des revenus modestes». Le Monde. 2018. 11 Déc. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/12/11/gilets-jaunes-une-enquete-pionniere-sur-la-revolte-des-revenus-modestes_5395562_3232.html (Date of access: 27.05.2019.)

Goldnadel G.-W. Derrière la tolérance aux casseurs, une schizophrénie médiatique. Le Figaro. P., 2019. 25 Mars.

Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. P.: Flammarion, 2014. 192 p.

Lash Ch. La révolte des élites et la trahison de la démocratie. Trad. de l'anglais. P.: Flammarion, 2007.

Lévy B.-H. Interview // LCI. 2019. 5 Mars. (The archive of the author).

Malia M. L'Occident et l'énigme russe. Du Cavalier en bronze au mausolée de Lénine. P.: Seuil, 2003.

Street J. Do celebrity politics and celebrity politicians matter? The British j. of politics and international relations. L., 2012. No 14 (3). P. 346–356.

Thierry M. Violences anti-élus. «Tu seras décapitée…». Le Nouvel Obs. P., 2019. 17–23 Janvier. No 2828. P. 32–350.

Winock M. La fièvre hexagonale. P.: Le Seuil, 2009.

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.04

Н.И. Бубнова

СТРАТЕГИЯ США В ЗЕРКАЛЕ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ТРАМПА

Аннотация. *Проводимое Дональдом Трампом ограничение иммиграции связано с общим курсом его политики, концентрирующим усилия на внутреннем развитии страны для обеспечения интересов американцев и преимуществ США на мировой арене. Дональд Трамп ограничил приток беженцев и приезжих из мусульманских стран, инициировал строительство стены на границе с Мексикой, критикует условия пребывания на территории США детей иммигрантов – «дримеров» и принимает жесткие меры против незаконных иммигрантов.*

Политику Трампа сопровождает давление на другие страны с целью заставить их поддержать единоличный курс Вашингтона, пересмотр международных обязательств, а также выход США из значимых международных договоренностей по мигрантам и беженцам. При осуществлении своей стратегии американский президент сталкивается с жестким внутриполитическим сопротивлением сторонников либеральной глобализации, членов Демократической партии в американском истеблишменте, демократического большинства в Палате представителей, а также широких академических кругов.

Стремление Трампа воздвигнуть стену на границе с Мексикой стало главным пунктом повестки противостояния президента с его противниками и вызвало самое длительное в американской истории закрытие государственных учреждений. А успех или поражение в осуществлении этого замысла рассматривается как индикатор силы президента и его способности проводить свой политический курс. Но даже если стена окажется полезной Трампу, мировое развитие и решение важнейших международных проблем требуют сегодня скоординированных усилий различных стран, в том числе для преодоления последствий конфликтов, регулирования миграции и заботы о беженцах.

Ключевые слова: *иммиграция; стратегия Трампа; политика «нулевой терпимости»; Иммиграционный акт; стена с Мексикой; shutdown; DACA; «мечтатели»; беженцы.*

Бубнова Наталия Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник НИ ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН (Москва).
E-mail: nbubnova@imemo.ru

N.I. Bubnova. U.S. Strategy in the Mirror of Trump's Immigration Policy

Abstract. *The article analyses Trump's course on immigration as both a reflection and key component of his world views and national security policy. Trump's policies to curtail immigration are integrated with his overall focus on promoting domestic development while insuring Americans' interests and U.S. advantages on the international arena. Trump restricted the inflow of refuges and migrants from Muslim countries, stood up for a wall with Mexico, changed the immigration rules, put into question the rights of «dreamers» brought inside the country as children by illegal immigrants, and adopted stern measures against illegal immigrants.*

Trump's immigration policy which goes counter to globalism and liberalism, meets with strong rebuff from Trump's domestic opponents represented by the Democratic party, the majority in Congress, and the government establishment. Trump's willingness to reconsider international agreements on migration and to build both real and virtual walls is also a point of contention between the United States and its Latin American neighbors, as well as many other UN member countries. Yet even if he succeeds in building his wall with Mexico, it cannot become a symbol of the future development of the world which requires cross-border cooperation in resolving major global problems, in particular those connected with overcoming the results of conflicts, immigration regulation, and refugee assistance.

Keywords: *immigration; «zero tolerance» policy; Trump's strategy; Immigration Act; wall with Mexico; shutdown; DACA; dreamers; refugees.*

Bubnova Natalia Igorevna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: nbubnova@imemo.ru

Борьба с нежелательной иммиграцией была одной из основных тем Дональда Трампа во время его избирательной кампании. Он говорил, что в Соединенных Штатах «самые плохие в мире законы об иммиграции» и критиковал своего предшественника, при котором была осуществлена иммиграционная амнистия, позволившая 5 млн нелегальных иммигрантов избежать депортации.

Став президентом, Трамп объявил политику «нулевой терпимости» в отношении незаконной иммиграции. В этой борьбе он опирался на свой базовый электорат, относящийся с опаской и неприятием к тем, кого сам Трамп, невзирая на обвинения в неполиткорректности и под аплодисменты своих сторонников, не раз называл «насильниками», «террористами», «койотами», «преступниками».

Нынешний глава Белого дома исходит из того, что незаконная иммиграция затрагивает жизни всех американцев. Трамп считал необходимым изменить

законодательство, принять меры против нелегальной иммиграции, оказать давление на другие страны с целью предотвращения потока незаконных иммигрантов в США. Таким образом, вопрос об иммиграции в американских реалиях затрагивает внешне- и внутриполитическую сферу. Поскольку США являются крупнейшей экономикой мира и играют большую роль в мировой политике, их позиция оказывает большое влияние и на решение международных миграционных вопросов.

Разные «представления о прекрасном»: Мир без границ или граница на замке

Расхождение позиций по проблеме иммиграции между Дональдом Трампом и его оппонентами из Демократической партии и американского либерального истеблишмента отражают разное представление о Соединенных Штатах, их будущем, а также о дальнейшем развитии мира. Известен лозунг Д. Трампа – «Америка прежде всего». С точки зрения американского президента, для Соединенных Штатов будет полезно, если они будут жестко регламентировать иммиграцию, сосредоточатся на внутреннем развитии, а не на решении мировых проблем, но при этом не уступят ни партнерам, ни соперникам, а также обеспечат условия для того, чтобы производства, которые ранее перемещались в страны с более дешевой рабочей силой и природными ресурсами, теперь вернулись на американскую территорию, возрождались закрытые ранее предприятия, где преимущественно трудились американцы, а не приезжие. В соответствии с этой логикой глобальный мир должен быть перестроен с бóльшим учетом интересов США, исходя не из либеральных условий торговли, глобализационных процессов, прозрачных границ, расширения сотрудничества, вовлеченности США в мировые процессы, торговые партнерства и военно-политические альянсы, а из необходимости перезаключения двусторонних экономических соглашений с преимущественной выгодой для американской стороны. При этом для подхода Трампа характерна тотальная коммерциализация: если Соединенные Штаты что-то делают для других стран или групп населения, то они должны жестко просчитывать, что получают за это, и непременно «монетизировать» полученные в результате выгоды.

Среди оппонентов Трампа, наряду с представителями Демократической партии, преобладающая часть американского истеблишмента, либеральная академическая среда, большинство в Конгрессе, где с 2019 г. Палата представителей контролируется демократами. С точки зрения большинства представителей этих кругов, глобализация мира – закономерный процесс, который Соединенные Штаты должны возглавить и отстаивать. Они считают позитивной тенденцию к либерализации мировой торговли, открытию границ, возрастанию доли трансграничного бизнеса, активизации экономических и

культурных обменов. Иммиграция, с их точки зрения, вписывается в этот глобальный тренд, а мигранты, как сказано в Нью-Йоркской декларации ООН от 2016 г., вносят «положительный вклад… в обеспечение всеохватного роста и устойчивого развития» [Нью-Йоркская декларация 2016]. По мнению оппонентов Трампа, Америка как страна, построенная людьми с разных континентов, приехавших в поисках лучшей жизни и свободы, не имеет права и не должна закрываться от мира, если же пойдет по такому пути, то неизбежно понесет потери.

Однако взгляды Трампа, помимо всего прочего, отражают опасения его электората по поводу происходящих в Соединенных Штатах серьезных изменений, связанных с демографической ситуацией. Если демократия по-американски начала XIX в. при имевшихся тогда многочисленных цензах означала голосование всего лишь 4% населения – только белых, состоятельных мужчин, то к середине нынешнего столетия уже более половины граждан США будут составлять афроамериканцы, индейцы, выходцы из Азии, и все они, кому больше 18 лет, будут иметь право голоса. Если до недавнего времени наиболее многочисленной этнической группой в США были потомки бежавших от революции 1848 г. германцев, то теперь это выходцы из Латинской Америки, у которых, как и мусульманского населения, помимо всего прочего, значительно бóльшая рождаемость, чем в белых семьях. Уже сейчас в Майями живут больше выходцев с Кубы, чем потомков эмигрантов из Европы, а на значительной части территории Флориды и Калифорнии испанский язык распространен наравне с английским, и для каждого четвертого из калифорнийских детей английский язык неродной. Исторически США никогда не переставали быть «плавильным котлом» (в значении: «хочешь, не хочешь, а плавься») в отличие от европейского «мультикультурализма». До недавнего времени даже преподавание в школе было разрешено только на английском языке. В последние десятилетия, как пишет Михаил Таратута, наблюдается смена парадигмы: «…если раньше люди приезжали, чтобы забыть свое прошлое, то сейчас принято привозить его с собой… теперь же быть нацменьшинством стало экономически и политически выгодным» [Таратута 2019, с. 253]. На протяжении трех с половиной веков, иммигрировав в США, «приезжие неизменно перенимали американский быт и американские ценности» [Таратута 2019, с. 254]. Теперь же этнические группы, состоящие из вновь прибывших представителей национальных меньшинств, сохраняют и расширяют свое культурное и общественно-политическое пространство.

Различие в точках зрения на проблему иммиграции существует не только между Трампом с его «базисным» электоратом, с одной стороны, и его внутриполитическим оппонентами – с другой, но и между американским руководством и Европейским союзом, который строит свою стратегию на основе принципов глобализации, либерализма и трансграничной открытости. При

этом очевидно, что европейская иммиграционная политика способствовала наплыву в Старый Свет миллионов беженцев, вызвав жесточайший кризис и спровоцировав Брексит. Трамп, имея возможность наблюдать волну хлынувших в Европу беженцев и вызванные этим проблемы, не мог не укрепиться в своем настороженном отношении к иммигрантам. Хотя очевидно, что и политика Трампа, противоположная европейской открытости, также породила ряд проблем, которые мы постараемся проанализировать.

В Соединенных Штатах, которые были основаны выходцами из Европы и затем на протяжении своей истории постоянно подпитывались волнами миграции, вопрос об отношении к принятию новых граждан в страну никогда не стоял так остро. И до определенной степени то, что в настоящее время дело обстоит именно так, можно рассматривать как своего рода парадокс, поскольку, как считалось в соответствии с традиционной западной теорией международных отношений, континентальные державы, многократно подвергавшиеся вторжению извне, например Россия, более склонны отгораживаться от других, а морские державы, окруженные со всех сторон океанами, к которым относятся США, более открыты для приезжих. В связи с этим столь острое противостояние по вопросу отношения к иммиграции само по себе является отражением глобализации. А попытка поставить заслон приезжающим в страну может рассматриваться в русле противодействия данной объективной и многими воспринимаемой в качестве прогрессивной тенденции.

Закон о приостановке въезда в США из мусульманских стран

Трамп считал, что увеличение количества беженцев с Ближнего Востока (Хиллари Клинтон обещала увеличить число принимаемых сирийских мигрантов в 550 раз!) неизбежно влечет за собой возрастание угрозы терроризма и распространения радикального исламизма в США. Среди вероятных «рисков», по мнению американских экспертов, была также перспектива усиления довольно мощного в Вашингтоне арабского лобби.

В контексте собственных представлений о «мусульманской угрозе» во время избирательной кампании Трамп призывал к «полной и совершенной» блокировке въезда мусульман в США. Его избирательной командой был опубликован материал, где утверждалось, что «среди больших сегментов мусульманского населения распространена ненависть к американцам» [Donald Trump 2016]. «Пока мы не сможем выяснить и понять проблему и какую опасность она представляет, наша страна не может оставаться жертвой ужасных нападений, совершаемых людьми, верящими только в джихад и не имеющими никакого представления о разумном и уважения к человеческой жизни» [Donald Trump 2016], – указывалось в публикации. Сразу же после ее

появления Трамп написал у себя на странице в Твиттере: «Только что выпустил очень важное политическое заявление о чрезвычайном притоке ненависти и опасности, поступающих в нашу страну. Мы должны быть бдительны!» [@realDonaldTrump 2015]. Выпады Трампа против мусульман Америки особенно усилились после террористических актов в Париже, а также после трагедии в Калифорнии, где мусульманская супружеская пара открыла огонь, убив 14 человек и ранив еще 21.

При этом сподвижники президента подвергали критике предыдущую администрацию за якобы имевшиеся у нее представления, что есть и мирный, не воинственный, ислам, ИГИЛ не связан с идеологией, и Соединенные Штаты могут победить его на Ближнем Востоке, поддерживая оппозиционные ему мусульманские группировки.

Однако Трамп, в отличие от Клинтон, не говорил, что Америке следует однозначно «поддерживать суннитов». Такие установки неизбежно привели бы к еще большему усилению межконфессиональной и межэтнической розни.

Одним из первых законодательных актов, подписанных Дональдом Трампом после вступления в должность, был Иммиграционный акт, в соответствии с которым Соединенные Штаты временно закрыли въезд для семи стран с преимущественно мусульманским населением. В их число вошли Ирак, Сомали, Иран, Судан, Йемен, Ливия и Сирия – для граждан последней доступ в США был прекращен на постоянной основе. Одновременно был ужесточен контроль при въезде в страну для прибывающих из всех других государств исламского мира, для которых были введены новые правила с обязательным дополнительным собеседованием по прибытии и сбором биометрических данных.

Хотя в названии документа использовалось слово «иммиграция», в действительности он затронул более широкие категории населения (в английском языке термин «иммиграция» имеет больший спектр значений, предполагая в одном из смыслов просто «передвижение» или «перемещение»). Например, студенты, возвращавшиеся в Соединенные Штаты после зимних каникул, столкнулись в некоторых аэропортах с проволочками и препонами. Проблематичным стало возвращение в страну для имевших действующие американские визы сотрудников зарубежных фирм, если они были из тех стран, откуда доступ в США был приостановлен. «Наказанными» оказались и члены семей, проживающих на территории США иностранцев из соответствующих стран, и многие другие. Запреты, к возмущению критиков Трампа, коснулись также и тех, кто сотрудничал с американским командованием войсками или оккупационной администрацией в Ираке, Йемене и др.: местных переводчиков, врачей, учителей и т.п. Первоначально не было полной ясности и в отношении обладателей грин-карт, т.е. вида на жительство, или же лиц с двойным гражданством включенного в «запретительный» список госу-

дарства и одновременно, например, Франции или Германии. Четкие предписания на этот счет в документе отсутствовали и не были доведены до сведения работников пограничной службы и паспортного контроля – что привело к противоречивым интерпретациям новых правил и ко всеобщей неразберихе, от которой между тем страдали конкретные люди.

Хотя некоторые сочли решение Трампа правильным, или же, по крайней мере, «неуклюжим, но юридически безупречным» [Rappaport 2017], другие были убеждены, что оно нарушает целый ряд международных соглашений и основополагающих юридических документов самих Соединенных Штатов. Это касается, например, Первой поправки к американской конституции, запрещающей дискриминацию по религиозному признаку, а также Женевской конвенции о беженцах, в соответствии с которой Соединенные Штаты взяли на себя обязательства принимать беженцев. Отдельные критики Трампа даже полагали, что его Президентский указ является достаточным основанием, чтобы начать процедуру импичмента [Wittes 2017].

Не только либералы и представители Демократической партии, но и некоторые члены республиканского истеблишмента также выражали недовольство принятым решением. Противники Президентского указа указывали на то обстоятельство, что на протяжении предшествовавших десяти лет ни одного террористического акта и ни единого убийства на территории США не было совершено выходцами из стран, попавших в «запретительный список» Трампа. И в то же самое время в этот перечень не была включена Саудовская Аравия, чьи граждане действительно принимали участие в нападении на Башни-Близнецы 11 сентября 2001 г. На этом основании многие приходили к выводу, что Президентский указ не только не укрепил, но и уменьшил безопасность, поскольку ухудшил отношение к Соединенным Штатам в мире. Особенно это касается таких стран, как Ирак, где Вашингтон на протяжении уже более чем десятилетия пытался содействовать построению демократического государства с опорой на проамериканские элиты.

Действие Иммиграционного акта было в дальнейшем оспорено решениями двух американских судов низшей инстанции, но затем, уже в июне 2018 г., подтверждено Верховным судом США в отношении пяти стран преимущественно с мусульманским населением: Ливии, Ирана, Сомали, Сирии и Йемена (для граждан которых въезд в США был закрыт на неопределенное время). Правила были установлены с разной степенью жесткости для каждой из этих стран и предполагались многие исключения и изъятия из них, это давало повод для разъяснений, что закон не предполагает «запрета на въезд». Судан и Ирак были исключены из списка, но в него были добавлены Северная Корея и Венесуэла.

После заявления о победе над ИГИЛ и выводе американских войск из Сирии республиканская администрация потребовала, чтобы европейские

страны «забрали» 800 своих граждан, сражавшихся на стороне ИГИЛ. Параллельно в Европе и Америке остро встала проблема возвращения на родину жен бойцов ИГИЛ. Власти некоторых европейских стран выступили с заявлениями, что не собираются способствовать въезду этих двух категорий граждан, а если они будут упорствовать в своем намерении, то будут подвергнуты проверке, допросам с возможным последующим заключением под стражу. В американских СМИ широко велось обсуждение вопроса, можно ли женам бойцов ИГИЛ «простить» их прошлое и «позволить» им вернуться домой. Всё это, однако, довольно странно и высвечивает имеющую место дискриминацию и в правоприменении и в общественном мнении западных государств. (Хотя это и резонирует с формулировавшимся ранее Путиным подходом, обосновывавшим вторжение в Сирию необходимостью воспрепятствовать возвращению домой сражавшихся в рядах ИГИЛ выходцев из России.) Ведь в принципе речь идет о гражданах европейских стран и США, которые имеют право вернуться на родину вне зависимости от желания правительств их стран. Доля ответственности за участие в военных действиях на территории Сирии или Ирака должна выясняться и определяться в соответствии с действующим законодательством, а отнюдь не милостью властей или общественности.

Отмена DACA не стоит слезинки «мечтателя»

Трамп предпринял шаги по ужесточению условий пребывания в стране так называемых дримеров (от английского слова «мечтатель» и названия закона от 2001 г. DreamAct – Development, Relief, and Education for Alien Minors Act) – молодых людей, которые когда-то приехали в США детьми вместе со своими родителями из числа незаконных иммигрантов. Таковых в Соединенных Штатах насчитывается около 800 тыс., причем 900 из них, по данным на 2018 г., служат в армии, в том числе и в американских войсках, участвующих в зарубежных операциях [Бубнова 2018]. Но ведь, казалось бы, именно их самым непосредственным образом касается фундаментальное представление, на котором зиждется Америка, о возможности реализации «американской мечты», тем более что они самим своим существованием персонифицируют «американскую мечту» и не знают другой страны, кроме Соединенных Штатов.

Тем не менее Трамп считал, что программа DreamAct позволяла обходить миграционные законы США, а ее отмена послужит «повышению уровня жизни американцев». Он поставил под сомнение меры, принятые его предшественником Бараком Обамой, позволившие «дримерам» оставаться в стране и продвигаться по пути приобретения американского гражданства, выступив с резкой критикой подписанного Бараком Обамой Президентского указа DACA (Deferred Actionfor Childhood Arrivals – Отложенное действие в отно-

шении въехавших детьми лиц), в соответствии с которым «дримерам» давалась возможность узаконить свое положение путем соответствующей регистрации сроком на два года (которую затем можно было продлить). Накануне 5 сентября 2017 г., когда группа высокопоставленных чиновников – членов Республиканской партии – собиралась подать в суд заявление, оспаривающее конституционность DACA, Трамп постарался предвосхитить их действия и перехватить инициативу, заявить, что новые лица не будут подпадать под действие указа, а начиная с 6 марта 2018 г. «дримеры» будут постепенно лишаться своего статуса, обеспечивавшего им защиту от преследования по закону и права на работу. Однако пересмотр Президентского указа Обамы был оспорен американским судом и решение Трампа по данному поводу так и не вступило в силу.

Вместе с тем стремясь провести в жизнь свои инициативы, Трамп готов был рассматривать возможные уступки по DACA в качестве «козыря для торга» с демократическим лобби или «обменной карты» для достижения нужных ему договоренностей. Чтобы сохранить свой любимый проект строительства «стены с Мексикой», Трамп готов был пойти на попятную по вопросу о DACA и иметь в виду возможность разрешить этим подросшим молодым людям оставаться в Соединенных Штатах. Подобные подвижки в направлении достижения договоренностей с Демократической партией также вызывали критику со стороны представителей Республиканской партии.

В разгар январского противостояния Трампа с Конгрессом по поводу отказа последнего финансировать стену с Мексикой президент в качестве компромиссного решения предложил в обмен на выделение средств на этот проект продлить на три года действие DACA. Однако законодатели не пошли ему навстречу. И хотя DACA в тот момент так и не был отменен, но и Трамп запрошенных на стену денег не получил, фактически оставшись в ситуации loose-loose – двойного проигрыша. Однако в выдвинутом им в середине мая 2019 г. Плане по иммиграции, о котором пойдет речь ниже, возможность легализации положения «дримеров» не предусматривается.

«Правильным» иммигрантам «вход не воспрещается»? …но ужесточается

Соединенные Штаты исторически формировались на основе притоков иммигрантов. Иммигранты способствовали, и как многие убеждены, попрежнему способствуют развитию страны. Они не только восполняют дефицит рабочей силы там, где он существует, но и привносят новую энергию, а также приток молодежи, на долю которой приходится бóльшая часть создаваемых предприятий и реализуемых инноваций в бизнесе. Новые иммигранты многое сделали для Соединенных Штатов и способствуют дальнейшему

развитию страны – считают те, кто отстаивает принципы открытости границы и содействия трансграничным связям.

Трамп, в свою очередь, как известно, выступал против нелегальной иммиграции (вопрос о въезде в США из мусульманских стран в данном случае оставался за скобками). Однако параллельно говорил, что правила въезда в страну и получения права на жительство и гражданства надо ужесточить. Но как и по многим другим вопросам он сначала нагнетал страсти, а потом отпускал вожжи (как тогда, когда, обидев мексиканцев, потом сказал, что «любит Мексику»). Он даже поговаривал, что не против иммиграции, но считает, что она должна происходить в рамках закона и быть основанной на отборе наиболее достойных (merit-based), чтобы в страну приезжали действительно самые лучшие и самые квалифицированные. И счел нужным призвать к тому, чтобы «все эти очень достойные люди» из различных стран, «лучшие по успеваемости в своем классе» получили шанс остаться в Соединенных Штатах. При существующем порядке и большой неконтролируемой незаконной иммиграции они, по его словам, не могут этого сделать, потому что их места занимают другие, менее достойные и способные. Но потом в начале апреля 2019 г. однозначно и категорично – быть может, потому, что выступал по поводу стены и обращался к потенциальным иммигрантам из Латинской Америки – заявил, что «довольно»: «полна коробочка» – в стране нет больше места для иммигрантов.

Однако реально при Трампе постоянно происходило ужесточение правил въезда и пребывания в США иностранных граждан. Был приостановлен на 120 дней прием беженцев, а когда он возобновился, количество ежегодно впускаемых беженцев было снижено со 100 до 50 тыс. в год. При администрации Трампа был осуществлен пересмотр законодательства по квотированию иммиграции, имевший целью уменьшить количество приезжающих из бедных стран. Их число должно было сократиться почти вдвое при неизменном числе получающих разрешение на въезд исходя из их квалификации. Параллельно были ужесточены правила получения рабочих виз. А в соответствии с Иммиграционным актом была аннулирована существовавшая прежде практика освобождения от собеседования тех, чья ранее выданная виза истекла менее чем за год до того. Трамп также неоднократно собирался отменить проведение так называемой лотереи на получение грин-карты исходя из квот, распределяемых на равной основе между шестью регионами мира. Эта инициатива осуществлялась на протяжении четырех десятков лет в соответствии с Законом об иммиграции от 1990 г. и имела целью обеспечить диверсифицированный контингент иммигрантов (что ряд предшествующих администраций полагали благом). Трамп же, как уже было сказано выше, либо говорил о «качественной иммиграции», «квалифицированных приезжих», либо вовсе выступал против иммиграции как таковой. Особую остроту этот

вопрос приобрел в 2017 г., когда проживавший в США уже с начала десятилетия по такой визе узбекский иммигрант Сайфулло Саипов, будучи за рулем грузовика, наехал на людей в Нижнем Манхеттене на велосипедной дорожке, убив восемь и покалечив еще 11 человек. Трамп тогда в очередной раз пообещал отменить лотерею, а его пресс-секретарь Сара Сандерс сказала, что приезжающие по данной визе люди не проходят должную проверку – что, впрочем, сразу же было опровергнуто работающими в этой сфере государственными чиновниками. В середине мая 2019 г. Трамп анонсировал План по иммиграции, в котором были перечислены меры по отказу от лотереи, предоставления права на въезд и вида на жительство («грин-карты») преимущественно не на основе родственных связей в США, а исходя из знания английского языка, наличия высшего образования и профессиональной квалификации. Общее количество иммигрантов должно было сократиться до 1 млн человек в год.

Президентский указ также предусматривал высылку нелегальных иммигрантов и обвиненных или подозреваемых в незаконной деятельности: причем за депортацию должны были платить из своего бюджета сами города, которые отказались выдворять незаконных или «нежелательных» иммигрантов. За первый год пребывания Трампа на посту президента количество арестов нелегальных мигрантов возросло на 43%.

Трамп также сделал заявление о намерении рассмотреть возможность принятия президентского указа о запрете на получение гражданства по праву рождения в США в том случае, если родителями были лица, не являющиеся гражданами страны, или же нелегализованные иммигранты. Это право было гарантировано Четырнадцатой поправкой к американской Конституции. Данное намерение президента касалось и так называемых якорных детей, матери которых специально приехали в Соединенные Штаты с целью родить их в Америке – в расчете на американское гражданство как для ребенка, так и, возможно, в последующем, для себя и других членов семьи. Таких детей уже проживает на американской территории 4,5 млн и в год рождается 4 млн. Для этого явления есть даже специальное название – «родильный туризм».

В своем выступлении Трамп – в его обычной манере не вполне точно соотнося свое высказывание с реальным положением дел – заявил, что якобы Соединенные Штаты являются единственной страной в мире, где предоставляется гражданство всем родившимся на американской территории по так называемому праву почвы. Однако в действительности более 30 стран имеют аналогичное законодательство, включая ближайших соседей США Канаду и Мексику.

Возможно, у президента и не получится в рамках действующего законодательства отменить право, гарантированное поправкой к конституции страны. Однако высказанная перед самыми выборами в Конгресс идея, по замыслу,

уже в силу своей провокативности, по-видимому была нацелена на то, чтобы привлечь дополнительных избирателей. Тем более что Трамп буквально в те же самые дни заявил, что результаты выборов будут подвержены влиянию иммигрантов – так же как двумя годами ранее после президентской гонки говорил, что Хиллари Клинтон получила большинство голосов избирателей (не выборщиков, которые принимают решение о президенте, а рядовых американцев) за счет участия в выборах нелегальных иммигрантов. С возможностью повторения подобных прецедентов Трамп намерен был бороться в первую очередь за счет реализации своего главного и любимого проекта – строительства стены на границе с Мексикой.

Со стеной или без стены

Обещание построить стену с Мексикой было одним из основных лозунгов президентской кампании Трампа. Еще будучи кандидатом в президенты, он утверждал, что поток нелегальной иммиграции с юга приводит к массовому проникновению в страну преступников и наркоторговцев. Из-за наплыва незаконных мигрантов, говорил он, коренные американцы лишаются рабочих мест, снижается оплата их труда. Трамп утверждал, что южная граница – «опасное, ужасное бедствие», а при ее пересечении нарушаются права женщин и детей, которых берут с собой фактически в качестве заложников. При этом в своих выступлениях по вопросу строительства стены Дональд Трамп неоднократно подвергал нападкам не только своих демократических оппонентов, но и республиканских лидеров, что, по мнению американских аналитиков, усугубляло его конфликт с партийной элитой. Он назвал сенатора Джеффа Флейка «слабым в вопросах границы, слабым в отношении преступности» [Pramuk 2018].

Критики этого проекта указывали на то, что стена не является решением проблемы. Говорили про то, что нужно ставить заслоны на тропах, которыми доставляются незаконные товары, а не по всей протяженности границы, что наркотики в основном привозят на судах, морским путем. Как писал исследователь американского избирательного процесса, профессор международной политики Бирмингемского университета Скотт Лукас, «идея со стеной» была предложена Трампу членами его избирательного штаба в качестве запоминающейся яркой «фишки», выигрышного PR-хода с целью привлечения избирателей. Будущий президент, постоянно проговаривая эту идею, сам увлекся ею, зациклился на ней и уверился, что и избиратели тоже хотят того же. При этом почти все забыли, как в 2006 г. демократы первыми предлагали «ограждающий забор» (security fence).

Многие эксперты также указывали на неубедительность примеров, приводимых Трампом в обоснование необходимости строительства стены. На-

пример, выступая с Посланием к нации, Трамп говорил, что там, где фрагменты стены все же были построены, ситуация с безопасностью радикально поменялась, приведя в пример опасный приграничный город Эль-Пасо, который, по его утверждению, в одночасье превратился в один из самых безопасных в США. Однако критики Трампа сразу же обратили внимание, что в действительности этот город – на втором месте по безопасности среди американских населенных пунктов сопоставимого размера, поскольку преступность здесь снижалась уже с середины 90-х, причем она сохранилась примерно на том же уровне и после воздвижения стены в 2009 г. [Mekelburg 2019]. Член Палаты представитель от Техаса Вероника Эскобар, сама уроженка Эль-Пасо, даже потребовала, чтобы президент принес извинения городу. Другой приводившийся Трампом в его Послании к нации пример с Сан-Диего был дезавуирован многими специалистами, ссылавшимися на статистические данные, опровергавшие утверждение, будто бы после строительства фрагментов стены ситуация с безопасностью там радикально улучшилась. А во время выступления в Конгрессе в феврале 2019 г. члена Палаты представителей от Флориды Мэтта Гейца у последнего возникла перепалка с присутствовавшими там же двумя отцами детей, убитых в 2018 г. во флоридской школе бывшим учащимся той же школы, устроившим стрельбу из винтовки. Гейц, когда-то выступавший против введения требования дополнительной проверки при продаже оружия, теперь в Конгрессе отстаивал необходимость строительства стены для предотвращения подобных трагедий в будущем. Тогда как отцы погибших подростков резко возражали ему, что не в стене дело, а трагедия в школе была связана не с неконтролируемой иммиграцией, а с действующими правилами приобретения оружия.

Когда в октябре 2018 г. караван мигрантов из стран Латинской Америки: Гватемалы, Гондураса, Сальвадора, начал двигаться через мексиканскую территорию в направлении границы с США, Трамп послал в рамках операции «Верный патриот» в приграничные районы Техаса, Аризоны, Калифорнии – где уже были размещены более 2 тыс. солдат Национальной гвардии, – 5200 американских военнослужащих. Это был первый в истории США случай отправки на границу не просто пограничников, а подразделений регулярных войск. Причем Трамп говорил, что это только начало, и что в дальнейшем их станет еще больше: от 10 до 15 тыс., т.е. по своей численности они могли превысить двигавшихся с юга к американо-мексиканской границе мигрантов.

Трамп называл потенциальных нарушителей границы «участниками вторжения» и утверждал, что в их рядах имеются лица из стран Ближнего Востока. «Огромные количества людей движутся к нашей территории через Мексику в надежде заполонить нашу южную границу, – писал он в Твиттере. – Мы послали дополнительные войска. Мы построим Стену из людей, если нужно. Если бы у нас имелась настоящая Стена, происходящее было бы пус-

тячным делом!» [@realDonaldTrump 2019]. Однако Скотт Лукас полагает, что именно предпринимавшиеся Трампом меры – наряду с ростом численности семей самих латиноамериканцев – стали причиной наплыва иммигрантов в США постольку, поскольку жители бедных латиноамериканских стран вдруг почувствовали, что временной зазор, в течение которого им удастся перейти границу, сокращается, и решили, что это возможно сделать только «сейчас или никогда». Хотя многие как критики, так и сторонники Трампа утверждали, что поток иммиграции в последние годы снизился, однако, по данным американского Министерства внутренней безопасности, в 2018 фин. г., по сравнению с предыдущим, количество семей, прибывающих в США через границу с Мексикой, несмотря на ужесточение правил, возросло на 338%, а число пересекших границу без сопровождения взрослыми детей – на 58% [Crowe 2019].

Происходящее осложняется тем, что эти иммигранты в большинстве своем «проникают» из стран, не граничащих с Соединенными Штатами. Американские иммиграционные власти не имеют возможности возвращать их туда, откуда они прибыли, а вместо этого вынуждены предоставлять им условия для временного содержания до тех пор, пока занимающийся вопросами иммиграции судья не займется их делом – что создает огромное давление на Министерство внутренней безопасности [Crowe 2019].

Трамп также сказал, что если на границе эти «вторгнувшиеся» начнут бросать камни в пограничников, то последние «могли бы рассмотреть возможность использования огнестрельного оружия» – тем самым сформулировав угрозу стрельбы по невооруженным лицам. Американские СМИ писали, что пограничникам дана команда открывать огонь на поражение. Всё это вызывает пронзительные аллюзии на то, как подобное – со многими человеческими жертвами – происходило во времена холодной войны на границе между Западным и Восточным Берлином – что вызывало тогда обоснованное возмущение во всем мире, включая и сами Соединенные Штаты.

Примечательно, что соответствующие высказывания американского президента были сделаны в неделю, предшествовавшую промежуточным выборам в Конгресс. Это давало повод противникам президента подозревать его в том, что «караван» мог быть специально организованной акцией, призванной повысить его популярность и, соответственно, шансы республиканцев на выборах, что, впрочем, вряд ли имело место и в любом случае не помогло им удержать большинство в Палате представителей. Параллельно были приняты правила, позволявшие пересекать границу только в специальных пунктах, а также чтобы желающие сделать это, подавали заявку заранее, будучи на мексиканской территории.

В ноябре 2018 г. было принято решение о строительстве новых фрагментов стены протяженностью 18 миль вдоль южной границы США. Это 14 миль

насыпного вала в долине Рио-Гранде, который должен быть воздвигнут южнее населенных пунктов Аламо, Донна, Уэслако, Прогрессо, Мерседес и в районе Макаллен-стейшн, и четырехмильного ограждения из стальных столбов взамен существующего в Эль-Пасо.

Руководство Белого дома оказывало давление на страны Латинской Америки с целью побудить их принять участие в ограничении миграции, купировать движение караванов в сторону южной границы США. Трамп тогда впервые пригрозил, что вообще закроет границу с Мексикой, и предупредил, что прекратит предоставление помощи странам Латинской Америки: Гондурасу, Гватемале, Сальвадору, в том случае если те не предпримут надлежащие меры, по его мнению, они «ничего не делают для Соединенных Штатов, а только лишь берут наши деньги» [@realDonaldTrump 2018]. А когда в направлении американской границы двинулся второй караван, пригрозил, что если он не будет остановлен и возвращен в Гондурас, больше никаких денег или помощи в Гондурас не поступит. Не без влияния США новое мексиканское правительство, под руководством занявшего в июле 2018 г. пост президента Андреса Мануэля Лопеза Обрадора, приняло законодательство, значительно облегчившее для жителей государств Центральной Америки порядок получения виз и права на работу в этой стране.

Перекраивая условия торговли с соседними странами, Трамп также приводил, в числе прочих, доводы, связанные с иммиграцией и «императивом» строительства стены на границе с Мексикой. Трамп критиковал НАФТА, как и многие другие международные договоры, заключенные или подготовленные при предыдущих администрациях: Транстихоокеанское соглашение, почти согласованную договоренность о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, Парижское соглашение по климату. Трамп прекратил американское участие в договоре НАФТА и на полях встречи Большой двадцатки в Буэнос-Айресе 30 ноября 2018 г. достиг договоренности с Мексикой и Канадой о новом трехстороннем соглашении CUSMA (Canada – UnitedStates – MexicoAgreement). При этом он предрекал, что расходы на строительство стены с Мексикой будут казаться каплей в море по сравнению с сотнями миллиардов долларов, которые хлынут в Соединенные Штаты после введения новых условий торговли с этими странами в рамках согласованного договора. В свойственной ему манере передергивать и преувеличивать, он даже утверждал, что таким образом будто бы реализуется данное им во время избирательной кампании обещание, что Мексика сама заплатит за стену, что, конечно же, было, мягко говоря, большой натяжкой.

Дети тех, кто пытался попасть в Соединенные Штаты и был арестован на границе, разлучались с их родителями (так же как и дети депортируемых из страны незаконных иммигрантов). По американским законам малолетние не могут содержаться в местах заключения, куда отправляли сопровождавших

их взрослых, и детей забирали отдельно в специальные пункты временного содержания, зачастую совершенно не приспособленные для этого. Хотя это продолжалось всего лишь на протяжении нескольких месяцев (писали, что на решение Трампа отменить данную практику повлияла его супруга Мелания), по различным оценкам, около 12 тыс. детей остались без семьи, и отыскать их родных оказалось весьма затруднительным, тем более что их родители зачастую находились в американских тюрьмах. Вскоре умерла семилетняя девочка из Гватемалы, прибывшая вместе с отцом и разлученная с ним при пересечении границы, а вскоре погиб еще один мальчик (до лета еще двое гватемальских детей умерли в американских спецприемниках). Министр по делам внутренней безопасности США Кирстен Нильсен выразила сожаление по поводу случившегося. Однако Трамп заявил, что не несет ответственности за гибель детей, и в своей обычной манере использовал этот печальный повод для того, чтобы сделать утверждение, что именно дети мигрантов выиграют больше всех от строительства задуманной им стены. Но в действительности в этом случае можно констатировать, что тысячи детей оказались жертвами политического решения или же американских бюрократических пертурбаций. После перехода Палаты представителей под контроль Демократической партии среди прочих расследований, инициированных Конгрессом в отношении деятельности президента Трампа, было начато и расследование по поводу осуществлявшейся практики разлучения семей, пытавшихся попасть в США через границу с Мексикой.

В конце января 2019 г. еще один караван мигрантов двинулся из Центральной Америки в северном направлении. Дональд Трамп возвестил об угрозе, которую представляет собой новый караван. Однако многие критики президента утверждали, что раздуваемые страхи носят преувеличенный характер. Среди тысяч участников каравана немалое число действительно заявляли о намерении достичь Соединенных Штатов. Однако также многие сообщали, что планируют остаться в Мексике, в значительной степени благодаря облегченным правилам пребывания в этой стране и возможности получения там права на работу, введенным в действие новым мексиканским правительством.

Конфронтация Трампа с Конгрессом в конце 2018 – начале 2019 г. по поводу денег на строительство стены на границе с Мексикой привела к самому длительному в американской истории закрытию правительства и государственных учреждений – так называемому shutdown'у (поскольку из-за непринятия бюджета не выделялось ассигнований на их деятельность). В затянувшийся период обсуждения бюджета Трамп, настаивавший на выделении 5,7 млрд долл. на строительство стены, дважды – в декабре 2018 г. и начале января 2019 г. – проводил встречи со своими основными противниками – лидерами демократов в Конгрессе Нэнси Пелоси и Чаком Шумером, во время

которых всякий раз строительство стены было основным вопросом, вызывавшим резкие возражения оппонентов президента и последующую перепалку перед камерами. Начиная с конца года Трамп также стал упоминать о возможности введения чрезвычайного положения с целью реализации президентских прерогатив в деле принятия решения о строительстве стены.

По представлениям Трампа, введение чрезвычайной ситуации могло бы позволить использовать на эти цели средства из военного бюджета. При этом военные получили бы право изымать под строительство землю у местных граждан. Но в результате последние неизбежно стали бы подавать в суд, и таких судебных дел было бы немало. Также писали, что в бюджете Пентагона для строительства могли бы непосредственно «отыскаться» (be immediately available) только 1–2 млрд долл. При этом понадобилось бы решать, какие программы вооружений, военного строительства, логистики или военного обеспечения необходимо для этого закрыть или урезать, что также неизбежно вызвало бы протесты теперь уже со стороны военных. В преддверии возможного введения чрезвычайного положения президент в своем Послании к нации, состоявшемся с запозданием на пару недель как раз из-за shutdown'а, попробовал ввести в оборот слово «кризис» применительно к южной границе. Хотя критики писали, что это «кризис на постном масле», кризис ради кризиса, не существующий, но специально придуманный, чтобы обосновать введение чрезвычайного положения, однако около 70% населения США, по опросам, поддерживали идею возведения стены на границе с Мексикой. При этом две трети американцев выступали против введения чрезвычайного положения с целью строительства стены, и более половины были недовольны действиями президента, связанными с shutdown'ом. Более того, хотя большинство республиканцев выступили в пользу строительства, в частности в Техасе, где проект предполагается реализовывать в первую очередь, многие из них выразили сомнение относительно возможности использования для этого средств, изначально предназначавшихся для других целей. Например, сенатор от Техаса Джон Корнин решительно высказался против использования неизрасходованных средств из фондов восстановления после природных бедствий (о такой возможности упоминал Белый дом). «Помимо всего прочего, налицо общая обеспокоенность тем, могут ли президенты по сути узурпировать делегированную Конституцией Конгрессу роль распоряжаться деньгами» [Diaz 2019], – отмечал Корнин. «Это не тот путь, которым мы хотели бы идти, – высказался в том же ключе бывший председатель комитета по внутренней безопасности Палаты представителей конгрессмен-республиканец от Техаса Майкл Маккол. – Только если Конгресс не даст президенту иного выбора, чем объявить чрезвычайное положение» [Cadel 2019]. У президента также возникли значительные трения по вопросу о стене с лидером республиканцев в Палате представителей Полом Райном.

Однако при этом республиканцы в Конгрессе были склонны возложить ответственность за кризис во взаимоотношениях с Белым домом на своих коллег из Демократической партии.

Трамп готов был идти на компромиссы по поводу того, из чего строить его стену и как ее называть: забором, конструкцией из солнечных батарей, стальным сооружением, металлическим штакетником. Но он не намерен был давать согласие ограничиться одними лишь мерами по укреплению безопасности границы. В Конгрессе готовы были выделить на это более 2 млрд долл., даже в том случае, если, как предлагалось, будут построены отдельные участки стены и для патрулирования границы будут задействованы сотни беспилотников.

Хотя Трамп и говорил, что shutdown может продлиться месяцы и даже годы, он пошел на попятную и в начале февраля распорядился возобновить деятельность государственных учреждений. При этом он предупредил, что это только на три недели, а потом, если не получит денег, то все снова может закрыться, чего к радости многих тогда не произошло. Но тем не менее, поскольку возобновление работы государственных служащих произошло безо всяких уступок со стороны демократического Конгресса, Трамп ничего не получил в обмен на свое компромиссное решение. Писали о его однозначном поражении. «Сдался» (caved-in), – гласили заголовки американских газет. Ответственный редактор журнала *The American Prospect* Гарольд Мейерсон утверждал, что когда Трамп «выбросил белый флаг» и после проблемы с закрытием из-за отсутствия финансирования аэропорта Ла-Гардия распорядился возобновить деятельность государственных учреждений, это «ознаменовало начало новой эпохи вызовов для президента и также “сравняло счет” для авиадиспетчеров, проигравших в аналогичном противостоянии с Рейганом», когда тот 40 лет назад распорядился уволить бастовавших авиадиспетчеров. «На этот раз они взяли верх над президентом-республиканцем – и демократы-прогрессисты полны решимости расширить борьбу» [Sense, Wiener 2019], – делал широкие обобщения «на перспективу» Мейерсон.

Трамп со своей стороны попытался представить итоги борьбы в свою пользу, заявив, что очень доволен результатами, к которым привел shutdown. Однако сопутствующие факты свидетельствовали против него. Новое выработанное на двухпартийной основе предложение, которое Трамп получил от Конгресса 12 февраля 2019 г. в качестве очередного возможного компромиссного решения, содержало худшие для него условия, чем предыдущее, сделанное до shutdown’а: 1,375 млрд долл. на 55 миль заграждения вместо 1,6 млрд долл. на 65 миль стены. Трамп сначала возмутился, потом согласился, но продолжал настаивать, что, как бы то ни было, стене все равно быть: «что мы делаем – так это строим стену». В предложении согласительной комиссии Конгресса также содержались меры по «гуманизации» иммиграционной

политики, включая сокращение количества мест для содержащихся под стражей иммигрантов (с 49 до 40,5 тыс.), наем 75 новых групп судей для ускорения рассмотрения скопившихся дел иммигрантов, значительное расширение штата патрульной службы, а также выделение гуманитарной помощи на 527 млн долл.

15 февраля 2019 г. Трамп объявил о введении национального чрезвычайного положения. При этом он сразу, как и предполагалось, столкнулся с обвинениями в том, что сделал это «на ровном месте»: фактически «устроил» чрезвычайное положение без чрезвычайного положения исключительно с целью добиться строительства стены. Демократы в Палате представителей предложили Резолюцию неодобрения по поводу решения президента о введении чрезвычайного положения, а затем в середине марта проголосовали за его отмену. Однако Трамп, не намеренный сдаваться по этому, центральному для него, вопросу, в проекте нового бюджета на 2020 г. запросил еще бóльшую, чем все упоминавшиеся ранее, сумму в 8,6 млрд долл. на строительство стены. Повторное голосование в Палате представителей с целью преодолеть вето президента ожидаемо не привело к отмене чрезвычайного положения, поскольку для принятия соответствующего решения требовалось уже более двух третьих голосов.

30 марта 2019 г. Трамп пригрозил закрыть границу с Мексикой, в том случае если власти латиноамериканской страны «немедленно» не остановят «всю» иммиграцию. Хотя через неделю развернулся на 180º и заявил, что дает Мексике год. Пообещав при этом, что если по истечении этого срока она не положит конец наркотрафику, то он будет действовать тарифами. Трамп, в частности, упомянул в качестве возможного наказания введение 25%-ного налога на ввоз в США автомобилей из Мексики. Однако это не только несправедливо по отношению к Мексике, которая, как указывалось выше, активно принимает меры, нацеленные на содействие уменьшению миграционных потоков в США, но и прямо запрещено трехсторонним торговым договором CUSMA. Само данное соглашение, как и перспектива его ратификации, которая еще только предстоит, таким образом ставится под угрозу. В то время как высказанные Трампом угрозы по поводу как закрытия границы, так и введения торговых тарифов уже привели к росту опасений со стороны трансграничного бизнеса и соответствующему росту цен (писали, например, что стоимость авокадо, на гребне страхов, вызванных противоречивыми заявлениями американского президента, выросла чуть ли не вдвое). Те, кто критикуют Трампа, отмечают, что в случае закрытия границы желающие попасть в США будут просто-напросто пробираться на американскую территорию не через контрольные пункты, а минуя их. Однако экономика обеих стран, включая и сами США, значительно пострадает.

Кирстен Нильсен называла «катастрофичным» отсутствие желания со стороны Конгресса в условиях массового притока в страну семей иммигрантов менять иммиграционное законодательство. Однако многие не только в Демократической, но и в Республиканской партии полагают, что решение проблемы не в заградительных мерах, а в урегулировании ситуации в самих латиноамериканских странах. Конгрессмен-республиканец Уильям Хёрд, член Палаты представителей от Техаса (от 23 избирательного участка, имеющего 800-мильную границу с Мексикой), считает необходимым разработать для латиноамериканских стран, в первую очередь Гондураса, Сальвадора, Гватемалы, что-то вроде Плана Маршалла – чтобы содействовать их развитию, вместо того чтобы бороться с исходом беженцев путем строительства стены или «устаревших законов о предоставлении убежища». Но философия и логика Трампа не нацелена на содействие развитию других государств. Он, с одной стороны, отменил полумиллиардную программу помощи латиноамериканским государствам, в рамках которой осуществлялись меры, нацеленные на снижение насилия, обучение населения, создание рабочих мест. Критики республиканской администрации отмечали, что прекращение работы по этим направлениям приведет к росту преступности и безработицы в лишившихся помощи странах, что вопреки стремлению Белого дома бороться с наплывом беженцев, будет способствовать увеличению миграции. С другой стороны, Трамп объявил о намерении создать пост руководителя всей деятельностью в области иммиграции. Эта роль, по-видимому, отводится известному своей жесткой линией политическому советнику Трампа Стивену Миллеру. А министр внутренней безопасности Кирстен Нильсон была вынуждена подать в отставку. Хотя для одних она ассоциировалась с порочной практикой разлучения семей на границе, для окружения президента она, по словам Нэнси Пелоси, тем не менее была «недостаточно экстремальной» в вопросах иммиграции.

Отказ от международных соглашений по миграции

В духе двойного отрицания – глобализма и наследия Барака Обамы – Белый дом при Трампе продолжал отказываться от международных соглашений, в том числе по важной для него теме беженцев и миграции. Лозунг «Америка прежде всего» означал, перефразируя Джона Кеннеди, не «что мы можем сделать для мира», а что «мир должен сделать для Америки». Администрация Трампа в нарушение взятых на себя обязательств снизила количество принимаемых страной беженцев. Вашингтон отказался от участия в Международной конференции по миграции, целью которой была разработка международного договора, призванного создать международно-правовую

базу для обеспечения безопасной и регулируемой миграции. В декабре 2017 г. Вашингтон объявил, что выходит из Глобального пакта по миграции. Это необязывающий документ, к которому Соединенные Штаты присоединились при администрации Барака Обамы, подписав в 2016 г. совместно с еще 192 странами Нью-Йоркскую декларацию. Комментируя американское решение о выходе из Глобального пакта, представитель США в ООН заявила, что хотя «Соединенные Штаты гордятся своим наследием в плане иммиграции… и многолетним моральным лидерством в обеспечении поддержки мигрантам и группам беженцев по всему миру», они тем не менее исходят из того, что «американцы и только лишь американцы» сами будут принимать решения по поводу американской политики в области иммиграции: «Мы будем определять, как лучше всего контролировать наши границы и кому открывать въезд в нашу страну. Глобальный подход Нью-Йоркской декларации просто несовместим с суверенитетом США» [United States Ends Participation 2017].

Когда 10 декабря 2018 г. ООН приняла «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции», среди подписавших его 164 государств не было США. Вашингтон выступил резко против этого документа и даже пытался воспрепятствовать его подписанию. Между тем как было сказано в сообщении на сайте ООН, «Договор по миграции не провозглашает новых прав. Его основная идея – напомнить о том, что у мигрантов есть права, которые нужно соблюдать. Люди, отправившиеся за “куском хлеба” в богатые страны, как сказал глава ООН, не должны погибать в пути» [В Марокко 2018].

В Докладе Департамента по социальным и экономическим отношениям ООН, «наибольшее число международных мигрантов (49,8 млн, или 19% от их общего количества в мире) проживают в США. Саудовская Аравия, Германия и Российская Федерация занимают соответственно второе, третье и четвертое места среди стран с наибольшим количеством мигрантов (около 12 млн каждая), а за ними следует Великобритания (почти 9 млн)» [New UN DESA report 2017]. И решения Трампа о выходе из международных договоренностей по миграции самым непосредственным образом затрагивают РФ наряду с другими державами.

В Москве считают одним из главных путей к разрешению проблемы беженцев прекращение военных действий на Украине и на Ближнем Востоке, и в первую очередь в Сирии, а также восстановление инфраструктуры и экономики Сирии и содействие покинувшим ее гражданам в их возвращении на родину. Однако Никки Хейли неоднократно подчеркивала, что до тех пор пока у власти в Дамаске находится Башар Асад, Соединенные Штаты не собираются принимать участие в восстановлении Сирии. Также Белый дом заявил о своем намерении вводить санкции против тех компаний, которые будут участвовать в проектах в Сирии. Большое внимание также привлекла

история с сирийскими беженцами, находившимися на территории специального лагеря Рукбан в оккупационной США зоне вокруг Эт-Танфа в условиях антисанитарии, отсутствия медицинской помощи и недостатка воды, которым Вашингтон чинил препятствия в возвращении домой. Между тем отказ Вашингтона от участия в восстановлении Сирии и намерение наказывать тех, кто готов работать в этом направлении, не будут способствовать решению проблемы с беженцами.

* * *

На основании проведенного анализа можно констатировать, что реализация политики Дональда Трампа в области иммиграции вписана в общую американскую стратегию – как внутреннюю, так и внешнюю, нацеленную на реализацию американских интересов и обеспечение преимуществ США. Дональд Трамп ограничил приток беженцев и приезжих из мусульманских стран, пытается построить стену с Мексикой, подвергает сомнению условия пребывания в стране привезенных в Америку детей иммигрантов и принимает драконовские меры против незаконных иммигрантов. Однако какие бы стены ни строились, в США уже живут многие миллионы легальных и нелегальных иммигрантов, и их родившиеся там дети будут считаться полноправными гражданами США, что неизбежно скажется на американском политическом ландшафте. В какой степени Трампу удастся корректировать воздействие этого фактора за счет принимаемых мер по купированию нелегальной иммиграции, покажет будущее.

Вопрос о миграции и мигрантах – предмет ожесточенной борьбы как в самих Соединенных Штатах, так и в их отношениях с другими странами. Строительство стены с Мексикой стало едва ли не главным пунктом политической платформы Трампа. Вопрос о том, получится ли реализовать этот план, превратился в индикатор силы президента и его способности воплощать свою повестку дня в качестве руководителя страны. Его Послание к нации, позиционированное как призыв к единству и двухпартийности, на деле имело место на фоне попыток обойти Конгресс и сломить сопротивление законодателей реализации любимого проекта президента.

Воздвижение искусственных барьеров для людей, товаров, денежных потоков безусловно тормозит мировые процессы социально-культурного обмена и развитие глобальной экономики. А попытки сконструировать заградительные препоны в мировой торговле и демографических потоках непосредственно касаются и других мировых игроков, что особенно очевидно в тех случаях, когда речь идет о международных договоренностях, внешних обязательствах Соединенных Штатов, их выходе из договоров, в которых участвует, в частности, и Россия. Проблема миграции и беженцев неизбежно

ставит вопрос о соотношении суверенной прерогативы в деле формирования национальной иммиграционной политики и императива международного и гуманитарного права. Международные игроки не могут оставаться равнодушными, когда в результате действий крупнейшей и сильнейшей державы, с одной стороны, падают мировые индексы, а с другой – остается неурегулированным вопрос о помощи нуждающимся странам и группам населения. Страдают слабые, разлучаются семьи, оказываются за бортом молодые люди, не знающие иной страны, кроме отторгающей их державы. Стена, возможно, окажется полезной Трампу для реализации его стратегии, но не может становиться символом будущего развития мира.

Библиография

Бубнова Н. Рецензия на книгу: Hannah M. «The Best ‘Worst President’: What the Right Gets Wrong About Barack Obama» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Сер.: Международные отношения. Т. 18. № 1. С. 221–230.

Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 сентября 2016 г. // UN Migration: Official Website. 2016. 19 Sept. URL: https://www.iom.int/sites/default/files/our_work/ODG/GCM/NY_Declaration_RUS.pdf (Дата обращения: 10.04.2019.)

В Марокко одобрили Договор, призванный покончить с миграционным хаосом // Информационный центр ООН в Москве: Официальный сайт. 2018. 10 дек. URL: http://www.unic.ru/event/2018-12-10/v-mire/v-marokko-odobrili-dogovor-prizvannyi-pokonchit-s-migratsionnym-khaosom (Дата обращения: 15.01.2019.)

Таратута М. Русские и американцы: Про них и про нас, таких разных. М.: Альпина паблишер, 2019. 318 с.

Cadel E. How Democrats hope to protect California flood money if Trump declares a national emergency // The Sacramento Bee. 2019. 8 Feb. URL: https://www.sacbee.com/news/politics-government/capitol-alert/article225557930.html (Дата обращения: 12.02.2019.)

Crowe J. Report: Trump Considers Creating «Immigration Czar» Post to Address Border Crisis // National Review. 2019. 1 Apr.

Diaz K. Trump’s border wall strategy aimed at Rio Grande Valley and Texas // Houston Chronicle. 2019. 5 Feb.

Donald Trump calls for halt on Muslims entering the US // Al Jazeera. 2016. 11 Mar. URL: https://www.aljazeera.com/news/2015/12/donald-trump-calls-halt-muslims-entering-151207220200817.html (Дата обращения: 10.02.2019.)

Goldstein J.S. International Relations. New York: Harper Collins College Publishers, 1994. 599 p.

Mekelburg M. Did construction of a border fence cut down on crime rates in El Paso? // El Paso Times. 2019. 10 Jan.

New UN DESA report finds numbers of migrants continue to rise // United Nations: Official Website. 2017. 18 Dec. URL: https://www.un.org/development/desa/en/news/population/international-migration-report-2017.html (Дата обращения: 5.02.2019.)

Pramuk J. Jeff Flake on whether he would challenge Trump in 2020 primary: ‘I don’t see that happening’ // CNBC. 2018. 1 Oct. URL: https://www.cnbc.com/2018/10/01/jeff-flake-says-he-may-not-challenge-donald-trump-in-2020-gop-primary.html (Дата обращения: 2.10.2018.)

Rappaport N. Trump's immigration ban executive order is clumsy, but perfectly legal // The Hill. 2017. 30 Jan. URL: http://thehill.com/blogs/pundits-blog/immigration/316871-trumps-immigration-ban-is-clumsy-but-perfectly-legal (Дата обращения: 2.02.2017.)

@realDonaldTrump // Twitter: Social network. 2015. 7 Dec. URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/673982228163072000?lang=en (Дата обращения 12.02.2019.)

@realDonaldTrump // Twitter: Social network. 2018. 28 Dec. URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1078638249562775552?lang=en (Дата обращения: 12.02.2019).

@realDonaldTrump // Twitter: Social network. 2019. 5 Feb. URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1092787440560078849 (Дата обращения: 12.02.2019.)

Sense S.M., Wiener J. Trump's Wall – and the Walls of the Future // The Nation. 2019. 31 Jan. URL: https://www.thenation.com/article/trump-border-wall-shutdown-podcast/ (Дата обращения: 1.02.2019.)

United States Ends Participation in Global Compact on Migration // United States Mission to the United Nations: Official Website. 2017. 2 Dec. URL: https://usun.state.gov/remarks/8197 (Дата обращения: 5.01.2018.)

Wittes B. Malevolence Tempered by Incompetence: Trump's Horrifying Executive Order on Refugees and Visas // Lawfare. 2017. 28 Jan. URL: https://www.lawfareblog.com/malevolence-tempered-incompetence-trumps-horrifying-executive-order-refugees-and-visas (Дата обращения: 29.01.2017.)

References

Bubnova N. Recenzija na knigu: Hannah M. «The Best 'Worst President': What the Right Gets Wrong About Barack Obama». Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2018. Ser.: Mezhdunarodnye otnoshenija. Vol. 18. No 1. P. 221–230.

Cadel E. How Democrats hope to protect California flood money if Trump declares a national emergency. The Sacramento Bee. 2019. 8 Feb. URL: https://www.sacbee.com/news/politics-government/capitol-alert/article225557930.html (Date of access: 12.02.2019.)

Crowe J. Report: Trump Considers Creating «Immigration Czar» Post to Address Border Crisis. National Review. 2019. 1 Apr.

Diaz K. Trump's border wall strategy aimed at Rio Grande Valley and Texas. Houston Chronicle. 2019. 5 Feb.

Donald Trump calls for halt on Muslims entering the US. Al Jazeera. 2016. Mar. 11. URL: https://www.aljazeera.com/news/2015/12/donald-trump-calls-halt-muslims-entering-151207220200817.html (Date of access: 10.02.2019.)

Goldstein J.S. International Relations. New York: Harper Collins College Publishers, 1994. 599 p.

Mekelburg M. Did construction of a border fence cut down on crime rates in El Paso? El Paso Times. 2019. 10 Jan.

N'ju-Jorkskaja deklaracija o bezhencah i migrantah. Rezoljucija, prinjataja General'noj Assambleej 19 sentjabrja 2016 g. UN Migration: Official Website. 2016. 19 Sept. URL: https://www.iom.int/sites/default/files/our_work/ODG/GCM/NY_Declaration_RUS.pdf (Date of access: 10.04.2019.)

New UN DESA report finds numbers of migrants continue to rise. United Nations: Official Website. 2017. 18 Dec. URL: https://www.un.org/development/desa/en/news/population/international-migration-report-2017.html (Date of access: 5.02.2019.)

Pramuk J. Jeff Flake on whether he would challenge Trump in 2020 primary: 'I don't see that happening'. CNBC. 2018. 1 Oct. URL: https://www.cnbc.com/2018/10/01/jeff-flake-says-he-may-not-challenge-donald-trump-in-2020-gop-primary.html (Date of access: 2.10.2018.)

Rappaport N. Trump's immigration ban executive order is clumsy, but perfectly legal. The Hill. 2017. 30 Jan. URL: http://thehill.com/blogs/pundits-blog/immigration/316871-trumps-immigration-ban-is-clumsy-but-perfectly-legal (Date of access: 2.02.2017.)

@realDonaldTrump. Twitter: Social network. 2015. 7 Dec. URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/673982228163072000?lang=en (Date of access: 12.02.2019.)

@realDonaldTrump. Twitter: Social network. 2018. 28 Dec. URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1078638249562775552?lang=en (Date of access: 12.02.2019.)

@realDonaldTrump. Twitter: Social network. 2019. 5 Feb. URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1092787440560078849 (Date of access: 12.02.2019.)

Sense S.M., Wiener J. Trump's Wall – and the Walls of the Future. The Nation. 2019. 31 Jan. URL: https://www.thenation.com/article/trump-border-wall-shutdown-podcast/ (Date of access: 1.02.2019.)

Taratuta M. Russkie i amerikancy: Pro nih i pro nas, takih raznyh. Moscow: Al'pina pablisher, 2019. 318 p.

United States Ends Participation in Global Compact on Migration. United States Mission to the United Nations: Official Website. 2017. 2 Dec. URL: https://usun.state.gov/remarks/8197 (Date of access: 5.01.2018.)

V Marokko odobrili Dogovor, prizvannyj pokonchit' s migracionnym haosom. Informacionnyj centr OON v Moskve: Official Website. 2018. 10 Dec. URL: http://www.unic.ru/event/2018-12-10/v-mire/v-marokko-odobrili-dogovor-prizvannyi-pokonchit-s-migratsionnym-khaosom (Date of access: 15.01.2019.)

Wittes B. Malevolence Tempered by Incompetence: Trump's Horrifying Executive Order on Refugees and Visas. Lawfare. 2017. 28 Jan. URL: https://www.lawfareblog.com/malevolence-tempered-incompetence-trumps-horrifying-executive-order-refugees-and-visas (Date of access: 29.01.2017.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.05

Г.В. Семеко

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы финансирования образования России в свете задач государственной программы развития образования на 2018–2025 гг. Сравнительный анализ состояния финансового обеспечения в России и странах ОЭСР показывает, что большая часть глобальных трендов, наблюдающихся в настоящее время в мировом образовательном пространстве, характерна и для российского образования. Среди них особенно значимыми являются сокращение расходов на образование (в процентах от ВВП), доли государства в финансировании, рост затрат образовательных организаций в расчете на одного обучающегося, увеличение затрат домашних хозяйств на платные образовательные услуги и др.*

Проведенное исследование также свидетельствует о том, что финансовое обеспечение российского образования имеет ряд существенных отличий. Так, очевидное отставание наблюдается по доле расходов на образование в процентах от ВВП, что во многом объясняется сравнительно низкой долей расходов на образование в общей сумме госрасходов. Параметры, характеризующие структуру финансового обеспечения российского образования, в большей степени схожи со средними по ОЭСР (в частности, структура расходов на образование по источникам финансирования и распределение расходов по уровням образования). Однако показатели, характеризующие изменения в финансовом обеспечении образования, у РФ слабо коррелируют со средними значениями по ОЭСР.

В настоящее время перед российской системой образования стоит амбициозная задача войти в число ведущих по конкурентоспособности образовательных систем мира. Это предполагает обновление подходов к ее финансированию, в том числе серьезные изменения в объеме и формах государственной финансовой поддержки, которые явно не соответствуют намеченным целям. В условиях ограниченности бюджетных возможностей, которую вряд ли удастся преодолеть в ближайшем будущем, крайне важно сосредоточить внимание на повышении эффективности использования выделяемых государством средств. Кроме того, необходимо расширять привлечение дополнительных, внебюджетных финансовых ресурсов, в частности инвестиций предприятий и организаций, а также средств населения. В сравнении с мировой практикой эти каналы в настоящее время задействованы очень слабо.

Ключевые слова: *система образования; расходы на образование; источники финансирования; образовательная политика; Россия; ОЭСР.*

Семеко Галина Викторовна – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: cemeko@mail.ru

G.V. Semeko. Financial Resources Invested in Education: Global Trends and Russia's Features

Abstract. *The article deals with the funding of education in Russia in the light of the objectives of the state program for development of education in 2018–2025. Comparative analysis of the financial resources invested in education in Russia and OECD countries shows that most of the global trends currently observed in the global educational system are inherent in the Russian education. Among them, the most significant are the reduction of costs on education (as a percentage of GDP), the state share in financing, the increase in the expenditure per student in educational institutions, the increase in consumer expenditure on tuition, etc.*

Comparative analysis also shows that the funding of education in Russia has a number of significant differences. Thus, there is a clear lag in the total expenditure on education as a percentage of GDP, which is largely due to the relatively low total government expenditure on education as a percentage of general government expenditure. The structure of financial resources invested in Russian education is more similar to the OECD average (in particular, the structure of expenditure on education by sources of funding and the allocation of expenses by level of education). However, indicators characterizing changes in the financial resources invested in education in the Russian Federation are poorly correlated with the OECD averages.

Currently, the Russian education system faces a challenging task to become one of the leading competitive educational systems in the world. This involves updating approaches to its funding, i.e. major changes in the amount and forms of state financial support, which clearly do not meet the intended targets. Given the limited budgetary capacity that is unlikely to be overcome in the near future, it is important to focus on improving the efficiency of using the public funds. In addition, it is necessary to increase the mobilization of additional, extra-budgetary financial resources, in particular, investments of enterprises and organizations, as well as funds of the population. In comparison with world practice, these channels are currently used highly insufficiently.

Keywords: *education system; education expenditures; sources of funds; educational policy; Russia; OECD.*

Semeko Galina Viktorovna – Candidate of Economic Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN). E-mail: cemeko@mail.ru

Один из наиболее серьезных вызовов, стоящих в настоящее время перед системой образования России, – это недофинансирование в условиях роста рынка платных образовательных услуг и социально-экономической дифференциации населения. Он не только ограничивает возможности получения россиянами качественного образования и расширения его доступности, но и перспективы решения общегосударственных задач по развитию инновационной экономики.

Несомненно, государству и государственной политике должна принадлежать ведущая роль в финансировании образования. Ни одна из развитых стран, как показывает мировой опыт, не отказывается от государственной поддержки образования. На сегодняшний день в странах, имеющих лучшие системы образования в мире (в частности, по индексу эффективности национальных систем образования – Global index of cognitive skills and educational attainment), государство обеспечивает основную часть (более 70%) финансирования этой сферы (например, в Финляндии, Швеции, Ирландии, Германии, Японии и др.).

В России, к сожалению, в последние годы не происходили позитивные сдвиги в этой области. Напротив, проблемы недостаточности финансовых ресурсов в образовании, обозначившиеся в начале 2000-х годов, обострились после 2012 г., в том числе из-за сокращения бюджетного финансирования в реальном выражении. Исследования реальных расходов учебных заведений показывают, что в среднем недофинансирование объявленных государственных стандартов составляет 1,5–2% ВВП [Двенадцать решений 2018, с. 14]. В связи с ожидаемым сильным ростом численности детей и молодых людей в ближайшее пятилетие ситуация с недофинансированием будет ухудшаться.

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. поставлена задача обеспечить вхождение России в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования и по уровню глобальной конкурентоспособности системы образования в целом [Указ 2018], что накладывает дополнительные обязательства на государство как основного инвестора. Обновление модели образования предполагает, прежде всего, серьезные изменения в объеме и формах государственной финансовой поддержки, которые явно не соответствуют намеченным целям.

В связи с этим представляется полезным проведение сравнительного анализа ситуации в сфере финансового обеспечения образования в России и зарубежных странах, в том числе в странах с наиболее эффективными системами образования.

Финансовое обеспечение образования в странах и регионах мира: Версия ОЭСР

Исследования, посвященные вопросам финансового обеспечения в странах и регионах мира, в последние годы проводились в рамках нескольких международных организаций (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Институт статистики ЮНЕСКО, ОЭСР). На наш взгляд, самыми авторитетными, детальными и методологически проработанными являются исследования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая занимает одно из ведущих мест в международной статистике и координации статистической деятельности в мире.

Статистические данные ОЭСР являются базой для выработки общих подходов в образовательной политике, в решении наиболее острых проблем в области образования и в проведении мониторинга развития образования не только на национальном, но и на межстрановом уровнях. Ежегодные тематические сборники «Взгляд на образование» (Education at a Glance) являются результатом многолетних совместных усилий правительств стран ОЭСР, экспертов и учреждений, работающих в рамках программы по разработке статистических индикаторов образовательных систем (Indicators of Education Systems, INES). В указанный сборник включаются данные по РФ, которая фугирует в числе стран-партнеров, не входящих в ОЭСР. Сфера образования является одним из основных направлений сотрудничества России и ОЭСР. Россия участвует в Программе ОЭСР по международной оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA) и в программе INES, что обеспечивает статистическую базу для международных сравнений. Россия приняла участие в двух проектах Директората ОЭСР по образованию, посвященных проблеме равенства в образовании и высшему образованию.

Последний сборник «Взгляд на образование 2018» [Education 2018], содержащий данные за 2005–2015 гг., охватывает 35 стран – участниц ОЭСР и 11 стран – партнеров этой организации. Хотя по отдельным индикаторам данные по РФ отсутствуют, тем не менее имеется возможность провести сравнение основных параметров, характеризующих финансовое обеспечение российского образования и образования стран ОЭСР.

Обобщенным показателем национальных усилий по финансовому обеспечению образования является отношение общих расходов на образование к объему ВВП в процентах.

Расходы на образование в процентах от ВВП. В соответствии с данными, представленными в сборнике «Взгляд на образование 2018», страны ОЭСР расходовали в 2015 г. в среднем 5% своего ВВП на финансирование образования, включая государственные и частные инвестиции [Education 2018, p. 266].

Но этот показатель колеблется по странам: от 3,1% в РФ до 6,4% в Норвегии. У РФ самый низкий показатель. Более 6% ВВП составляют расходы на образование в таких странах, как Новая Зеландия, Великобритания, Колумбия, США, Чили, Австралия, Канада, Израиль. На противоположном конце спектра – с показателем менее 4% ВВП – Греция, Венгрия, Чешская Республика, Люксембург, Ирландия и РФ.

Соотношение государственных[1] *и частных расходов*[2] *на образование в процентах к ВВП.* В странах ОЭСР на государственные расходы на образование всех уровней приходилось в 2015 г. в среднем 4,3% ВВП, а на частные – 0,7% ВВП [Education 2018, p. 267]. Однако соотношение государственных и частных расходов варьирует по странам. Государственное финансирование преобладает в Норвегии (соотношение долей государственных и частных расходов – 6,3%: 0,0% ВВП), Финляндии (5,6: 0,1), Ирландии (5,5: 0,3), Бельгии (5,4: 0,3), Швеции (5,0%: 0,2% ВВП). В РФ государство также играет ведущую роль в финансировании образования: его доля составляет 2,6% ВВП, а частных инвесторов – 0,5% ВВП.

Относительно высокая доля частных расходов – более 1% ВВП – отмечается в таких странах, как США (1,9% ВВП), Чили (1,9), Австралия (1,5), Южная Корея (1,4), Великобритания (1,3) и Новая Зеландия (1,2% ВВП).

Структура расходов по уровням образования. В рассматриваемом исследовании ОЭСР основные уровни образования выделены в соответствии с Международной стандартной классификацией образования (МСКО), утвержденной ЮНЕСКО в 1997 г. (МСКО-1997) и пересмотренной в 2011 г. (МСКО-2011)[3]. В частности, сопоставляются расходы по таким уровням образования, как начальное образование (primary education) (уровень 1), среднее (secondary education), включая первый этап среднего образования (lower secondary education, уровень 2) и второй этап среднего образования (upper secondary education, уровень 3), послесреднее нетретичное образование (post-

1. Общие государственные расходы (total public expenditure) на образование по методике ОЭСР включают текущие и капитальные расходы всех уровней власти: центрального, регионального и местного, в том числе прямые государственные расходы на учебные заведения, государственные субсидии населению (например, стипендии студентам, образовательные кредиты и расходы студентов на проживание) и частным организациям, осуществляющим профессиональную подготовку и переподготовку.

2. Частные расходы на образование включают расходы, финансируемые из частных источников, которыми являются домашние хозяйства и частные организации.

3. МСКО позволяет облегчить сбор статистических данных о национальных системах образования и обеспечивает их сопоставимость на международном уровне. В МСКО-2011 выделены девять ступеней образования (уровни 0–8). Подробнее см.: [International standard 2013].

secondary non-tertiary education, уровень 4) и высшее третичное образование (tertiary education, уровни 5–8)[4].

Основная часть расходов на образование в 2015 г. в среднем по странам ОЭСР приходилась на начальное, среднее и послесреднее нетретичное образование (далее – нетретичное образование) – примерно 70% (3,5% ВВП), а на третичное образование – соответственно 30% (1,5% ВВП) [Education 2018, p. 266]. У РФ распределение расходов на образование отличается – соответственно 60 и 40%, что говорит о сравнительно бóльшем значении третичного образования.

Самая высокая доля расходов на нетретичное образование (более 70% всех расходов) отмечается в Исландии, Израиле, Норвегии, Новой Зеландии и Великобритании. Самые низкие показатели – у РФ (61%), Литвы (62) и Чешской Республики (68%).

Больше всего средств на третичное образование выделяют Канада, Чили и США (более 40%). Перечисленные страны входят и в группу стран с самой высокой долей частного финансирования расходов в третичном образовании.

Динамика расходов на образование в процентах от ВВП в период с 2005 по 2015 г. Последствия глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., отразились на госбюджетах рассматриваемых стран и, соответственно, на расходах на образование всех уровней. В целом по ОЭСР средние расходы (государственные и частные) на образование всех уровней в процентах от ВВП сократились в 2015 г. по сравнению с 2010 г. на 4,1% [Education, p. 268]. Среди 28 стран, по которым имеются данные за этот период, в 20 отмечалось сокращение общих расходов на образование в процентах от ВВП. Государственные расходы на образование начали расти с 2010 г., но более медленными темпами, чем ВВП. В числе стран с наибольшими отрицательными корректировками госрасходов на образование были Ирландия (более

4. При сравнительном анализе финансового обеспечения образования в России и странах ОЭСР используется терминология МСКО. Следует отметить, что между категориями российской классификации образования и МСКО имеются определенные несоответствия. В российской классификации начальное общее образование соответствует начальному образованию МСКО (уровень 1), основное общее образование – первому этапу среднего образования МСКО (уровень 2), а среднее общее – второму этапу среднего образования МСКО (уровень 3). На более высоких уровнях образования российские реалии расходятся с категориями МСКО-2011. Так, в категориях МСКО российские программы среднего профессионального образования можно отнести как к уровню 3, так и к уровню 4 (если речь идет о программах подготовки квалифицированных рабочих и служащих) и уровню 5 (если это программы подготовки специалистов среднего звена) – в терминологии МСКО это программы короткого цикла третичного образования. Имеются также несоответствия российских программ высшего образования с категорией третичного образования МСКО.

чем на 40%), Литва (21), Эстония (12) и Словения (15%), в то время как Словакия стала единственным исключением – здесь такие расходы в процентах от ВВП выросли почти на 14%.

Расходы по отдельным уровням образования в период с 2010 по 2015 г. изменялись по-разному. В целом расходы на образование всех уровней в процентах к ВВП оставались достаточно стабильными, но незначительно снизились расходы на нетретичное образование (чуть более чем на 6%). Однако за этим средним показателем скрываются значительные изменения в некоторых странах. В Австралии, Эстонии, Ирландии, Литве, Люксембурге, Словении и США, например, расходы на нетретичное образование в процентах от ВВП сократились более чем на 10% за пятилетний период.

На третичном уровне образования инвестиции в процентах от ВВП оставались относительно стабильными. При этом около трети стран, по которым имеются данные, увеличили свои инвестиции в высшее образование, хотя их расходы на нетретичное образование сократились. Наглядный пример – Австралия и Словакия, где расходы на третичное образование в процентах от ВВП выросли соответственно на 21 и 74%, но инвестиции в нетретичное образование уменьшились примерно на 4% в течение пяти лет. Увеличение расходов на третичное образование в процентах от ВВП произошло в основном за счет существенного увеличения как государственных, так и частных инвестиций.

В РФ расходы на образование в процентах от ВВП уменьшились за 2010–2015 гг. на 7,9%. При этом отмечался небольшой рост расходов на нетретичное образование – на 1,7% и, напротив, достаточно сильное сокращение расходов на третичное образование в процентах от ВВП – на 20,6%. Таким образом, снижение расходов на образование в процентах от ВВП, по-видимому, произошло главным образом за счет уменьшения расходов на третичное образование.

Очевидно, что при оценке данной тенденции необходимо учитывать соотношение между темпами роста (и направлением изменения) ВВП и расходов на образование. Повышение темпов роста ВВП в большинстве стран ОЭСР (т.е. рост объема ВВП) с 2010 г. автоматически действовало в сторону понижения доли расходов на образование в ВВП. В отличие от многих стран ОЭСР в РФ с 2010 г. наблюдалось замедление темпов роста ВВП, что способствовало повышению доли расходов на образование в процентах от ВВП. В отсутствии такой динамики ВВП сокращение расходов на образование в процентах от ВВП было бы более существенным.

Соотношение государственного и частного финансирования по уровням образования. В последнем десятилетии все более заметной становится роль частных источников (включая расходы семей и частных организаций) при сохранении значительного удельного веса государственного финансирования.

В период 2010–2015 гг. доля частных расходов на образование всех уровней увеличилась в среднем по ОЭСР на 11%, а госрасходов, напротив, уменьшилась на 1%. Поскольку частное финансирование увеличивалось более быстрыми темпами, чем государственное, то произошло снижение доли государства в финансировании образования с 86% в 2005 г. до 83% в 2015 г. В РФ доля государства в 2011–2015 гг. стабилизировалась на уровне 83% (данные за период с 2005 по 2010 г. отсутствуют) [Education 2018, p. 279].

Анализ данных за 2015 г. о соотношении расходов на образование из государственных и частных источников показал, что в среднем по ОЭСР 83% финансирования образования всех уровней поступает от государства и 17% от частного сектора. При этом основная часть частного финансирования приходится на домашние хозяйства (семьи) – 12% (т.е. 70%).

Примерно в половине стран, по которым имеются данные, доля частного финансирования выше среднего показателя по ОЭСР. Частные источники обеспечивают 3% и менее финансирования образования всех уровней: в Финляндии (2%), Люксембурге (3), Норвегии (1) и Швеции (3%). Напротив, на них приходится треть финансирования в таких странах, как Австралия, Чили, Колумбия, Южная Корея, США и Великобритания. В РФ доля частного финансирования близка к среднему показателю по ОЭСР – 16%, из них 11% составляет доля расходов домохозяйств и 5% расходов частных организаций. Эта пропорция также близка к средней по ОЭСР (12 – 5%), т.е. основное бремя частных расходов на образование несут домохозяйства [Education 2018, p. 278].

В большинстве стран, кроме Канады и Нидерландов, расходы семей, главным образом в форме платы за обучение, являются основным источником частного финансирования нетретичного образования. В средних по ОЭСР расходах на финансирование нетретичного образования на долю частных источников приходится около 10%, из них 8% составляют расходы домохозяйств. Исключением являются Нидерланды, где при доле частного финансирования в 12% вклад частных организаций выше, чем семей, – соответственно 8 против 5% [Education 2018, p. 277]. Такая пропорция является следствием того, что взносы предприятий являются главным источником финансирования дуальной системы обучения (ученичества)[5] на второй ступени среднего и в системе послесреднего нетретичного образования.

Анализ соотношения между государственными и частными расходами по уровням образования показывает существенное различие между начальным,

5. Дуальная система профессионального обучения основана на совмещении в учебном процессе теоретической и практической подготовки, причем изучение теории в учебном заведении дополняется практическим обучением на производственном предприятии.

средним и послесредним нетретичным образованием, с одной стороны, и третичным – с другой. Во всех странах ОЭСР доля частных расходов в третичном образовании значительно выше, чем на более низких уровнях образования, – в среднем 34% всех расходов против 10% в нетретичном образовании.

Государственные источники доминируют в начальном и среднем образовании, которое является обязательным в большинстве стран. Так, в начальном образовании доля частного финансирования составляет 8%, а в среднем – уже 13%.

В среднем по ОЭСР доля государства в финансировании *нетретичного образования* составляет 90%. Выше этого среднего уровня соответствующие показатели отмечаются в таких странах, как Австрия (95%), Бельгия (97), Чешская Республика (92), Эстония (93), Финляндия (99), Норвегия (99), Исландия (96) и ряде других, а также в РФ (95%).

В третичном образовании доля государства в среднем по ОЭСР равна 66%, но этот показатель различается по странам: он ниже 40% в Австралии, Чили, Японии, Южной Корее, США и Великобритании, но зато выше 90% в Австрии, Финляндии, Люксембурге и Норвегии. У РФ этот показатель близок к среднему по ОЭСР – 64%.

В целом по ОЭСР расходы семей, главным образом в виде платы за обучение, составляют более 2/3 всех частных расходов на финансирование третичного образования. Однако есть страны, где они минимальны, – это Финляндия и Швеция. В этих двух странах частное финансирование почти полностью поступает из других частных источников (главным образом от предприятий), и доля расходов семей близка к нулю или очень мала. Доля частного финансирования третичного образования в РФ составила в 2015 г. 36%, из них 23% приходилось на расходы семей и 13% – на расходы частных предприятий [Education 2018, p. 277].

Расходы на одного обучающегося в системе образования. Изменения в расходах образовательных учреждений в основном отражают изменения в численности населения школьного возраста и в зарплате преподавателей, которая со временем увеличивается в реальном выражении.

В среднем по ОЭСР расходы в расчете на одного обучающегося на всех уровнях образования в 2015 г. составили 10 520 долл. в год, в том числе самые высокие показатели (15 тыс. долл. и выше) имеют Австрия, Норвегия, США и Люксембург (22 тыс. долл.) [Education 2018, p. 254]. Напротив, показатели ниже среднего уровня по ОЭСР у Италии, Португалии, Испании, стран Балтии, Польши, Венгрии, Турции. У РФ этот показатель почти вдвое ниже среднего уровня по ОЭСР (5409 долл.).

В большинстве стран наблюдается сильная дифференциация расходов в расчете на одного обучающегося по уровням образования. Как правило, величина таких расходов растет от начального к третичному образованию. На

уровне среднего образования они в среднем на 15% выше, чем на уровне начального. Однако в Чешской Республике и Франции эта разница достигает 60%, а в Чили, Колумбии, Исландии, Литве и ряде других стран расходы в расчете на одного обучающегося в начальном образовании выше, чем в среднем.

Аналогичным образом в среднем по ОЭСР расходы в расчете на одного обучающегося в третичном образовании на 30% выше, чем в начальном, но по странам отмечаются значительные отклонения от этого показателя: например в Мексике и США это превышение достигает 120% и более.

В начальном образовании средние по ОЭСР расходы в расчете на одного обучающегося составляют 8631 долл., а в среднем – 10 010 долл. В РФ в нетретичном образовании они равны 4473 долл. (ниже только в Мексике, Турции и Колумбии) против 9401 долл. в среднем по ОЭСР (т.е. более чем вдвое ниже среднего уровня), 20 400 – в Люксембурге, 13 900 – в Австрии, почти 14 400 – в Норвегии, более 12 400 – в США, 11 тыс. долл. в Швеции и Великобритании.

В третичном образовании средние по ОЭСР расходы в расчете на одного обучающегося равны 15 656 долл., что существенно больше, чем в начальном образовании. Особенно высок уровень таких расходов в Швеции 24 400 долл., Норвегии – 21 000, Австралии – 20 340, Японии – 19 300, Нидерландах – 19 300, Австрии – 17 500, Финляндии – 17 600, Бельгии – 17 300, Германии – 17 000, Франции – 16 200 долл. В РФ этот показатель почти вдвое ниже среднего по ОЭСР – 8369 долл. (меньше только у Колумбии, Мексики и Греции).

Из четырех стран, представивших данные по расходам в расчете на одного обучающегося в начальном и среднем образовании по регионам, у РФ самый широкий диапазон межрегиональных различий – от 2700 долл. до 25 000 долл., т.е. эти расходы различаются более чем в 9 раз [Education 2018, p. 248]. Второй страной является Канада, где самые высокие и самые низкие региональные расходы в расчете на одного обучающегося в начальном и среднем образовании различаются в 3 раза. Наименьшие региональные различия характерны для Бельгии и Германии (т.е. стран с небольшим числом субнациональных регионов).

В 57 из 85 регионов РФ расходы в расчете на одного обучающегося в начальном и среднем образовании ниже, чем в среднем по стране. В отличие от этого в Канаде более низкий, чем в среднем по стране, размер расходов в расчете на одного обучающегося имеют менее 50% из 13 провинций и территорий.

В 2010–2015 гг. расходы образовательных учреждений нетретичного образования в среднем по ОЭСР выросли на 4% [Education 2018, p. 256]. Одновременно численность учащихся в нетретичном образовании за пять лет немного сократилась – на 1%. В результате действия этих двух тенденций

произошло увеличение расходов в расчете на одного обучающегося в нетретичном образовании на 5%. Большинство стран тратили на одного учащегося нетретичного образования в 2015 г. больше, чем в 2010 г., за исключением США и ряда европейских стран, пострадавших от финансового кризиса 2008 г. В некоторых странах рост расходов в расчете на одного обучающегося был достаточно сильным, в том числе в Чили – 20%, Южной Корее – 24, Словакии – 22% и др. (данные по РФ отсутствуют).

В третичном образовании расходы в расчете на одного обучающегося выросли гораздо сильнее, чем на более низких уровнях образования, – в среднем на 11% за 2010–2015 гг. Такой рост стал возможным благодаря рекордному увеличению общих расходов на третичное образование (на 12% за 2010–2015 гг.) и увеличению численности студентов на 3%. В ряде стран наблюдалось сокращение расходов в расчете на одного обучающегося в третичном образовании (Чили, Финляндия, Франция, Германия, Ирландия и др.).

В РФ расходы в расчете на одного обучающегося в третичном образовании выросли в 2015 г. на 11% по сравнению с 2010 г. (более ранние данные отсутствуют), при этом наблюдалось сокращение численности студентов на 14%. Этим отчасти объясняется, по-видимому, и рост расходов в расчете на одного обучающегося.

Расходы на образование в общей сумме госрасходов. После 2008 г. в результате политики бюджетной экономии расходы на образование в расчете на одного обучающегося снизились во многих странах ОЭСР. В среднем по ОЭСР госрасходы на образование всех уровней составили в 2015 г. 11,1% совокупных государственных расходов. Причем этот показатель колебался от 6,3% в Греции до более 19,1% в Новой Зеландии [Education 2018, p. 288]. При этом на нетретичное образование было потрачено 8,1% из 11,1%, т.е. более чем в 2 раза больше, чем на третичное. Начальное образование поглотило в среднем по ОЭСР около 1/3 всех госрасходов на образование (3,6% из 11,1%). Такая высокая доля объясняется почти 100%-ным охватом детей обязательным начальным образованием и демографической структурой населения. На среднее образование приходилось 4,5% всех бюджетных расходов, а на третичное – 3,0%.

В РФ, как и в большинстве стран ОЭСР, госрасходы на начальное и среднее образование превосходят госрасходы на третичное образование: доля расходов на нетретичное образование составила 5,3%, а на третичное – 2,1%. В целом государство тратит 7,4% своих расходов на образование, что существенно ниже среднего уровня по ОЭСР. Из 35 обследованных стран ОЭСР этот показатель ниже только у Италии, Венгрии и Греции.

Доля расходов на третичное образование в сумме госрасходов на образование всех уровней сильно варьируется по странам. При среднем показателе по ОЭСР, равном 27% совокупных госрасходов на образование, она колеб-

лется от 15–20% в Венгрии, Израиле, Люксембурге и Португалии до 35% в Австрии, Эстонии, Словакии и Турции.

В период 2005–2015 гг. доля госрасходов на образование всех уровней в сумме всех госрасходов снизилась в среднем по ОЭСР на 0,4 п.п. Такое снижение наблюдалось в 70% обследованных стран. Особенно сильно доля госрасходов на образование уменьшилась в Мексике и Словении – 3,0 п.п. Напротив, этот показатель вырос более чем на 2,5 п.п. в Бразилии, Чили и Израиле [Education 2018, p. 290].

Тенденция к сокращению госрасходов на образование во многом была следствием негативной динамики госрасходов после финансового кризиса 2008 г., связанной с бюджетными ограничениями в большинстве стран. В том же направлении действовала и последующая затяжная рецессия. В результате в 2011–2015 гг. только в 40% стран ОЭСР отмечалось увеличение доли расходов на образование в общей сумме госрасходов, причем в большинстве из них одновременно происходил рост госрасходов.

Сравнительный анализ финансовых ресурсов систем образования в странах ОЭСР и РФ свидетельствует, прежде всего, о том, что финансовое обеспечение российского образования имеет ряд существенных отличий, касающихся как объема финансовых ресурсов, так и динамики (см. табл. 1). Так, очевидное отставание наблюдается по доле расходов на образование в ВВП, причем основная часть этого отставания приходится на долю государства в данном показателе (по доле частных источников РФ почти не уступает странам ОЭСР). Такая ситуация во многом объясняется сравнительно низкой долей расходов на образование в общей сумме госрасходов: здесь Россия находится в группе стран с самыми низкими показателями. Кроме того, в РФ расходы в расчете на одного обучающегося очень сильно (почти вдвое) отличаются от средних по ОЭСР.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОЭСР И РОССИИ (2015)

	Средний показатель по ОЭСР	*Показатели России*
1	2	3
Расходы на образование, в % от ВВП, в том числе: – максимальный показатель – минимальный показатель	5 6,4 (Норвегия) 3,1 (Россия)	3,1
Расходы на образование, в % от ВВП по источникам финансирования: – государство – частные источники	 4,3 0,7	 2,6 0,5
Расходы по уровням образования, в % к общей сумме: – нетретичное образование – третичное образование	 70 30	 60 40

1	2	3
Изменение общего объема расходов на образование в % от ВВП за 2010–2015 гг., в %, в том числе: – максимальный показатель – минимальный показатель	-4,1 -41 (Ирландия) +13,7 Словакия)	-7,9
Изменение расходов на образование в % от ВВП за 2010–2015 гг. по уровням образования, в %: – нетретичное образование – третичное образование	 -6,4 +1,3	 +1,7 -20,6
Изменение доли частных источников в общей сумме расходов на образование за 2010–2015 гг. (дефлятор ВВП 2010=100, в постоянных ценах), в %	+11	-11
Изменение доли государства в общей сумме расходов на образование за 2010–2015 гг. (дефлятор ВВП 2010=100, в постоянных ценах), в %	-1	+1
Структура расходов на образование по источникам финансирования, в %: – государство – частные источники, в том числе: – домашние хозяйства – частные предприятия	 83 17 12 5	 84 16 11 5
Структура расходов на нетретичное образование по источникам финансирования, в %: – государство – частные источники, из них: – домашние хозяйства – частные предприятия	 90 10 8 2	 95 5 4 1
Структура расходов на третичное образование по источникам финансирования, в %: – государство – частные источники, из них: – домашние хозяйства – частные предприятия	 66 34 22 12	 64 36 23 13
Расходы в расчете на одного обучающегося на всех уровнях образования, долл., в том числе: – в нетретичном образовании – в третичном образовании	10 520 9401 15 656	5409 4473 8369
Изменение расходов в расчете на одного обучающегося за 2010–2015 гг., в %: – в нетретичном образовании – в третичном образовании	 5 11	 нет данных 11
Доля расходов на образование в общей сумме госрасходов, в %, в том числе: – максимальный показатель – минимальный показатель	11,1 19,1 (Новая Зеландия) 6,3 (Греция)	7,4
Доля расходов на образование в общей сумме госрасходов, в %, из них: – нетретичное образование – третичное образование	11,1 8,1 3,0	7,4 5,3 2,2

Источник: Таблица составлена автором по статистическим данным [Education 2018].

В отличие от параметров, характеризующих объем и динамику финансовых ресурсов, параметры, касающиеся структуры финансового обеспечения российского образования, в большей степени схожи со средними по ОЭСР. В частности, это относится к структуре расходов на образование по источникам финансирования, в том числе как в нетретичном, так и в третичном образовании, и распределению расходов по уровням образования (в процентах к их общей сумме).

По структурным характеристикам затрат образовательных организаций РФ также очень близка к странам ОЭСР, в частности по дифференциации расходов в расчете на одного обучающегося по уровням образования, хотя абсолютные значения таких расходов в РФ почти вдвое отстают от средних по ОЭСР.

Показатели, характеризующие изменения в финансовом обеспечении образования за 2010–2015 гг., у РФ слабо коррелируют со средними значениями по ОЭСР. Однако прослеживается общая для стран ОЭСР и РФ тенденция к снижению общего объема расходов на образование в процентах от ВВП (причем в РФ она проявилась значительно сильнее). Изменение расходов на образование по уровням образования (в процентах от ВВП) за 2010–2015 гг. в РФ, напротив, происходило в направлении, противоположном наблюдаемому в ОЭСР: если в ОЭСР отмечалось сокращение доли нетретичного образования и рост – третичного, то в РФ – рост нетретичного и сильное сокращение третичного.

Проблемы финансового обеспечения образования в России

Под влиянием как глобальных тенденций в образовании, так и внутренних социальных, экономических и других изменений, в том числе на законодательном уровне, в структуре финансового обеспечения образования ведущих стран мира происходит закономерная корректировка пропорций между различными источниками финансирования. Большая часть глобальных трендов, наблюдающихся в настоящее время в мировом образовательном пространстве (в том числе касающихся финансовых ресурсов), как показывают приведенные выше данные, характерна и для российского образования. Среди них особенно значимыми являются сокращение расходов на образование (в процентах от ВВП), доли государства в финансировании, рост затрат образовательных организаций в расчете на одного обучающегося, увеличение затрат домашних хозяйств на платные образовательные услуги и др. Российская статистика подтверждает выводы, сделанные на основе международных статистических исследований.

Поскольку основная часть финансирования образования в РФ приходится на государство (федеральные и региональные бюджеты), то их состояние является главным фактором, определяющим приток в образование финансовых ресурсов. К сожалению, госфинансы находились в последние годы в крайне жестких условиях, в частности из-за влияния таких негативных процессов, как падение цен на нефть, ослабление рубля, низкие темпы экономического роста, неблагоприятный инвестиционный климат, слабая банковская система и т.д. Бюджетные трудности неизбежно отразились на финансировании образования.

В настоящее время в России наблюдается постепенное восстановление экономики на фоне повышения цены на нефть, постепенного смягчения денежно-кредитной политики и роста мировой экономики, но перспективы роста российской экономики на ближайшие годы по-прежнему ограничены. Согласно прогнозу Всемирного банка, темпы экономического роста в России в 2018–2020 гг. останутся низкими – от 1,5 до 1,8% в год [Экономика 2018, с. 10].

Стабилизация государственных расходов на образование как в номинальном выражении (на уровне около 3 трлн руб.), так и в реальном выражении (см. табл. 2) в условиях быстрого роста совокупного объема госрасходов привела к снижению удельного веса расходов на образование в совокупных расходах консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов – с 11,8% в 2005 г., 10,8 – в 2010 г. до 9,9% в 2016 г. [Бондаренко 2018, с. 80].

Таблица 2

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ

Годы	*2010*	*2011*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*
В действующих ценах, млрд руб.	1893,9	2231,8	2558,4	2888,8	3037,3	3034,6	3103,1	3264,2
В постоянных ценах (2010 = 100%)	100	102	107	114	112	104	102	–

Источник: [Бондаренко 2018, с. 76].

Одновременно (в силу объективных причин – ухудшение финансового положения, рост задолженности, сокращение объема межбюджетных трансфертов и др.) наблюдалось сокращение расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, на которые приходится более 80% общих расходов на образование. В 2016 г. на федеральный бюджет приходилось всего 19% госрасходов на образование против 23% в 2010 г., что говорит о процессе перераспределения бремени расходов с центрального бюджета на региональные [Бондаренко 2018, с. 78].

Бюджетные ограничения сказались на динамике госрасходов на образование в расчете на одного обучающегося (см. табл. 3): при незначительном росте этого показателя на уровне общего образования (+1%) и высшего и послевузовского образования (+4%) и небольшом снижении на уровне дошкольного (-3%) наблюдалось относительно сильное снижение на уровне среднего профобразования (-16%).

Таблица 3

ГОСРАСХОДЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ОБУЧАЮЩЕГОСЯ (тыс. руб., в постоянных ценах 2016 г.)

Уровни образования	*2010*	*2016*
Дошкольное	96,5	93,9
Общее	97,7	99,2
Среднее профессиональное	122,2	103,0
Высшее и послевузовское профессиональное	309,1	322,1

Источник: [Бондаренко 2018, с. 84].

Увеличение бремени домашних хозяйств в финансировании образования стало следствием роста объема платных услуг населению в системе образования с 41 530 млн руб. в 2000 г. до 326 100 млн руб. в 2010 г. и 567 312 млн в 2016 г., т.е. за 2000–2016 гг. на 61%. В расчете на одного члена домохозяйства расходы домашних хозяйств на оплату услуг образования повысились со 137 руб. в 2000 г. до 1583 – в 2010 г и 1591 руб. в 2016 г. Особенно высокие затраты несут домохозяйства на получение высшего образования – 5053 руб. в среднем на одного обучающегося в месяц, а самые низкие – на получение дошкольного образования – 1324 руб. (по состоянию на 2016 г.). В организациях общего и среднего профобразования соответствующие показатели равны 2662 и 2733 руб. [Бондаренко 2018, с. 85–86].

О перераспределении бремени финансирования образования между государственными и частными источниками свидетельствуют данные таблицы 4. За 2013–2016 гг. доля средств домохозяйств в общем объеме средств образовательных организаций всех уровней выросла с 2,9 до 4,0%, в том числе наиболее отчетливо данная тенденция проявилась в сегменте частных организаций, у которых этот показатель увеличился с 57,5 до 61,9%, т.е. на 4,4 п.п. Такой рост компенсировал сокращение объема финансирования со стороны организаций.

Таблица 4

ОБЪЕМ СРЕДСТВ ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕХ УРОВНЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКАМ ФИНАНСИРОВАНИЯ (в % к общему объему средств)

Источники финансирования	*Всего*		*Государственные и муниципальные организации*		*Частные организации*	
	2013	*2016*	*2013*	*2016*	*2013*	*2016*
Объем средств, всего	100	100	100	100	100	100
Бюджетные средства	96,3	95,0	97,5	96,6	20,9	20,3
Средства организаций	0,7	0,6	0,4	0,3	18,9	13,7
Средства семей	2,9	4,0	2,0	2,8	57,5	61,9
Внебюджетные фонды	0,2	04	0,1	0,4	2,6	2,8
Иностранные источники	0	0	0	0	0,1	1,4

Источник: [Бондаренко 2018, с. 87].

Заключение

Задачи, поставленные в Государственной программе «Развитие образования» на 2018–2025 гг. [Программа 2017] и в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (7 мая 2018 г.) [Указ 2018], предполагают не просто увеличение объема финансовых ресурсов, поступающих в образование, но совершенствование действующей модели финансирования в целом. В условиях ограниченности бюджетных возможностей, преодолеть которую вряд ли удастся в ближайшем будущем, во-первых, крайне важно сосредоточить внимание на повышении эффективности использования выделяемых государством средств. В этом плане может быть полезной корректировка нормативно-подушевого финансирования с учетом растущего разрыва в уровне бюджетной обеспеченности субъектов РФ, различий в их долговой нагрузке и потенциале финансирования образования.

Во-вторых, нужен комплекс мер, направленных на привлечение дополнительных, внебюджетных финансовых ресурсов, в частности инвестиций предприятий и организаций, а также средств населения. Сейчас эти каналы задействованы очень слабо (в сравнении с мировой практикой). В отличие от других стран мира в России, к сожалению, нет традиций спонсорства, пожертвований, вложений в фонды целого капитала (эндаумент-фонды) и пр. Хотя имеются отдельные примеры таких инициатив, они остаются единичными, а их «финансовый вклад» очень незначителен (менее 0,6% бюджетных расходов на образование) [Клячко 2018, с. 110]. Тем не менее нельзя отказываться от использования данного источника и следует поддерживать соответствующие инициативы, в частности с помощью налогового законодательства,

нормативного регулирования бизнеса и т.д., а также мер, обеспечивающих их позитивное восприятие населением.

Привлечение средств домохозяйств сдерживают низкая платежеспособность значительной части семей, испытывающих потребность в образовательных услугах, и тенденция к падению реальных располагаемых доходов населения с 2014 г. Однако отказываться от привлечения средств граждан также нельзя. Как показывают опросы населения, родители готовы вкладывать деньги в образование своих детей, несмотря на сложную экономическую ситуацию. Даже в случае ухудшения материального положения около 40% родителей, имеющих детей-школьников, не откажутся от дополнительных платных услуг [Мониторинг 2018, с. 21]. Значительная часть граждан хотели бы инвестировать в образование более высокого качеств 5–15% своего семейного дохода [Двенадцать решений 2018, с. 18].

Конечно, желательно, чтобы за образование платило государство, но, к сожалению, у него недостаточно средств для финансирования. Платный рынок образовательных услуг – это реальность, которую надо принять. При этом важно обеспечить его надлежащее регулирование и использовать специальные программы финансовой поддержки семей с низкими доходами, чтобы обеспечить доступ их детей к платным образовательным услугам.

Учитывая прогнозы сохранения низких темпов роста российской экономики на ближайшие годы, шансы привлечения больших объемов финансовых ресурсов из частных источников очень малы. По той же причине нельзя рассчитывать и на существенное увеличение бюджетных расходов на образование. Перспективы улучшения ситуации в сфере финансового обеспечения образования напрямую зависят от повышения темпов экономического роста и эффективности решения, накопившихся экономических и финансовых проблем.

Библиография

Бондаренко Н.В., Гохберг Л.М., Ковалева Н.В., Кузнецова В.И., Озерова О.К., Саутина Е.В., Шугаль Н.Б. Индикаторы образования: 2018: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 400 с.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (2018–2025 гг.). Утверждена постановлением правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 // ГАРАНТ. РУ: Информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748426/#1000 (Дата обращения: 15.03.2019.)

Двенадцать решений для нового образования. Доклад центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. М.: НИУ–ВШЭ, 2018. 106 с.

Как сохранить стабильность, удвоить темпы роста и наполовину сократить бедность? Доклад об экономике России № 40. 2018. Декабрь. 66 с. // The World Bank: Official Website. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf (Дата обращения: 21.02.2019.)

Клячко Т.Л., Синельников-Мурылёв С.Г. Стратегия для России: образование. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 118 с.

Международная стандартная классификация образования МСКО 2011. Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО, 2013. 89 с. URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/isced-2011-ru.pdf

Мониторинг эффективности школы. Дополнительное образование школьников (2013–2017 гг.). М.: РАНХиГС, 2018. 24 с.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // ГАРАНТ.РУ: Информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/ (Дата обращения: 23.03.2019.)

Education at a Glance 2018: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2018. 462 p.

International standard classification of education: ISCED 2011. Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2013. 88 p. URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/international-standard-classification-of-education-isced-2011-en.pdf (Дата обращения: 23.03.2019.)

References

Bondarenko N.V., Gohberg L.M., Kovaleva N.V., Kuznecova V.I., Ozerova O.K., Sautina E.V., Shugal' N.B. Indikatory obrazovanija: 2018: Statisticheskij sbornik. Moscow: NIU VShJe, 2018. 400 p.

Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovanija» (2018–2025 gg.). Utverzhdena postanovleniem pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 dekabrja 2017 g. No 1642. GARANT.RU: Informacionno-pravovoj portal. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748426/#1000 (Date of access: 15.03.2019.)

Dvenadcat' reshenij dlja novogo obrazovanija. Doklad centra strategicheskih razrabotok i Vysshej shkoly jekonomiki. Moscow: NIU–VShJe, 2018. 106 p.

Kak sohranit' stabil'nost', udvoit' tempy rosta i napolovinu sokratit' bednost'? Doklad ob jekonomike Rossii No 40. 2018. December. 66 p. The World Bank: Official Website. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf (Date of access: 21.02.2019.)

Kljachko T.L., Sinel'nikov-Muryljov S.G. Strategija dlja Rossii: obrazovanie. Moscow: Izd. dom «Delo» RANHiGS, 2018. 118 p.

Monitoring jeffektivnosti shkoly. Dopolnitel'noe obrazovanie shkol'nikov (2013–2017 gg.). Moscow: RANHiGS, 2018. 24 p.

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maja 2018 g. No 204 «O nacional'nyh celjah i strategicheskih zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». GARANT.RU: Informacionno-pravovoj portal. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/ (Date of access: 23.03.2019.)

Education at a Glance 2018: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2018. 462 p.

International standard classification of education: ISCED 2011. Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2013. 88 p. URL: http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/international-standard-classification-of-education-isced-2011-en.pdf (Date of access: 23.03.2019.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.06

И.С. Шилкина

ПСИХОАНАЛИЗ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1920–1930-е годы)

Аннотация. *В статье рассматривается история психоанализа в Советской России 1920–1930-х годов: от изучения и попытки слияния марксизма с фрейдизмом до полного запрещения последнего. Интерес к новейшим течениям западноевропейской психологии был своеобразной реакцией на установку социального и духовного возрождения России, построения нового общества и созидания принципиально нового человека. Именно в этот период на русском языке появилось множество переводов трудов зарубежных психологов, советские ученые принимали деятельное участие в международных конференциях, поддерживались личные контакты с западными учеными. Однако всевозрастающее идеологическое давление привело впоследствии к ликвидации многих научных направлений, включая психоанализ.*

История психоанализа в послереволюционной России отражала все катаклизмы эпохи. Первоначально революционность идей Фрейда была созвучна духу времени. Психоанализ начинал получать общественно-политическое измерение. Среди психологов возникла идея синтеза фрейдизма и марксизма, породившая обширную научную дискуссию. Этой идеей был увлечен и Троцкий. По всей стране стали создаваться психоаналитические кружки и школы, активно осваивались психоаналитические методы, основано Русское психоаналитическое общество, учрежден Государственный психоаналитический институт. В Москве создается первый в мире Психоаналитический детский дом-лаборатория.

В 1930-е годы прошлого века на научные исследования и практическое применение психоанализа как буржуазной идеалистической теории, несовместимой с марксистско-ленинским учением, был наложен запрет. Резко изменилось восприятие Фрейда и его последователей академическим сообществом психологов. Стали появляться разоблачительные статьи. История психоанализа в СССР стала демонстрацией репрессивного механизма советской идеологии. Полностью психоаналитическое учение было реабилитировано только в 90-е годы на основании президентского указа.

Ключевые слова: *Советская психология; психоанализ; фрейдизм; фрейдо-марксизм; Психоаналитическое общество; Психоаналитический детский дом-лаборатория.*

**Шилкина Ирина Сергеевна – кандидат философских наук,
доцент, ведущий редактор отдела глобальных проблем ИНИОН РАН,
Москва. E-mail: ishily@mail.ru**

I.S. Shilkina. Psychoanalysis in Post-Revolutionary Russia (1920–1930s)

Abstract. *The article presents the history of psychoanalysis in Soviet Russia in 1920–1930 s, from the study and attempts to mix Marxism with Freudianism to the absolute prohibition of the latter. The interest in the recent trends of Western European psychology was a unique reaction to the establishment of the social and spiritual revival of Russia, the construction of a new society and the creation of a radically new man. It was during this period that many translations of papers by foreign psychologists appeared in Russian. Soviet scientists took an active part in international conferences. Contacts with Western scientists were maintained. However, the growing ideological pressure subsequently led to the elimination of many scientific fields, including psychoanalysis.*

The history of psychoanalysis in post-revolutionary Russia reflects all the cataclysms of the period. Initially, the revolutionary ideas of Freud were in tune with the spirit of the times. Psychoanalysis began to take a socio-political dimension. The idea of a synthesis of Freudianism and Marxism arose among psychologists, creating a full-scale scientific debate. Even Trotsky was fascinated by this idea. Psychoanalytic clubs and schools were created all over the country. Psychoanalytic methods were actively exercised. The Russian Psychoanalytic Society was founded, and the State Psychoanalytic Institute was established. The Children's Home – Psychoanalytic Laboratory, the first of its kind in the world, was founded in Moscow.

In the 1930 s, the scientific research and practical application of psychoanalysis was banned as an idealistic bourgeois theory incompatible with the Marxist-Leninist teaching. The perception of Freud and his followers changed dramatically. Articles condemning Freudianism began to appear. Thus the history of psychoanalysis in the USSR became a part of the repressive mechanism of Soviet ideology. Psychoanalysis was rehabilitated only in the 1990 s on the basis of a presidential decree.

Keywords: *Soviet psychology; psychoanalysis; Freudianism; Freudo-Marxism; Psychoanalytic Society; The Children's Home-Psychoanalytic Laboratory.*

**Shilkina Irina Sergeevna – Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Leading Editor of Global Affairs Division,
INION RAN, Moscow. E-mail: ishily@mail.ru**

В первые годы советской власти волна революционной эйфории не могла обойти стороной научных изысканий и новаторских проектов молодой России. Построение нового общества предполагало созидание принципиально нового человека. Для решения этой задачи советская наука, первоначально поддерживаемая идеологией, шла на самые разные эксперименты. «В эпоху большевизма Россия подвергается насильственной модернизации и становится экспериментальной площадкой современных идей – лабораторией естественно-

научных, биологических, социальных и технических грез и кошмаров» [Постановление 1931, с. 239–240]. Психология, традиционно изучающая человека, не могла оставаться в стороне от решения этих грядущих проблем.

Несмотря на существующую достаточно мощную в научном плане дореволюционную традицию развития русской психологии, в первые годы советской власти, как ни странно, особый интерес для ученых представляла именно западноевропейская психология. Известный психолог Б.Г. Ананьев писал в те годы: «Культурное наследие буржуазии и всей истории классового общества создает богатейший материал, который не только не может быть отброшен, но который всемерно должен быть использован, развит, конкретизирован» [Ананьев 1931, с. 325]. Советские ученые стали принимать активное участие в разного рода международных научных конференциях и конгрессах. Именно в этот период на русском языке появилось множество переводов трудов зарубежных психологов: З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, В. Келера, К. Коффки, Э. Торндайка, Ж. Пиаже, Э. Кречмера и др. К сожалению, указанные авторы долгое время больше не переводились на русский язык, но в 20-е годы было возможно многое. Отечественные психологи старой дореволюционной школы, большинство которых получили образование в западных университетах, в совершенстве владели иностранными языками и самостоятельно переводили разного рода иноязычные тексты. Особенность изданий переведенных текстов заключалась в профессиональных комментариях и статьях, написанных советскими психологами[1].

Многие советские психологи поддерживали личные контакты с зарубежными психологами. Основатель бихевиоризма американский ученый Дж. Уотсон по специальному заказу редакции Большой советской энциклопедии в 1927 г. пишет для ее первого издания статью «Бихевиоризм». Прогрессировал неподдельный интерес к советской психологии и на Западе. В США была переведена книга А.Р. Лурии «Природа человеческих конфликтов», вследствие чего в научный язык вошел термин «метод Лурии». Ж. Пиаже и др. обращают внимание на работы Д.Н. Узнадзе, психологию установки которого будут называть «эффектом Узнадзе». Также стоит вспомнить и работы наших соотечественников в лаборатории Курта Левина. Например, Б.В. Зейгарник, которая вошла в историю психологии, описав феномен незавершенного действия («эффект Зейгарник»).

1. Например, известное предисловие Л.С. Выготского и А.Р. Лурии к переводу книги З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» [Зигмунд Фрейд 1994], предисловие Л.С. Выготского к книге американского психолога Э. Торндайка «Принципы обучения, основанные на психологии» [Выготский 1982 а]. Книга издавалась дважды в 20-е годы.

Идеи революции формировали, в том числе, установку на социальное и духовное возрождение России. Это не обошло стороной и многих ученых старой формации, которые активно стали включаться в созидание новой жизни. Так, В.М. Бехтерев, выступая на публичном заседании Института мозга в 1919 г., говорил: «На переломе истории нельзя стоять на перепутье и ждать, нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе, и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве» [Бехтерев 1919, с. 5].

Советская наука действительно начала довольно быстро перестраиваться на новые рельсы развития. Уже после февральской революции 1917 г. по инициативе Максима Горького и многих ведущих ученых страны была создана Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук[2] [Новая жизнь 1917]. Задача ассоциации заключалась в разработке и развитии положительных наук и их методов, а главное – в применении их к запросам практической жизни, что было отражено в Уставе ассоциации. Для дальнейшего развития советской науки предлагалось создание целой сети научно-исследовательских институтов. Вновь возникающие научные учреждения в кратчайшие сроки получали соответствующие помещения. В 1918 г. Академия наук обратилась к советскому правительству с представлением, в котором выражалась готовность ученых к сотрудничеству с советской властью во многих областях народного хозяйства. В.И. Ленин собственноручно набросал план научно-технических работ для Академии наук. Для финансирования научных исследований у государства находились средства, так же как и валюта для участия советских ученых в научных конференциях за рубежом. Можно сказать, что в СССР впервые в мире была осуществлена государственная организация науки, к которой на Западе пришли позднее. На этой волне многие отечественные ученые, работающие и обучающиеся на Западе, в том числе и психологи, стали активно возвращаться в революционную Россию из заграницы. Вернулся один из основоположников советской психотехники И.Н. Шпильрейн и его сестра психоаналитик С.Н. Шпильрейн.

Однако идеологическая атмосфера, постепенно окутывающая все сферы жизни СССР, давала о себе знать и в сфере науки. Безусловно, далеко не вся научная интеллигенция приняла революционные изменения в России. Гуманитарная интеллигенция в большей части не приняла новую власть, что потребовало от государства соответствующей реакции. После окончания Гражданской войны, в начале 1920-х годов политическая оппозиция была

2. Ассоциация просуществовала до конца 1918 г.

фактически подавлена. Наиболее значимые деятели науки, философии, психологии и литературы покидают Советскую Россию по санкции В.И. Ленина на знаменитом «философском пароходе». Конечно, эта политическая акция нанесла огромный удар и по психологии как науке о душе. Столпы науки вынужденно покинули Родину. В конце 20-х годов XX в. окончательно закрывается «железный занавес», означающий практически полную изоляцию советской науки от Запада и невозможность полноценных научных контактов с представителями науки немарксистского толка.

В 1930-е годы ужесточилось идеологическое давление на все сферы науки, включая психологию. Полный идеологический контроль осуществлялся, по крайней мере, в двух ипостасях. С одной стороны, контролировался объект исследования – человек и его психика. Исследования реальных проявлений человеческой психики были крайне затруднены. С другой стороны, подвергался тотальному контролю и сам субъект исследования – ученый-исследователь. Если его идеологические установки и научные интересы не вписывались в общественную парадигму, то он подвергался репрессивным мерам: «Все попытки какой-либо теории, какой-либо научной дисциплины представить себя как автономную, самостоятельную дисциплину объективно означают противопоставление генеральной линии партии, противопоставление диктатуре пролетариата» [Кольман 1931, с. 27]. Все это накладывало определенный отпечаток на характер исследовательской работы и ее последствия. Многие аспекты научных исследований вообще не могли существовать в рамках советской психологии.

В 1931 г. на заседании Коммунистической академии с докладом «О положении на фронте естествознания» выступил заведующий секцией естествознания, будущий академик О.Ю. Шмидт[3]. В качестве содокладчика выступил философ, физик, партийный деятель от науки А.А. Максимов. Шмидт указывает на отсутствие марксистской теории естествознания в период реконструкции народного хозяйства. Задача существования Комакадемии, созданной на базе Социалистической академии в 1926 г., как раз и заключалась в борьбе с так называемыми буржуазными и мелкобуржуазными извращениями марксизма на основе строгого проведения линии диалектического и исторического материализма в общественных науках, а также и в естествознании. В этом контексте Шмидт заявил, «что если в период “догнать” мы еще можем как-нибудь терпеть буржуазную науку, то период “перегнать” имеет своим условием другую науку, которая не может быть буржуазной, а может быть только нашей наукой» [За поворот 1931, с. 75]. Стоит вспомнить, что с аналогичным по идеологической направленности докладом «Роль математики

3. Шмидт Отто Юльевич – (1891–1956) – математик, географ, известный полярный исследователь, директор Арктического института.

в строительстве социализма» [Шмидт 1930, с. 1–9] Шмидт выступил на Всесоюзном математическом съезде в Харькове[4].

На основе заслушанного доклада[5] Президиум Комакадемии принял резолюцию, осуждающую всякого рода псевдомарксистские взгляды типа корниловщины и бехтеревщины в психологии. Резолюция предполагала усиление партийного контроля над всей научно-исследовательской работой в СССР, а также проведение чистки среди научных работников, в первую очередь руководящих [О положении… 1931]. Вслед за резолюцией последовало постановление ЦК ВКП (б), центральная идея которого сводилась к тому, что «внимание и силы научных работников должны быть сосредоточены на теоретической разработке проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата» [Постановление 1931]. Подобные постановления предполагали незамедлительные указания к действию. Так, спустя неделю после постановления один из столпов отечественной психологии М.Я. Басов был обвинен в формализме и меньшевиствующем идеализме[6]. Ученик В.М. Бехтерева профессор А.С. Грибоедов вынужден был написать покаянное письмо, признавшись в некритичном отношении к западным ученым и неправильном понимании соотношения социального и биологического в человеке [Незнанов 2007].

Идеологическую ситуацию усугубило постановление ЦК ВКП (б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» от 5 января 1931 г. В этом постановлении были сформулированы задачи дальнейшего развития марксистско-ленинской философии, которые базировались на критике всех антимарксистских и антиленинских установок в общественных и естественных науках. Под эти установки попадало любое научное свободомыслие, увлечение западными (буржуазными) теориями и несогласие с лоббированными властью, так называемыми научными идеями (например, лысенковщина).

История психоанализа в послереволюционной России отражала все катаклизмы эпохи: от восторженного принятия фрейдовского учения до репрессивных мер по отношению к нему. Его путь определялся общественно-политическими тенденциями, базирующимися на догмах официальной идеологии. Идеи Зигмунда Фрейда, австрийского врача-психиатра, основоположника психо-

4. Однако позже А.Я. Вышинский публично (в Академии) обвинит Шмидта в попустительстве «врагам народа»; имя его было названо и в следственном деле И. Бабеля, в перечне «троцкистских террористов». От ареста Шмидта спасла всемирная слава полярника.

5. Позднее в центральной печати будет опубликована статья Шмидта «О положении на фронте естествознания».

6. Судьба его оказалась трагической. М.Я. Басов покидает ЛГПИ, где возглавлял педологическую работу. Уходит на Ленинградский станкостроительный завод простым рабочим и гибнет от заражения крови в возрасте 39 лет.

анализа – принципиально нового направления в психологии и психиатрии – не могли не повлиять на отечественную психологическую мысль. Труды Фрейда были уже известны в дореволюционной России и переведены на русский язык в различных издательствах Москвы, Петербурга-Петрограда и Одессы. В начале 20-х годов психоанализ продолжает быть популярным в интеллектуальных кругах Советского Союза. Революционность идей Фрейда была созвучна духу времени. Сам Фрейд с удивлением писал, что в России психоанализ весьма известен и распространен, почти все его книги, как и других приверженцев психоанализа, переведены на русский язык. Фрейду отчасти и самому удалось ответить на вопрос, почему психоаналитические идеи так популярны в России. «Русские ближе к своей бессознательной сущности, чем народы Запада. Поэтому психоанализ встречает у русских меньшее сопротивление; поэтому русские такие благодарные пациенты и ученики; поэтому русские предвосхитили открытие самых глубоких тайн бессознательного, и более всего влечение его к смерти» [Эткинд 2016, с. 148].

Вместе с тем и русская культура оказала несомненное влияние на самого Фрейда, став своеобразным источником некоторых его психоаналитических идей. Считается, что Фрейда приобщила к русской культуре писательница Лу Андреас-Саломе[7] и австрийский поэт Райнер Мария Рильке[8]. Отец психоанализа проявлял необычайный интерес к работам Д.С. Мережковского и Ф.М. Достоевского. Д.С. Мережковский был одним из любимых писателей Фрейда. «По свидетельству Сергея Панкеева[9], Фрейд не уделял большого внимания Толстому, мир героев которого был не столь близок основателю психоанализа. Более значительный интерес он проявлял к работам Достоевского и Мережковского, в которых обнаружил блестящие иллюстрации того, что выдвинутые им представления об “Эдиповом комплексе” являются существенными и значимыми, ибо находят отражение не только в классических шедеврах Софокла, но и в русской литературе. По словам Панкеева, Фрейд давал высокую оценку романа Мережковского “Петр и Алексей”, в котором амбивалентные отношения между отцом и сыном рассматривались в психо-

7. Лу Андреас-Саломе (1861–1937) – российско-германская писательница, философ и психоаналитик. Состояла в дружеских отношениях с Ф. Ницше, З. Фрейдом и Р.М. Рильке. Об этом подробно пишет исследователь Фрейда А. Эткинд (Эткинд А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России [41].

8. Рильке Р.М. (1875–1926) – австрийский поэт-модернист. Страдал тревожно-депрессивным состоянием, по настоянию Андреас-Саломе, прошел курс психотерапии.

9. Панкеев Сергей Константинович (1886–1979) – русский помещик, юрист, публицист, переводчик. Один из известных русских пациентов Фрейда. Проходил психоаналитическое лечение у Фрейда с 1910–1914 гг. Книга Фрейда «Из истории одного детского невроза» посвящена описанию болезни Панкеева. В своих работах Фрейд называл его «Человек-волк».

логическом ключе» [Лейбин 1994 б, с. 22]. Работы Достоевского обсуждались и на заседаниях Венского психоаналитического общества, которые регулярно посещал Фрейд[10]. Именно там Фрейд услышал о романе Достоевского «Преступление и наказание». Известно, что сны Раскольникова привлекали пристальное внимание ученого. В 1926 г. по заказу одного из издательств Фрейд пишет специальное введение к публикуемому роману Достоевского «Братья Карамазовы», вышедшее под названием «Достоевский и отцеубийство»[11] [Фрейд 1995, с. 285–294].

Сама проблема бессознательного в истории Русской мысли имеет давнюю историю. К ней обращались А.И. Радищев, П.Л. Лавров, К.Д. Ушинский, Н.Я. Грот, М.И. Владиславлев, М.М. Троицкий, С.Н. Трубецкой, В.М. Бехтерев. «Многие идеи, оказавшиеся в центре классического психоанализа, параллельно и независимо от Фрейда неоднократно высказывались русскими авторами. Как это ни удивительно для исследователей, находящихся под влиянием западнических установок, некоторые идеи, касающиеся проблематики бессознательного и выросшие на российской почве, органически вошли в арсенал размышлений Фрейда о человеке, будь то его постулаты об агрессивности, инстинкте смерти или психологии как “палке о двух концах” (Ф. Достоевский)» [Зигмунд Фрейд 1994, с. 4]. Проблемы бессознательного обсуждались в журнале «Вопросы философии и психологии» на рубеже XIX–XX вв. Тем не менее официально отечественная наука начинает знакомиться с психоаналитическими идеями в 1904 г., после публикации на русском языке работы Фрейда «О сновидениях», которая представляла собой краткое и популярное изложение его работы «Толкование сновидений».

Однако впервые имя Фрейда в России стало известно задолго до его известной публикации. В 1884 г. молодой ученый, основатель казанской неврологической школы Л.О. Даркшевич[12] опубликовал в медицинской газете

10. В 1923 г. в Международном психоаналитическом издательстве «Imago» на немецком языке выходит книга Иоланд Нейфельд, в 1925 г. переведенная на русский язык Я.С. Друскиным под названием: «Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда». Книга явилась первой попыткой применить психоанализ к Достоевскому и имела широкий резонанс среди специалистов по творчеству писателя. Иоланд Нейфельд – австрийский психоаналитик, ученица и пациентка Фрейда.

11. Эта статья написана Фрейдом в качестве предисловия к учебному изданию «Братьев Карамазовых» (1928), где он рассматривает творчество Ф.М. Достоевского с точки зрения психоанализа.

12. Даркшевич Ливерий Осипович (1858–1925) – русский невропатолог и нейрогистолог. В своей статье он писал о предложенном Фрейдом способе окраски хлористым золотом препаратов для исследования центральной нервной системы. Даркшевич долгие годы дружил с Фрейдом. После революции был первым ректором Высшей медицинской школы для подготовки врачей для Красной армии, консультировал Ленина.

«Врач» статью, в которой сообщал о работе, выполненной Фрейдом в лаборатории профессора Мейнерта. Там он и познакомился с Фрейдом, с которым долгое время поддерживал дружеские отношения. Начиная с 1909 г. в России наметилась устойчивая линия популяризации идей фрейдизма. В начале века русские врачи и ученые начинают стажироваться в известных западных психоаналитических клиниках, чтобы потом использовать психоаналитический метод в своей клинической практике. В специализированных журналах, таких как «Психотерапия», «Современная психиатрия», «Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова», публикуются статьи Фрейда и других психоаналитиков. Были изданы на русском языке в блестящих переводах работы К. Абрахама, А. Адлера, Г. Закса, О. Ранка, В. Штекеля. Психоанализ серьезно повлиял на русскую философскую, естественно-научную и литературную жизнь. Николай Бердяев в работе «Смысл творчества» в 1914 г. написал: «У Фрейда нет психиатрической затхлости, у него есть свобода и дерзновение мысли. Фрейд научно обосновывает ту истину, что сексуальность разлита по всему человеческому существу и присуща даже младенцам. Он колеблет обычные границы нормально-естественной сексуальности. Он научно-позитивно обосновывает некоторые гениальные интуиции Вейнингера, хотя дух их есть разный. Но склонность школы Фрейда объяснять все, вплоть до религиозной жизни, неосознанной сексуальностью принимает формы маниакальной идеи, характерной для психиатров. Ведь и этот пансексуализм может быть объяснен неосознанной сексуальностью его создателей, если применить тот метод сыска и вмешательства в интимную жизнь, который допускает школа Фрейда» [Бердяев 1989, с. 562–563].

В 1922 г. было создано Русское психоаналитическое общество (РПСАО), просуществовавшее до 1930 г.[13] По всей стране стали возникать разного рода психоаналитические кружки и школы. Психоаналитические методы осваивались в крупных научных психологических центрах: Институте по изучению мозга и психической деятельности в Петрограде под руководством В.М. Бехтерева (Т.К. Розенталь[14]), в Московском психоневрологическом институте

13. Первым председателем был И.Д. Ермаков, затем М.В. Вульф и с 1927 г. известный психиатр Ю.В. Каннабих. Секретарем общества первоначально был избран А.Р. Лурия и позднее В.Ф. Шмидт. В 1924 г. РПСАО было принято в Международную психоаналитическую ассоциацию.

14. Розенталь Татьяна Конрадовна (1884–1921) – врач-невролог, одна из первых практикующих психоаналитиков в России, член Венского психоаналитического общества. В 1920 г. в журнале «Вопросы психологии личности» появилась ее статья «Страдание и творчество Достоевского» (Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование – Ижевск: ERGO, 2011), продолжение которой было не закончено, а оставшиеся материалы утрачены. Руководила больницей для нервнобольных детей, применяя метод психоанализа. В 1921 г. покончила с собой.

(директор А.Н. Бернштейн) и др. В 1922 г. был учрежден Государственный психоаналитический институт, просуществовавший до 1925 г. Советские ученые стали принимать участие в работе международных психоаналитических конгрессов, публиковали свои материалы в специальных зарубежных журналах, состояли членами зарубежных психоаналитических организаций. Да и сам Фрейд в своей клинической практике имел дело с русскими пациентами[15]. Фрейд переписывался с врачами из России, следил за ее политической ситуацией. Ученый считал Москву третьим мировым психоаналитическим центром после Вены и Берлина [Степанов 2001, с. 130]. В «Очерке истории психоанализа» Фрейд написал: «В России психоанализ известен и распространен; почти все мои книги, как и других приверженцев психоанализа, переведены на русский язык. Но более глубокое понимание психоаналитических учений еще не установилось. Научные вклады русских врачей и психиатров в области психоанализа можно до настоящего времени считать незначительными. Только Одесса имеет в лице М.В. Вульфа представителя аналитической школы»[16] [Фрейд 1991 б, с. 39].

Распространению фрейдизма в России, безусловно, способствовал и неподдельный интерес к этой теории некоторых политических деятелей, таких как Л.Д. Троцкий и К. Радек. Троцкий познакомился с психоаналитическими идеями еще в эмиграции. С проблемами психоанализа, по его признанию [Троцкий 1991, с. 217], познакомился через А.А. Иоффе[17], который интересовался психоаналитическими идеями и прошел лечебный курс психоанализа у А. Адлера. Опубликовал статью «По поводу бессознательного в жизни индивидуума» [Иоффе 1913, с. 234–238]. Именно благодаря Иоффе Троцкий в Вене неоднократно встречался с А. Адлером, посещал «Общество свободного психоаналитического исследования». Свое отношение к психоанализу Фрейда Троцкий, в частности, выскажет в письме к академику И.П. Павлову. «По существу, учение психоанализа основано на том, что психологические процессы представляют собою сложную надстройку на физиологических процессах и находятся в служебном положении к этим последним. Связь “высших” психических явлений с самыми “низшими” физиологическими остается, в подавляющем большинстве случаев, подсознательной и прорывается

15. В 1914 г. у Фрейда проходил курс психоаналитического лечения Иван Александрович Ильин (1882–1954) – русский философ.

16. Любопытно, что эту работу на русский язык переводил упомянутый Фрейдом Моисей Владимирович Вульф (1878–1971) – психиатр, психоаналитик и педагог, один из создателей русскоязычной психоаналитической терминологии.

17. Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – политический деятель, дипломат, до революции в Вене совместно с Троцким издавал газету «Правда», в 1925–1927 гг. полпред СССР в Вене, один из лидеров троцкистской оппозиции. Покончил жизнь самоубийством.

в сновидениях и проч. … Фрейдисты похожи на людей, глядящих в глубокий и довольно мутный колодезь. Они перестали верить в то, что этот колодезь есть бездна (бездна "души"). Они видят, или угадывают, дно (физиологию) и делают даже ряд остроумных и интересных, но научно-произвольных догадок о свойствах дна, определяющих свойство воды в колодце» [Троцкий 1927, с. 260]. Позднее интерес Троцкого к психоанализу сыграл свою трагическую роль в изменении отношения к фрейдизму. В период гонения на троцкистов в 30-е годы XX в. пострадали и многие психоаналитики. К тому же некоторые члены – учредители Психоаналитического общества, такие как писатель А. Воронский[18] и дипломат В. Копп[19], были видными деятелями троцкистской оппозиции.

Психоаналитическое учение в послереволюционной России стало называться фрейдизмом (по аналогии с марксизмом). Стремление совместить психоаналитическое учение Фрейда с марксистской идеологией стало отличительной чертой советской психологии 20-х годов. «Марксизм учит нас использовать все человеческие знания как оружие для нашей великой борьбы, в частности для культурной революции. Психоанализ, очищенный марксизмом, есть такое ценное оружие» [Шмидт 2014, с. 15]. Адепты психоанализа в Советской России рассматривали это учение как возможное средство формирования «нового» человека. Считается, что проблема связи марксизма и фрейдизма в послереволюционной России была поставлена в Казанском психоаналитическом кружке[20] в 1922 г. В фрейдизме ученые видели некоторое сходство с марксизмом, и оно, с их точки зрения, сводилось к следующему: «1) оба они насквозь аналитичны; 2) оба занимаются человеческим бессознательным; 3) объектом и того, и другого является личность в ее социальной и исторической детерминации; 4) оба изучают динамику» [Эткинд 2016, с. 301]. К середине 20-х годов психоанализ вызвал ряд научных дебатов, участники которых по-разному оценивали психоаналитическое учение Фрейда и его совместимость с советским марксизмом. Многие советские ученые оказались втянутыми в полемику, носящую скорее идейный, нежели

18. Воронский Александр Константинович (1884–1937) – революционер-большевик, писатель, литературный критик, принадлежал к троцкистской оппозиции. Во время учреждения психоаналитического общества был начальником Главного управления политического просвещения и главным редактором журнала «Красная новь».

19. Копп Виктор Леонтьевич (1880–1930) – дипломат, вице-президент Психоаналитического общества.

20. Казанское психоаналитическое общество во главе с А.Р. Лурией высоко ценилось в Международной психоаналитической ассоциации. Его председатель Эрнест Джонс рассматривал Казанское общество как независимое подразделение. Действительно, в его состав входили видные психоаналитики, такие как А.Р. Лурия, Б.Д. Фридман, Р.А. Авербух, позднее переехавшие в Москву.

научный характер. Члены психоаналитической ассоциации А.Р. Лурия[21] и Б.Д. Фридман[22] считали, что психоанализ как метод исследования по сути материалистичен и поэтому близок к марксизму. Согласно Лурии, психоанализ представляет собой «систему монистической психологии», связанную с материалистической диалектикой [Лурия 1925]. Наиболее активный сторонник синтеза марксизма с фрейдизмом Фридман в работе «Основные психологические воззрения Фрейда и теории исторического материализма» утверждал, что взгляды Фрейда и Маркса дополняют друг друга. «Предметом исторического материализма, как и психологических воззрений Фрейда, является, по существу, деятельность человека в обществе [Фридман 1925, с. 152]. М. Рейснер[23] в предисловии к известному биографическому исследованию Ф. Виттельса[24], посвященному творчеству Фрейда, заключал: «Только применение материалистической диалектики учения Маркса может очистить драгоценные зерна фрейдизма от идеологической оболочки буржуазного общества, от идеалистических и метафизических извращений, от противоречий и непоследовательности. Марксистская наука должна найти в себе силы и уменье не только переработать громадный фрейдовский материал, но и продолжить его первоначальную линию монизма и материализма» [Рейснер 1925, с. 31]. Идеей синтеза фрейдизма с марксизмом был увлечен и Троцкий. Он считал, что «попытка объявить психоанализ “несовместимым” с марксизмом и попросту повернуться к фрейдизму спиной слишком проста или, вернее, простовата» [Троцкий 1927, с. 430]. Троцкий придерживался идеи соединения павловской рефлексологии с фрейдовским психоанализом, необходимым, с его точки зрения, для дальнейшего развития диалектического материализма.

Однако не все психологи были увлечены этой идеей. Л.С. Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса», написанной в 1927 г. и опубликованной только в 1982 г., дает подробную характеристику системы фрейдизма и аргументированно критикует возможность его сочетания с марксизмом. «Ни один психоаналитический журнал, конечно, не напечатал бы статей Лурия и Фридмана. Это глубоко важно. Ведь получается очень странное положение: Фрейд и его школа нигде не заявляют себя ни

21. Лурия Александр Романович (1902–1977) – советский психолог, врач-невропатолог, ученый секретарь Русского психоаналитического общества.

22. Фридман Борис Давидович (1895–?) – российский психиатр и психоаналитик, член Казанской Психоаналитической ассоциации.

23. Рейснер М.А. (1868–1928) – русский и советский ученый, публицист, психолог и историк, профессор Психоневрологического института. Отец Ларисы Рейснер – известной писательницы и революционерки и Игоря Рейснера – востоковеда.

24. Виттельс Фриц (1880–1951) – австрийский психоаналитик, один из первых биографов Фрейда. Популяризатор психоанализа.

монистами, ни материалистами, ни диалектиками, ни продолжателями исторического материализма. А им заявляют: вы – и то, и другое, и третье; вы сами не знаете, кто вы. … Без единого анализа основных понятий Фрейда, без критического взвешивания и просвечивания его предпосылок и исходных точек, без критического освещения генезиса его идей, даже без простой справки о том, как он сам представляет философские основы своей системы, – путем простого формально-логического наложения признаков утверждается тождество двух систем» [Выготский 1982 б, с. 331]. Сведение воедино марксизма и фрейдизма, по мнению Выготского, напоминает «союзный договор двух стран, при котором обе не теряют самостоятельности, но уславливаются действовать сообща, исходя из общности интересов» [Выготский 1982 б, с. 329]. Тем временем Б. Быховский[25] считал, что в психоанализе можно отыскать перспективные идеи, которые могут быть полезными для марксистской диалектики. Он писал, что «несовершенные искания Фрейда чреваты многими ценными мыслями и перспективами, которые следует извлечь и взрастить на плодотворной почве диалектического материализма» [Быховский 1926, с. 255].

Помимо научной дискуссии о возможности соединения психоанализа с теорией Маркса и Энгельса существовала еще и партийная. Так, А.И. Варьяш[26] в 1925 г. написал статью «Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма» [Варьяш 1926], где обосновывал возможность толкования теории психоанализа в понятиях марксизма, а положения Маркса и Энгельса – в понятиях Фрейда. При таком подходе, с точки зрения Варьяша, психоанализ начинал получать общественно-политическое измерение.

Однако стремление совместить психоанализ с марксизмом (на Западе это привело к возникновению нового течения – фрейдо-марксизма[27]) приводило к все более критическому анализу самого учения Фрейда.

25. Быховский Бернард Эммануилович (1901–1980) – советский философ, обращался к изучению психоанализа Фрейда, считая его монистическим, диалектико-материалистическим учением.

26. Варьяш Александр (Шандор) Игнатьевич – венгеро-русский математик, логик, философ-марксист, революционер и партийный деятель.

27. Фрейдо-марксизм – научное направление в психоанализе, пытающееся соединить идеи фрейдизма с социологией марксизма. Основоположником этого течения являлся австрийский психолог Вильгельм Райх (1897–1957). Райх побывал в Москве в 1929 г., прочитав несколько лекций в Комакадемии, и написал статью для журнала «Под знаменем марксизма».

Одним из пионеров русского психоанализа был И.Д. Ермаков[28]. Психиатр и ученик В.П. Сербского, еще до революции проявил интерес к психоанализу. Ермаков являлся директором Государственного психоаналитического института. Был известен как редактор многотомной «Психологической и психоаналитической библиотеки», в рамках которой на русский язык были переведены и опубликованы исследования многих зарубежных психоаналитиков. В издании «Библиотеки» было задумано 32 выпуска (было издано 15 выпусков). Даже после закрытия «Библиотеки» (1928) Ермакову удалось издать «Будущность одной иллюзии» Фрейда [Фрейд 1930]. Из-за своей лояльности к советской власти имел серьезные расхождения с деятелями психоаналитического движения. В своей известной статье «О белой горячке» Ермаков сформулировал кредо будущих советских психоаналитиков: «Мы живем накануне новой эпохи в развитии нашего общества. Не уходить от действительности, но расширить зрачки наши, постараться понять и разобраться в том, что нас окружает, и отдать все силы для того светлого будущего, которое (мы верим) ждет нашу страну» [Ермаков 2008, с. 91].

Наиболее видной участницей русского психоаналитического движения была С.Н. Шпильрейн[29]. Получила образование в Швейцарии, закончив медицинский факультет Университета Цюриха. Тесно сотрудничала с Юнгом и Фрейдом. Как психоаналитик Шпильрейн получила известность благодаря своей докторской диссертации «Деструкция как причина становления», где рассматривается проблема влечения к смерти, связанная, по мнению автора, с проблемой мазохизма. Считается, что именно Шпильрейн внесла в психоанализ понятие «стремление к смерти». Как отмечают многие исследователи, ни Фрейд, ни Юнг не отмечали потом, что в этом вопросе первой была именно Шпильрейн. Она также внесла в психоанализ идею агрессивной энергии.

В 1921 г. группа педагогов, психологов и философов, объединенных вокруг Ермакова, организуют под его руководством Психоаналитический детский дом-лабораторию «Международная солидарность», названный в честь профсоюза немецких горнорабочих «Унион», которые взяли над ним шефство. Дом-лаборатория стал одним из первых воспитательных учреждений, базирующихся на принципах психоанализа, не только в Советской России, но и в мире.

28. Ермаков Иван Дмитриевич (псевдоним Иверм) (1875–1942) – русский, советский врач-психиатр, психолог, литературовед, один из последователей и пропагандистов психоанализа Фрейда в России. В 1941 г. был арестован и в 1942 г. умер в тюрьме.

29. Шпильрейн-Шефтель Сабина Николаевна (Шейвэ Нафтульевна) (1885–1942) – психоаналитик, педагог, ученица Юнга и Фрейда, психоаналитик Жана Пиаже, сестра И.Н. Шпильрейна. В 1942 г. вместе с дочерьми как еврейка была расстреляна нацистами.

Задача детского дома-лаборатории сводилась к «поиску новых путей воспитания на основе психоаналитических знаний» [Шмидт 2011, с. 13]. Под непосредственным руководством Ермакова сотрудники дома-лаборатории наблюдали за развитием детей. Первостепенное внимание уделялось изучению раннего периода детства, периоду наиболее сильного проявления инстинктов, лежащих в основе последующего развития ребенка. В первом наборе 1921 г. в детском доме числилось 30 воспитанников в возрасте от одного года до пяти лет. По-видимому, дом-лаборатория представлял собой элитарное учреждение. Ермаков в своем отчете писал: «Дети: большинство их дети партийных работников, отдающих все свое свободное время ответственной партийной работе и не могущих воспитывать детей» [Эткинд 2016, с. 267]. Среди таких детей, по свидетельству Лурии [Ярошевский 1988, с. 131], был Василий Сталин. Научная работа в доме носила закрытый характер, что впоследствии повлекло за собой целый ряд расследований и проверяющих комиссий.

В этом заведении Ермаков читал курс лекций по введению в психоанализ и проводил семинар по медицинскому психоанализу. С.Н. Шпильрейн проводила семинар по детскому психоанализу для педагогов, курировала тему «Психоанализ подсознательного мышления»[30]. Ведущим сотрудником и фактическим руководителем детского дома была секретарь Русского психоаналитического общества, член международного психоаналитического объединения В.Ф. Шмидт[31]. Программа дома-лаборатории была четко сформулирована и сводилась к семи пунктам, указанным в отчете В.Ф. Шмидт, представленном на рассмотрение в Венское психоаналитическое общество и лично Фрейду. Прежде всего, педагоги должны были исходить из признания огромной роли сферы бессознательного в психике ребенка. «Маленький ребенок в большей степени, чем взрослый, находится под властью своего бессознательного. Его сознательная личность развивается медленно и постепенно. … Вместо того, чтобы осуждать ребенка за эмоциональные побуждения, которые идут из его бессознательного и которым он бессилен противостоять, мы должны помочь ему в их преодолении» [Шмидт 2011, с. 20]. В своем отчете Шмидт пишет, что в психическом нет случайностей. Все проявления человека, кажущиеся случайными, при аналитическом рассмотрении детерминированы бессознательными процессами. Важная задача педагогов заклю-

30. Шпильрейн была самым квалифицированным аналитиком на тот период. По непонятным причинам она покинула в 1925 г. дом-лабораторию и уехала к себе на родину в Ростов-на-Дону, где продолжала подпольную психоаналитическую практику. По-видимому, идеологический прессинг не позволил ей реализовать свой творческий потенциал.

31. Шмидт Вера Федоровна (1889–1937) – русский, советский психоаналитик.

чалась в том, чтобы побудить ребенка к преодолению принципа удовольствия путем замещения его на принцип реальности. Установка ребенка на родителей, ассоциирующихся, как правило, с удовольствием, должна быть перенесена на замещающих их персон (учителя и воспитатели), чтобы постепенно подчиниться принципу реальности. Очень важную роль в воспитании ребенка, по мнению сотрудников дома-лаборатории, играет сексуальное воспитание. «Многое могло бы быть иначе, если бы мы обратили внимание на правильное половое воспитание наших детей. Правильно же воспитывать можно только тогда, когда знаешь весь процесс развития данной стороны нашего организма и соответственно – этой стороны его психики. И вот тут теория Фрейда может дать очень ценные знания» [Шмидт 2014, с. 23–24]. Однако «если верно истолковывать инфантильные сексуальные проявления, то с помощью правильного педагогического воздействия можно содействовать дальнейшему осуществлению процессов сублимации»[32].

Во время зарубежной командировки в Вену в международное психоаналитическое объединение Шмидт вместе со своим мужем О.Ю. Шмидтом, который в конце 1920-х годов был активным пропагандистом психоанализа в СССР, встретилась с Фрейдом и другими крупными психоаналитиками. «Фрейд высоко оценил описанный здесь опыт применения психоанализа к воспитанию и предложил опубликовать текст в психоаналитическом издательстве. … Работа перепечатывалась в различных изданиях, посвященных проблемам антиавторитарного воспитания», – писала Шмидт [Шмидт 2014, с. 7].

Наиболее уязвимым местом в деятельности дома-лаборатории было отсутствие профессионалов, обладающих практической аналитической подготовкой (за исключением С.Н. Шпильрейн и М.В. Вульфа). Однако для закрытия дома-лаборатории нашлись другие причины. К числу последних можно отнести, в том числе, конфликт коллектива с Ермаковым, обвинение в чрезмерном внимании к половому воспитанию, недостаточное влияние на процесс воспитания работниками-марксистами, практическое отсутствие детей из пролетарских семей. В 1925 г. была принята резолюция о ликвидации Психоаналитического института и лаборатории «Международная солидарность».

32. Шмидт подчеркивала, что «Фрейд различает два термина: “сексуальный” и “половой”. Термином “половой” он обозначает все проявления, касающиеся половых органов и продолжения рода, тогда как термин “сексуальный” в его теории имеет гораздо более широкий смысл и обнимает все проявления полового инстинкта. Поэтому Фрейд никогда не говорит о детской половой жизни – а только о детской сексуальности» [40, с. 24].

Активным сторонником психоаналитического движения в 1920-е годы (как и впоследствии его активным критиком) был врач-психиатр А.Б. Залкинд[33]. В своей работе «Фрейдизм и марксизм» он предлагал некую ревизию фрейдовского учения, освободив его от теории полового влечения: «Опаснейшим с марксистской точки зрения в учении Фрейда является его *полисексуализм*» [Залкинд 1924 б, с. 59]. Залкинд считал, что по-марксистски расшифрованное учение Фрейда открывает простор для воспитания коллективистских навыков. Учение Фрейда о бессознательном, с точки зрения автора, способствует детальному изучению «классового “сознания” и “подсознания” (классовой психофизиологии) и уяснению классовых механизмов творческого процесса» [Залкинд 1924 а, с. 59]. Залкинд считал, что «марксисты обязаны немедленно заняться социологизированием психофизиологии» [Залкинд 1931, с. 10]. Решению этой задачи может помочь психоанализ Фрейда.

Начиная с 1930-х годов на научные исследования и практическое применение психоанализа как буржуазной идеалистической теории, несовместимой с марксистско-ленинским учением, было практически наложено вето. Многие психоаналитики покинули Россию[34]. Другая часть ученых отвернулась от психоаналитического учения Фрейда. Многообразие психоаналитических школ и направлений раздражало правящие власти. Считалось, что при утвердившемся господстве моноидеологии в советской науке может быть только одна школа – Маркса, Ленина, Сталина. Эту точку зрения активно поддерживал Институт психологии. Резолюция, принятая партийной конференцией Государственного института психологии, педологии и психотехники (сокращенно ГИППП) в 1931 г., гласила: «Стоит задача разгрома и уничтожения остатков буржуазных теорий, являющихся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистическому строительству и служащих протаскиванию чужих идей под видом якобы диалектико-материалистических» [Братусь 2000, с. 14]. Известный отечественный исследователь творчества З. Фрейда Валерий Лейбин так описал причины разгрома психоанализа в Советской России: «Психоанализ с его интенцией на развенчание различного рода иллюзий не мог существовать в обществе, всеми средствами насаждающем всякого рода мифы и иллюзии. Психоанализ с его

33. Залкинд Арон Борисович (1888–1936) – советский врач-психиатр, деятель Наркомпроса, сотрудник Института психологии.

34. Один из пионеров психоанализа, переводчик Фрейда Николай Евграфович Осипов (1877–1934), не приняв революцию покинул Советскую Россию, перебравшись в Прагу. До конца дней поддерживал отношения с самим Фрейдом и его последователями. Автор интересной работы «Воспоминания Толстого о детстве. Вклад в теорию либидо З. Фрейда». Считал себя первым популяризатором Фрейда в России. В 1927 г. из командировки в Берлин не возвратился М.В. Вульф.

стремлением вскрыть бессознательные страхи человека и довести до его сознания вытесненные идеологией и культурой естественные желания был обречен на изгнание и запрещение в системе, противостоящей любому инакомыслию» [Лейбин 1994 а, с. 10]. Самому З. Фрейду, неоднократно подчеркивающему идеологически нейтральный статус психоанализа, был непонятен такой политический резонанс в России относительно его учения. В своей последней, 35-й лекции по введению в психоанализ Фрейд высказал свое отношение к тому, что происходило в СССР в тот период: «В своем осуществлении в русском большевизме теоретический марксизм нашел энергию, законченность и исключительность мировоззрения, но одновременно и зловещее подобие тому, против чего он борется. Будучи первоначально сам частью науки, опираясь в своем осуществлении на науку и технику, он создал, однако, запрет на мышление, который так же неумолим, как в свое время в религии. Критические исследования марксистской теории запрещены, сомнения в ее правильности караются так же, как когда-то еретичество каралось католической церковью. Произведения Маркса как источник откровения заняли место Библии и Корана, хотя они не менее свободны от противоречий и темных мест, чем эти более древние священные книги» [Фрейд 1991 а, с. 414].

История психоанализа в СССР стала частью репрессивного механизма советской идеологии. Психоанализ, наряду с педологией и психотехникой, стал одной из первых жертв идеологического насилия над наукой. После 30-х годов советским психоаналитикам практически было запрещено заниматься своей научной деятельностью, многие из них подверглись аресту, ссылке и физическому уничтожению. Резко изменилось и восприятие Фрейда и его последователей академическим сообществом психологов. Стали появляться разного рода разоблачительные статьи видных советских психологов. Так, лидер Ленинградской школы психологии Б.Г. Ананьев писал: «Между тем до настоящего времени имеются попытки вывести советскую психологию не из философского наследства Маркса – Энгельса – Ленина, не из истории большевизма и работ Сталина, образующих единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки, а из отдельных направлений, по своим корням и содержанию несомненно буржуазных» [Ананьев 1931, с. 332]. Фрейдизм, по мнению Ананьева, пытался превратить кризис буржуазной личности в естественное состояние людей и «ему удалось провести в этом отношении немало доверчивых советских психологов, не понявших исторически-классового характера психоаналитической “диалектики”» [Ананьев 1931, с. 336]. Прибегнул к покаянию, в прошлом поклонник фрейдизма, А. Залкинд. «Лишь укрепление диктатуры пролетариата вбивает – и навсегда – осиновый кол в могилу “советского фрейдизма”» [Залкинд 1931, с. 11]. В свойственной ему метафоричной манере он признается в своей

научной беспечности, в результате которой он заставил плясать труп фрейдизма под свою дудку. «Это создавало гниющему трупу видимость рекламы, делало его популярным, заражавшим воздух» [Залкинд 1931, с. 11].

Сам Фрейд в своей лекции как-то заметил: «Против предубеждений ничего нельзя сделать. … В один прекрасный день те же самые люди о тех же самых вещах начинают думать совсем иначе, чем прежде; почему они раньше так не думали, остается темной тайной» [Фрейд 1991 а, с. 296]. В течение нескольких десятилетий в Советском Союзе имя Фрейда и его детища – психоанализа – практически было табуировано. Работы Фрейда и других классиков психоанализа не только не переиздавались, но и были изъяты из библиотек. Доступ к ним был возможен по специальному разрешению в спецхраны крупных библиотек для ознакомления с текстом при условии их обязательной критической оценки. Только в конце 1970-х годов по инициативе П.Л. Капицы было принято решение издать в серии «Классики науки» работу Фрейда «Введение в психоанализ» [Ярошевский 1988, с. 131]. В этот период имя отца психоанализа впервые начинает появляться и в учебниках по психологии, естественно с критическим оттенком. Известный историк психологии М.Г. Ярошевский в конце 1980-х годов принял активное участие в издании работы Фрейда «Введение в психоанализ: Лекции», написал критическое послесловие и дал обширный комментарий к работе. Свое отношение к фрейдизму он выразил следующими словами: «Фрейд возвращается к нашему читателю. Из этого, естественно, не следует, что негативное отношение к нему должно уступить отныне апологетическому. Опыт истории достаточно отчетливо говорит о бесперспективности любых попыток соединить фрейдизм с марксизмом. Когда берется хвост от одной системы и представляется к голове другой» [Ярошевский 1998, с. 136].

Полностью психоаналитическое учение было реабилитировано в 90-е годы ушедшего столетия на основании президентского указа. В 1996 г. Президентом России Б.Н. Ельциным был издан знаменитый указ № 1044 от 19.07.1996 г. «О возрождении и развитии психоанализа». В это же время была разработана Федеральная государственная программа возрождения философского, прикладного и клинического психоанализа.

Библиография

Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. Т. IV. Вып. 3–4. С. 325–344.

Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 562–563.

Бехтерев В.М. Основные задачи рефлексологии физического труда // Вопросы изучения и воспитания личности. Пг., 1919. № 1. С. 3–51.

Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2000. 88 с.

Быховский Б. Метапсихология Фрейда. Минск: [б/и], 1926. 40 с.

Варьяш А.И. Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма // Диалектика окружающей природы. Вологда, 1926. С. 28–61.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982 б. Т. 1. С. 291–436.

Выготский Л.С. Предисловие к русскому переводу книги Э. Торндайка «Принципы обучения, основанные на психологии» // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982 а. Т. 1. С. 176–195.

Ермаков И.Д. О белой горячке // Психиатрические работы (1907–1917). Ижевск: ERGO, 2008. С. 89–108.

За поворот на фронте естествознания: Дискуссия на заседаниях Президиума Комакад. 23/XII 1930 г. – 6/I 1931 г. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931. 88 с.

Залкинд А.Б. Дифференцировка на педологическом фронте // Педология. 1931. № 3. С 7–15.

Залкинд А.Б. Очерки культуры революционного времени. М.: Работник просвещения, 1924 а. 196 с.

Залкинд А.Б. Фрейдизм и марксизм // Залкинд А.Б. Очерки культуры революционного времени. М.: Работник просвещения, 1924 б. С. 56–62.

Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994. 384 с.

Иоффе А.А. По поводу бессознательного в жизни индивидуума // Психотерапия. 1913. № 4. С. 234–238.

Кольман Э. Политика, экономика и… математика // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. № 1. С. 27.

Лейбин В.М. История психоанализа в России // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994 а. С. 3–14.

Лейбин В.М. Русскость Фрейда. М.: АО «Виктори», 1994 б. 80 с.

Лурия А.Р. Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм. Л.: Госиздат, 1925. С. 47–80.

Незнанов Н.Г. Школа В.М. Бехтерева: от психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. СПб.: ВВМ, 2007. 243 с.

Новая жизнь. 1917. № 35. 30 мая (12 июня).

О положении на фронте естествознания. (Резолюция президиума Комакадемии совместно с Ассоциацией естествознания Комакадемии и естественным отделением ИКП по докладу О. Шмидта и содокладу А. Максимова. Принята 11/I 1931 г.) // Вестник Коммунистической Академии. М., 1931. № 1. С. 23–32.

Постановление ЦК ВКП (б) по докладу президиума Коммунистической академии (Предложение Оргбюро, утвержденное Политбюро 15.III.1931 г.). Приложение № м1 к п. 41, пр. ПБ № 29 // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/ 51579 (Дата обращения: 14.02.2019.)

Рейснер М. Фрейдизм и буржуазная идеология (вместо предисловия к русскому изданию) // Виттельс Ф. Фрейд, его личность, учение и школа. Л.: Госиздат, 1925. 85 с.

Рихебехер С. Сабина Шпильрейн: «Почти жестокая любовь к науке» (биография). Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 413 с.

Степанов С.С. Психология в лицах. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 384 с.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. 621 с.

Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1927. Сер. 6: Проблемы культуры. Т. 21. 520 с.

Фрейд З. Будущность одной иллюзии / Пер. с нем. под ред. проф. И.Д. Ермакова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 58 с.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991 а. 456 с.

Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ). М.: Республика, 1995. С. 285–294.

Фрейд З. Очерк истории психоанализа // Фрейд З. Я и Оно: Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991 б. Кн. 1. 398 с.

Фридман Б.Д. Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма // Психология и марксизм. 1925. С. 113–159.

Шмидт В.Ф. Психоаналитическое воспитание в Советской России. Ижевск: ERGO, 2011. 76 с.

Шмидт В.Ф. Учение Фрейда. Ижевск: ERGO, 2014. 108 с.

Шмидт О.Ю. Роль математики в строительстве социализма // Естествознание и марксизм. 1930. № 2–3. С. 1–9.

Эткинд А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Независимая фирма «Класс», 2016. 592 с.

Ярошевский М.Г. Возвращение Фрейда // Психологический журнал. 1988. Т. 9 (6). С. 129–138.

References

Anan'ev B.G. O nekotoryh voprosah marksistsko-leninskoj rekonstrukcii psihologii. Psihologija. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izd-vo, 1931. Vol. IV. Iss. 3–4. P. 325–344.

Behterev V.M. Osnovnye zadachi refleksologii fizicheskogo truda. Voprosy izuchenija i vospitanija lichnosti. Petrograd, 1919. No 1. P. 3–51.

Berdjaev N.A. Smysl tvorchestva. Berdjaev N.A. Filosofija svobody. Smysl tvorchestva. Moscow: Pravda, 1989. P. 562–563.

Bratus' B.S. Russkaja, sovetskaja, rossijskaja psihologija: Konspektivnoe rassmotrenie. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Flinta, 2000. 88 p.

Byhovskij B. Metapsihologija Frejda. Minsk: [b/i], 1926. 40 p.

Ermakov I.D. O beloj gorjachke. Psihiatricheskie raboty (1907–1917). Izhevsk: ERGO, 2008. P. 89–108.

Frejd Z. Budushhnost' odnoj illjuzii. Per. s nem. pod red. prof. I.D. Ermakova. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1930. 58 p.

Frejd Z. Dostoevskij i otceubijstvo. Frejd Z. Hudozhnik i fantazirovanie (sbornik rabot). Moscow: Respublika, 1995. P. 285–294.

Frejd Z. Ocherk istorii psihoanaliza. Frejd Z. Ja i Ono: Trudy raznyh let. Tbilisi: Merani, 1991 b. Vol. 1. 398 p.

Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz: Lekcii. Moscow: Nauka, 1991 a. 456 p.

Fridman B.D. Osnovnye psihologicheskie vozzrenija Frejda i teorija istoricheskogo materializma. Psihologija i marksizm. 1925. P. 113–159.

Ioffe A.A. Po povodu bessoznatel'nogo v zhizni individuuma. Psihoterapija. 1913. No 4. P. 234–238.

Jaroshevskij M.G. Vozvrashhenie Frejda. Psihologicheskij zhurnal. 1988. Vol. 9 (6). P. 129–138.

Jetkind A.M. Jeros nevozmozhnogo. Istorija psihoanaliza v Rossii. Moscow: Nezavisimaja firma «Klass», 2016. 592 p.

Kol'man Je. Politika, jekonomika i… matematika. Za marksistsko-leninskoe estestvoznanie. 1931. No 1. P. 27.

Lejbin V.M. Istorija psihoanaliza v Rossii. Zigmund Frejd, psihoanaliz i russkaja mysl'. Moscow: Respublika, 1994 a. P. 3–14.

Lejbin V.M. Russkost' Frejda. Moscow: AO «Viktori», 1994 b. 80 p.

Lurija A.R. Psihoanaliz kak sistema monisticheskoj psihologii. Psihologija i marksizm. Leningrad: Gosizdat, 1925. P. 47–80.

Neznanov N.G. Shkola V.M. Behtereva: ot psihonevrologii k biopsihosocial'noj paradigme. Saint Petersburg: VVM, 2007. 243 p.

Novaja zhizn'. 1917. No 35. 30 May (12 June).

O polozhenii na fronte estestvoznanija. (Rezoljucija prezidiuma Komakademii sovmestno s Associaciej estestvoznanija Komakademii i estestvennym otdeleniem IKP po dokladu O. Shmidta i sodokladu A. Maksimova. Prinjata 11/I 1931 g.). Vestnik Kommunisticheskoj Akademii. Moscow, 1931. No 1. P. 23–32.

Postanovlenie CK VKP (b) po dokladu prezidiuma Kommunisticheskoj akademii (Predlozhenie Orgbjuro, utverzhdennoe Politbjuro 15.III.1931 g.). Prilozhenie № m1 k p. 41, pr. PB No 29. Istoricheskie materialy [Jelektronnyj resurs]. URL: http://istmat.info/node/51579 (Date of access: 14.02.2019.)

Rejsner M. Frejdizm i burzhuaznaja ideologija (vmesto predislovija k russkomu izdaniju). Vittel's F. Frejd, ego lichnost', uchenie i shkola. Leningrad: Gosizdat, 1925. 85 p.

Rihebeher S. Sabina Shpil'rejn: «Pochti zhestokaja ljubov' k nauke» (biografija). Rostov-on-Don: Feniks, 2007. 413 p.

Shmidt O.Ju. Rol' matematiki v stroitel'stve socializma. Estestvoznanie i marksizm. 1930. No 2–3. P. 1–9.

Shmidt V.F. Psihoanaliticheskoe vospitanie v Sovetskoj Rossii. Izhevsk: ERGO, 2011. 76 p.

Shmidt V.F. Uchenie Frejda. Izhevsk: ERGO, 2014. 108 p.

Stepanov S.S. Psihologija v licah. Moscow: Jeksmo-Press, 2001. 384 p.

Trockij L.D. Moja zhizn'. Opyt avtobiografii. Moscow: Panorama, 1991. 621 p.

Trockij L.D. Sochinenija. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Ser. 6: Problemy kul'tury. Vol. 21. 520 p.

Var'jash A.I. Frejdizm i ego kritika s tochki zrenija marksizma. Dialektika okruzhajushhej prirody. Vologda, 1926. P. 28–61.

Vygotskij L.S. Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa. Vygotskij L.S. Sobr. soch.: v 6 t. Moscow: Pedagogika, 1982 b. Vol. 1. P. 291–436.

Vygotskij L.S. Predislovie k russkomu perevodu knigi Je. Torndajka «Principy obuchenija, osnovannye na psihologii». Vygotskij L.S. Sobr. soch.: v 6 t. Moscow: Pedagogika, 1982 a. Vol. 1. P. 176–195.

Za povorot na fronte estestvoznanija: Diskussija na zasedanijah Prezidiuma Komakad. 23/XII 1930 g. – 6/I 1931 g. Moscow; Leningrad: Gos. soc.-jekonom. izd-vo, 1931. 88 p.

Zalkind A.B. Differencirovka na pedologicheskom fronte. Pedologija. 1931. No 3. P. 7–15.

Zalkind A.B. Frejdizm i marksizm. Zalkind A.B. Ocherki kul'tury revoljucionnogo vremeni. Moscow: Rabotnik prosveshhenija, 1924 b. P. 56–62.

Zalkind A.B. Ocherki kul'tury revoljucionnogo vremeni. Moscow: Rabotnik prosveshhenija, 1924 a. 196 p.

Zigmund Frejd, psihoanaliz i russkaja mysl'. Moscow: Respublika, 1994. 384 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.07

Н.А. Белякова

«ВОПРОСЫ ПОЛОЖЕНИЯ РЕЛИГИИ В СССР НАХОДЯТСЯ ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ ВНИМАНИЕМ…» Стенограмма выступления заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П.В. Макарцева 2 февраля 1977 г.

Аннотация. *В предлагаемой публикации вводится в научный оборот стенограмма выступления заместителя председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР П.В. Макарцева на совещании уполномоченных Совета в Вильнюсе в 1977 г. Эта стенограмма представляет особый интерес, поскольку вводит читателя в контекст религиозной политики СССР в период Хельсинкского процесса. Выступление заинтересовало современников своей неординарностью и откровенностью, попало частично в самиздат, однако потом осталось погребенным в архиве Совета по делам религий. Концепция СДР, которую Макарцев пытается донести до своих слушателей, коротко заключалась в следующем: церкви и их руководство в СССР настроены лояльно по отношению к власти, более того, социалистические ценности искренне разделяются в значительной части религиозными мыслителями, а значит, нет оснований рассматривать религиозные институты в качестве противников социалистической системы. Более того, желание определенных сил использовать в условиях холодной войны обвинения против СССР в ограничении религиозной свободы должно подтолкнуть советское руководство к нейтральному отношению к религиозным институтам. Внутри советского общества процесс секуляризации неизбежен и поступателен. Однако погоня за успешной демонстрацией секуляризации в стране победившего социализма, выражающаяся в сокращении числа религиозных объединений и уменьшении религиозных обрядов, приводит к обратным результатам. Макарцев пытается донести до литовских коллег концепцию: легализация и деполитизация религиозной жизни дает возможность для контроля и постепенной нейтрализации общественного влияния религиозных институтов. Тогда как предпринимаемые литовскими властями акции по борьбе с религией усиливают протестную религиозность, замедляют процесс секуляризации и создают угрозу превращения религиозных структур в оппозиционную силу. Использование административного ресурса в борьбе с религией приводит к росту фанатизма и экстремизма. За последние десятилетия советской администрацией были выработаны определенные условия, при которых в СССР существовали католические приходы, однако влияние Ватикана было минимально. Задача Совета по делам*

религий: не допустить превращения религиозных организаций СССР в фактор холодной войны.

Ключевые слова: *религия; церковь; холодная война; религиозная политика СССР; Литва; Хельсинкский процесс; Совет по делам религий; Ватикан.*

**Белякова Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;
доцент кафедры гуманитарных наук Сеченовского университета,
Москва. E-mail: beliacovana@gmail.com**

N.A. Belyakova. «Issues of Religion in the USSR are the Central Target…» The paper by P.V. Makartsev at the Council for the Religious Affairs of the USSR, February 2, 1977

Abstract. *The given publication brings to light the transcript of the speech by the Deputy Chairman of the Council for Religious Affairs of the USSR, Peter Makartsev, during the organization's meeting in Vilnius in 1977. This transcript is of special interest, since it brings the reader into the context of Soviet religious policy during the Helsinki Hearings. This speech was considered by contemporaries as quite extraordinary and open. Part of it was published in the Samizdat. Yet later on, it was kept in the archives of the Council for Religious Affairs. The concept of the Council for Religious Affairs, which Makartsev tried to attract the audience with, can be summarized as follows: the churches and their management in the USSR were loyal to the government; moreover, socialist values were shared by the major part of religious thinkers. Thus, there was no reason to consider religious institutions as enemies of the socialist system. Moreover, the desire to use the factor of Soviet religious persecution, brought to light by certain parties during the Cold War as an argument against the USSR, must drive the Soviet State to keep neutrality towards religious institutions. Within Soviet society, the process of secularization was inevitable and must be gradual. Yet the desire to show the progress of secularization in the country of «triumphant socialism», manifested by the reduction of religious communities and the decrease of religious rituals, led to opposite effects. Makartsev tried to show his Lithuanian colleagues a new concept that legalization and de-politicization of religious life provided with new opportunities of control and gradual neutralization of religious influence on society. Meanwhile, the attempts of Lithuanian authorities to fight religious figures only led to growing protests and incitement of religious feelings, slowed the process of secularization and turned religious structures into strength of opposition. The use of administrative resources in the fight against religion led to the growth of fanaticism and extremism.*

During the previous decades, the Soviet administration had been developing the conditions, under which Catholic parishes could exist in the USSR, however, the Vatican influence was brought down to a minimum. The goal of the Council for Religious Affairs was not to allow religious organizations in the USSR to become a factor in the Cold War.

Keywords: *religion; Church; Cold War; religious policy of the USSR; Lithuania; Helsinki process; the Council for Religious Affairs of the USSR; the Vatican.*

Belyakova Nadezhda Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Associate professor at Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow. E-mail: beliacovana@gmail.com

В последние десятилетия документы, содержащие информацию о религиозной жизни в послевоенном СССР из фондов Совета по делам религий (далее – СДР) при Совете министров СССР, достаточно активно вводятся в научный оборот. Отложившиеся в фондах исполнительных органов власти документы аппаратов уполномоченных, изобилующие массой деталей и сведений, сегодня воспринимаются, безусловно, как ценный источник по религиозной жизни советского периода. Между тем вопрос о том, как документы, появившиеся в недрах государственных ведомств социалистического государства, описывают или интерпретируют религиозную жизнь, нуждается в дальнейшем осмыслении. Антрополог Соня Люрман, изучая эволюцию системы атеистического воспитания в Марий Эл, отмечала: «То, что мы можем знать о религиозной жизни в советскую эпоху, ограничено пристрастным характером официальных документов, сложными взаимосвязями между религиозным восприятием и процессом модернизации, который должен был исключить религию…» [Люрман 2012, с. 501]. Эта детерминированность советских документов часто ускользает из поля зрения исследователя, завороженного магией цифр и детализированных нюансов, придающих убедительность картине, изображающей религиозную жизнь в СССР. Между тем само описание религиозной жизни в социалистическом государстве было вопросом политическим. Как убедительно показывает публикуемый документ, оно зависело не только от специфики описания советскими чиновниками процесса модернизации, но и от понимания ими внешнеполитической конъюнктуры холодной войны.

Совет по делам религий, руководителем которого был составлен анализируемый документ, был союзным органом, образованным в целях последовательного осуществления «политики Советского государства в отношении религий». Именно в архивном фонде этого органа сохранилось наибольшее количество документов, содержащих сведения о религиозной жизни в республиках и областях СССР за 1940–1980-е годы. Наибольшую источниковую ценность представляют многостраничные статистические отчеты, которые Совет ежеквартально собирал со своих уполномоченных. Статистические отчеты включали сведения о сети религиозных объединений (зарегистрированных и незарегистрированных), численности служителей культа и основной религиозной обрядности; сведения о поступлении и расходах денежных средств в зарегистрированных религиозных объединениях; сведения о поступлении и расходах денежных средств в религиозных центрах; сведения о воз-

расте и образовании зарегистрированных служителей культа, о численности церковных хоров и обслуживающего персонала. Эти данные обобщались сначала в отделах СДР, а затем сводились в ежегодном отчете для ЦК КПСС. Собственно ежегодные отчеты и могли бы дать современным исследователям ви́дение динамики религиозных процессов официальными сотрудниками СДР. Однако эти отчеты, равно как и иные документы, обобщающие линию «партии и правительства» в отношении религии и церкви, в фонде СДР представлены минимально[1]. Отсутствие этих документов можно объяснить особенностями советского делопроизводства. Как отмечали Л.В. Борисова и А.К. Соколов, для него типична «искусственная разорванность информационной базы, что характерно для всех без исключения органов власти и управлений всех уровней. В результате одна, менее значительная, часть управленческих функций отражается в документах общего делопроизводства, другая – наиболее важная, дающая ключ к механизму принятия решений, фиксируется в секретных документах» [Источниковедение 2004, с. 138]. Обобщающие же документы СДР были не просто секретными, а имели статус совершенно секретных. В свою очередь, в условиях холодной войны эта статистика приобретала особый интерес и востребованность по ту сторону Железного занавеса[2].

Отсутствие доступных концептуальных документов, характеризующих внутреннюю логику религиозной политики брежневского периода, затрудняет понимание этой эпохи. Между тем религиозная политика в этот период существенно колебалась [Савин 2018], а международная активность религиозных деятелей СССР неуклонно возрастала, и они становились важными акторами международной жизни в период холодной войны [Белякова, Пивоваров 2018; Beljakova, Bremer, Kunter 2016].

Настоящая публикация предлагает читателю стенограмму записи выступления заместителя председателя СДР Петра Власовича Макарцева на совещании уполномоченных СДР в Вильнюсе в феврале 1977 г. Выездные совещания сотрудников Совета, на которые собирались уполномоченные со всего Советского Союза, эпизодически проводились СДР. Во второй половине 1970-х годов СДР провел даже нескольких совещаний с представителями аналогичных ведомств стран социалистического лагеря. Официальной повесткой дня

1. Ряд отчетов за отдельные годы находится в фонде аппарата ЦК КПСС в РГАНИ, однако даже там нет полной подборки. На сегодняшний день полноценно в научный оборот введен только один отчет за 1984 г. [Кривова, Сигачев, Чернобаев 1993–1; Кривова, Сигачев, Чернобаев 1993–2].

2. Например, в «Вестнике РСХД» были опубликованы с комментарием фрагменты отчета СДР в ЦК КПСС 1975 г. в качестве разоблачающих тоталитарную сущность советского государства [Из отчета 1979].

была координация действий в отношениях с Ватиканом. Одно из таких совещаний упоминается и в публикуемой стенограмме.

Как представляется, для внутрисоюзного совещания работников СДР Вильнюс был выбран неслучайно. Религиозная обстановка в Литовской ССР, где были развитые структуры Католической церкви [Jungraitmayr 2002], выглядела в глазах московского руководства тревожной, поскольку здесь было активно католическое движение, посылавшее протестные письма в советские и международные инстанции [Белякова 2018], успешно наладившее распространение своего самиздата – «Хроники Литовской католической церкви»[3]. На союзном уровне предпринимались попытки стабилизировать ситуацию, уменьшить протестную активность верующих. Так, незадолго до совещания уполномоченных было опубликовано Положение о религиозных объединениях, принятое Верховным Советом Литовской ССР и опубликованное в Ведомостях Верховного Совета [Ведомости 1976].

Приехавший на совещание представитель Москвы – П.В. Макарцев, более десяти лет занимавший ключевой пост в СДР[4], был полон желания объяснить местным чиновникам стратегическую незаинтересованность союзного руководства в эскалации конфликта между литовскими властями и местными католиками. Этот процесс он увязывал с международной обстановкой и ситуацией, в которой застыли отношения с Ватиканом. Концепция, высказываемая П.В. Макарцевым, отражает парадигму хельсинкского периода разрядки, стремления к стабилизации и нормализации религиозной жизни в республиках. Как раз в рамках этого процесса в большинстве союзных республик было принято законодательство о религиозных культах, которое позволяло обеим сторонам говорить о некоем подобии правовой основы для деятельности религиозных объединений в республиках.

3. Протестная активность Литовской католической церкви регулярно освещалась в немецкоязычных изданиях «Glaubeinder 2. Welt» и «KircheinNot» Сергеем Банковски.

4. Петр Власович Макарцев родился 24 июня 1915 г. в дер. Лущиха Уваровского района Московской области в крестьянской семье, где кроме него было пять сестер и один брат. С 1932 г. он работал бухгалтером в разных московских организациях, в 1939–1941 гг. был начальником финансовой части 7-го отдельного мостостроительного батальона Белорусского военного округа. С 1941 по 1946 г. занимал должность парторга батальонов Воздушной истребительной армии противовоздушной обороны г. Москвы; в 1941 г. вступил в КПСС. Работать в Совет по делам РПЦ он пришел в 1958 г. из Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (где с 1946 по 1958 г. был заведующим отделом, а затем членом правления ВОКС). Высшее образование Макарцев получил во время работы в ВОКС: в 1954 г. он окончил Всесоюзный заочный финансовый институт по специальности экономист. Начал свою работу в Совете по делам РПЦ сначала в качестве заместителя заведующего отделом Совета по делам РПЦ, а затем быстро стал заведующим Отделом и членом Совета по РПЦ. С 1965 г. занимал должность заместителя председателя СДР.

Судя по всему, выступление Макарцева произвело довольно сильное впечатление на представителей литовской стороны. Очень быстро оно вышло за границы узкого круга аппарата Уполномоченного и частично оказалось опубликованным в самиздате[5].

В ходе решения комплекса задач – донести до литовских партийных деятелей необходимость избегать открытых столкновений с представителями Католической церкви, придать больший вес своей линии ссылками на авторитет Москвы и одновременно сложить с себя ответственность за «потакание церковникам», объяснить издание католического журнала и, возможно, нейтрализовать последствия утечки текста выступления Макарцева в самиздат, – уполномоченный СДР по Литовской ССР К. Туменас отправил стенограмму записи в союзный Совет с предложением опубликовать для служебного пользования материалы совещания уполномоченных[6]. Эта стенограмма так и не была опубликована, сохранилась она потому, что оказалась в переписке между уполномоченным по Литовской ССР и СДР за 1987 г.

Концепция СДР, которую пытается объяснить своим слушателям Макарцев, коротко заключалась в следующем: церкви и их руководство в СССР настроены лояльно по отношению к власти, более того, социалистические ценности в значительной части искренне разделяют религиозные мыслители, а значит, нет оснований рассматривать религиозные институты в качестве противников социалистической системы. Желание определенных сил использовать в условиях холодной войны обвинения против СССР в ограничении религиозной свободы должно подтолкнуть советское руководство к нейтральному отношению к религиозным институтам. Внутри советского общества процесс секуляризации неизбежен и поступателен. Избранный критерий измерения секуляризации – участие населения в религиозных обрядах – показывает в динамике стабильное постепенное сокращение интереса населения к религии. Однако погоня за успешной демонстрацией секуляризации в стране победившего социализма, выражающаяся в сокращении числа религиозных объединений и уменьшении религиозных обрядов, приводит к обратным результатам. Макарцев пытается донести до литовских коллег сформулированную в СДР концепцию: легализация, нормализация (в конечном счете

5. «В январе 1977 г. представитель Совета по делам религий П. МАКАРЦЕВ предупредил партийных работников Литвы, что со священниками надо обращаться повежливее. Он сказал, что государственная политика по отношению к церкви смягчается» – такая информация была помещена в Хронике текущих событий (ХТС) под номером 46. Судя по всему, в ХТС информация попала из Хроники Литовской католической церкви, поскольку на этой же странице содержалось сообщение: Хроника КЦЛ 27 публикует статью «Новые ветры или новая хитрость?». Однако на сайте Хроники ЛКЦ (lkbkronika.lt) этого выпуска на русском языке нет.

6. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 43.

деполитизация) религиозной жизни дает возможность для контроля и постепенной нейтрализации общественного влияния религиозных институтов. Совет предпочитает открытую и поддающуюся корректировке и наблюдению жизнь религиозных сообществ. Именно поэтому СДР понемногу регистрирует религиозные объединения в стране, разрешает им ограниченную издательскую деятельность, использует их потенциал на международной арене. Тогда как предпринимаемые местными властями акции по борьбе с религией усиливают протестную религиозность, замедляют процесс секуляризации и создают угрозу превращения религиозных структур в оппозиционную силу. Использование административного ресурса приводит к росту фанатизма и экстремизма. За последние десятилетия советской администрацией были выработаны определенные условия, в рамках которых могли существовать католические приходы в СССР. Не допускать участия Ватикана в жизни советских католиков при развитии с ним сотрудничества на международной арене – было важнейшей задачей советских ведомств во второй половине 1970-х годов.

Предлагаемая стенограмма позволяет понять позицию и внутреннюю логику чиновников СДР, их систему изложения и интерпретации религиозных процессов в стране, классификацию религиозных движений, групп, типов верующих, их социальной и политической значимости. Она представляет важную иллюстрацию для понимания представлений определенной части советской бюрократии, связывавшей религиозные процессы внутри СССР с новой фазой холодной войны, которая характеризуется часто в историографии как разрядка международной напряженности. Дословная расшифровка выступления чиновника СДР, которого можно охарактеризовать как эксперта общесоюзного масштаба по религиозным вопросам, дает читателю довольно яркое представление о системе координат, из которой исходил союзный Совет по делам религий в своих мероприятиях. Особенно ценным представляется подробное проговаривание «стратегической линии» руководства СССР в отношении Ватикана. Помещенные после выступления Макарцева реплики представителей литовской стороны показывают и напряжение, вызванное московским сценарием развития ситуации в Литовской Республике. Живая речь, которую так редко можно встретить в клишированных документах советского бумагооборота, дает возможность услышать тех представителей советской бюрократии, кто регулировал и мониторил религиозную жизнь в позднем СССР.

Стенограмма выступления публикуется по современным правилам правописания и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей документа. Утраченные, а также восстановленные фрагменты даются в квадратных скобках.

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СДР П.В. МАКАРЦЕВА НА СОВЕЩАНИИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СДР В ВИЛЬНЮСЕ

2 февраля 1977 г.

[Председатель]

Сейчас выступит перед нами заместитель председателя Совета по делам религии при Совете Министров СССР тов. Макарцев Петр Власович.

[Макарцев]

Ну что ж, товарищи, я очень благодарен, что имею возможность присутствовать на данном, с нашей точки зрения, очень интересном и полезном совещании. Я должен отметить, что Центральный Комитет Республики и Совет Министров Республики уделяют очень большое внимание этим проблемам, проблемам политики нашей Партии в отношении религии и церкви. И вот недавно постановление было принято. Вы все видимо знаете. Литва одна из первых в Прибалтике приняла законодательство культов новых, тоже что-то такое значит. Мы это отмечаем, как положительное явление. Ну и в целом товарищи, мы так немножко в курсе положения дел у вас на этом фронте и, можно сказать, что работники и в районах и в городах уделяют немало внимания, тратят немало энергии, вот занимаясь вопросами, относящимися к религии и церкви.

Пользуясь тем, что вот я могу выступить перед вами, я бы хотел коснуться трех вопросов. Коротко, очень коротко, мне дали только час, немножко раскрыть религиозную обстановку в стране у нас. Знаете, чтобы как-то Вы могли посмотреть на себя, как Вы выглядите, как в общем этом самом балансе, в общем плане, но это очень коротко. Далее, я хотел бы коснуться в связи с этим некоторых проблем, которые сейчас возникают, вот в политике в отношении религии и церкви. Мне очень понравилось, вот тут была уже такая дискуссия, диалог был, разные точки зрения. Как живая реакция, я почувствовал, что Вы очень хорошие люди, понимающие и мы быстро с вами договоримся, что надо делать и как, знаете. И далее, я коротко опять-таки, время много нет, расскажу Вам о политике Ватикана в отношении нас и о нашей политике в отношении Ватикана – так коротко, чтобы Вы как-то имели общее представление. Вы с Ватиканом сталкиваетесь довольно часто, Ватикан Вас не забывает, но я думаю, Вам небезынтересно будет знать и в общем так вопросы большой политики, что касается Ватикана.

Ну, коротко о религиозной обстановке в стране, товарищи. Вообще у нас в стране религиозная обстановка, можно сказать, нормальная. Нормальная.

У нас большинство, подавляющее большинство духовенства лояльное. И мы считаем, что это большое завоевание наше – сделать церковь лояльной. Церковь не только лояльна, она активно сейчас поддерживает и внутреннюю и внешнюю нашу политику. Это, товарищи, немаловажный фактор. И Правительство, и Центральный Комитет, неоднократно Леонид Ильич Брежнев, встречаясь с высшими иерархами, а это бывает так примерно раз, два раза в год[7], всегда высказывает высокую оценку вот этой лояльности и той деятельности, которую церкви выполняют в поддержку внешней политики. Я не буду Вам раскрывать эту деятельность церкви, это много бы времени потребовалось, но скажу, что мы довольно активно лояльных церковников используем на Международной арене в интересах нашей миролюбивой политики. Не только для того, чтобы разоблачать, противодействовать реакционным, церковным кругам, использовать религию в своих интересах, нашу религию, наших церковников, но и ведем наступление, мы довольно активно силами церковников пропагандируем нашу действительность за границей. Довольно большую работу ведет Русская православная церковь, мусульмане, буддисты, ну и немножко и католики. Немножко католики.

В целом, товарищи, у нас, конечно Вы все знаете, подавляющее большинство наших людей неверующие и господствующая идеология у нас запрещена. Но и церковь у нас, если иметь в виду показатели, которые можно выразить в цифрах, ну количество верующих у нас не подсчитывается, Вы это знаете и Вы сами не знаете сколько у Вас верующих и сколько неверующих, Вы только считаете обряды, и то, видимо, не очень точно, потому что ксендзы стараются упрятать количество этих обрядов. Но количество верующих по социологическим исследованиям колеблется так от 4–5% в некоторых районах до 20% в других районах. Ну это, больше всего прилегающие к западным границам – Западная Белоруссия, Западная Украина, ну и конечно Прибалтика. Я не знаю какой у Вас процент, но видимо Вы лучше меня знаете, но есть районы, где религиозность населения достигает примерно 15 и выше процентов. В общем религиозная сеть за годы Советской власти сократилась в 10 раз. Ну, каждая религия по-разному: православие – в 10 раз, католическая церковь в тех границах, которые сейчас – примерно в 4 раза, у Вас немножко меньше, у Вас даже – меньше, чем наполовину. Но это еще ни о чем не говорит, товарищи. Мусульманская религия сократилась в 30 раз, количество мечетей – в 30 раз. Ну, иудеи, по-моему, тоже в 5–6 раз. Протестантские церкви, тоже так примерно в 5–6 раз. Но религия еще есть, жива, действует и действует довольно активно.

7. Речь идет о традиционных приемах в Кремле, проводившихся в октябре и мае в связи с празднованием дня Октябрьской революции и дня Победы, на которые приглашались и руководители религиозных центров СССР.

В целом, товарищи, у нас примерно 17 тыс. религиозных объединений. В печати называют 20 тыс., но это для печати, а для Вас 17 тыс. Так немножко цифры расходятся, но Вы не удивляйтесь. Ну назвали 20 тыс. и так придерживаться, чтобы нас не обвиняли, что мы тут уж очень активно закрываем церкви, а на самом деле их 17 – это регистрируемых, действующих законно и не регистрируемых.

Большой бедой у нас является большое количество незарегистрированных, незаконно действующих объединений. У Вас этого нет, товарищи, у Вас все действуют легально. А в целом в стране, из 17 тыс. более 4 тыс., одна четвертая часть религиозных объединений, действует без регистрации, нелегально. Это очень серьезный наш недостаток, я потом ниже еще немножко скажу. Но вот все религии действуют в рамках своих возможностей, мы предоставляем возможность каждой религии готовить кадры, выпускать духовную литературу, вот скоро у Вас появится журнал католический – легальный открытый, не удивляйтесь. Вот ведь сразу шум, не нравится, да? Я думаю Вы потом поймете, что это хорошо. Но процесс, товарищи, вот очень часто сейчас задают вопрос, когда выступаешь говорит: «А вот сейчас религия жива, там оживляется, активизируется, разрастается» – и будто создается впечатление, что у нас процесс отхода верующих прекратился. И процесс, вот кризис религии прекратился – это неправильно товарищи. Процесс этот неумолимо продолжается и об этом свидетельствует, здесь вот называли по вашей Республике, сокращение и количество обрядов, в целом по стране – у нас сейчас много правда, 19% крестят детей – это почти каждый пятый, но пять лет назад было больше значительно, более чем 25% крестили. Сокращается количество похорон по религиозному обряду, он еще значительно высок, так 40 с небольшим процентов, но пять лет назад он превышал 50%. Количество церквей сокращается примерно сейчас в год, мы закрываем, распавшихся, т.е. снимаем с регистрации примерно 50–60, 70 религиозных объединений.

В 60-е годы, первая половина 60-х годов, процесс закрытия церквей был более значительным. За шестидесятый, по так шестьдесят шестой год было закрыто примерно около 30% религиозных объединений. Ну, что греха таить, тут можно быть откровенным, не все было сделано собственно так как это бы выглядело на самом деле. Закрывали церкви там, где верующих оставалось много. А сейчас этот процесс закрытия церквей замедлился, но это естественный такой, не искусственное сокращение, а в самом деле распадаются религиозные организации, и прекращают действовать, верующий отходит, остается немного и религиозная жизнь затухает в данной церкви, костеле и т.д.

Происходит это и в католической церкви, и в других религиозных организациях. Наиболее активный процесс затухания наблюдается среди Русской православной церкви. Ну вот, если, товарищи, говорить коротко, вот, что из себя представляет религиозная обстановка.

Теперь о тенденциях в религии. Ну основная, Вы сами видимо знаете, это тенденция приспособиться, как-то вот модернизировать, вписаться в нашу социалистическую действительность – это основная тенденция. Я вот давно уже на этом фронте работаю, скоро вот 20 лет будет и лично знаю людей, церковных деятелей разных рангов и могу утверждать, что вот этот процесс приспособления, процесс лояльности – он происходит у большинства, это естественное стремление, быть таким хорошим, в общем в социалистическом обществе попом. И они видят в этом, умные попы, ксендзы, в общем все духовенство умное, видят в этом единственный путь выживания в социалистических условиях. Единственный путь. Ну, история, даже католической церкви учит, если церковь начинает воевать с государством, то всегда государство оказывается в конце концов сильнее. Ну, а история русской церкви и за последние 60 лет, и за всю историю тоже показывает немало примеров, когда церковь выступала против государства, против правительства, она была, собственно говоря, побежденной. Тем более, товарищи, у нас, церкви очень легко менять свой курс, очень легко объяснять свою лояльность, потому что действительно, как они говорят, мы хоть бога и не знаем, коммунисты, но делаем божье дело. Ведь социальная доктрина церкви, она проповедует тоже вот эти, хотя в абстрактной форме, но добро там, справедливость и прочее, прочее. Так что мне вот очень часто приходится встречаться и с крупными деятелями, христианскими, мусульманскими, когда начинаешь с ними разговаривать, они начинают комплименты сыпать: «Так вы вот замечательный, оказывается, мусульманин[8] и вы все вот коммунисты хорошие мусульмане и т.д.». А иногда приходится слышать: «А вот Вы неплохой были бы марксист, раз вот ратуете за ту социальную программу, которую мы осуществляем». Им легко это делать. И когда нашим церковникам за границей часто задают вопросы: «Скажите пожалуйста, а почему вот вы раньше до революции проводили одну политику социальную, занимали одну позицию социальную, а сейчас по этим вопросам занимаете другую и начинаете вот поддерживать коммунистов?» Тогда церковь не была отделена от государства, и она не была свободна в своих действиях и делала то, что заставляла власть, а сейчас мы отделены от государства и мы вот сейчас по-настоящему проводим то, чему учит христианский Христос[9].

Как анекдот звучит, товарищи, но я не могу удержаться, чтобы Вам не рассказать. Один прогрессивный деятель ГДР, там их правда мало, но вот был такой старик-теолог. Он так объяснял необходимость христианам поддерживать сейчас коммунистов. Он говорит, что вот христиане две тысячи

8. В тексте написано неоднократно «массульманин», «муссульманскими».

9. В тексте с маленькой буквы.

лет проповедуют хорошую, создание хорошей жизни на земле, но ничего практически не сделали. Значит они таким образом не выполнили заповедей Христа. Христос посмотрел, посмотрел и поручил это дело – создание лучшей жизни на земле – коммунистам, поэтому мы, говорит, должны их поддерживать.

Так вот, если говорить о тенденции, то в самом деле вот эта вот основная тенденция, хорошая, товарищи. Мы очень часто в атеистической литературе ругаем и вот начинается однако самое тут, раскритиковать церковь за лояльность: «Она такая, сякая, приспосабливается, она тут хитрит, она тут и т.д.». Видите, товарищи, с идеологической точки зрения, конечно это явление нежелательно. С чисто идеологической точки зрения. Но ведь с политической точки зрения – это то, что надо, собственно говоря, поддерживать и собственно поощрять. И лояльность церкви, я уже говорил, это большое наше завоевание и надо эту лояльность, собственно говоря, оберегать, сохранять и развивать. Поэтому, когда мы критикуем религию с идеологических позиций, мы должны умело критиковать их и за это, но не ругать за то, что они поддерживают нашу политику, нашу социальную программу, нашу программу мира, в этом ничего плохого нет. Я, товарищи, почему Вам об этом говорю, потому что нередко в нашей атеистической литературе встречается ругань в адрес попов, ксендзов, которые вот проповедуют модернизацию, встают на эту позицию и т.д.

Теперь есть другая тенденция, товарищи, и она проявляется здесь у Вас в Литве – это экстремизм. Экстремизм значит, в основном люди, придерживающиеся такой точки зрения, считают, что спасать сейчас религию можно только объявив войну неверию. И поэтому все, что связано с неверием, в том числе и Советская власть, и органы – это то, что надо не признавать, отрицать и в общем не считаться. Надо всеми силами, правдами и неправдами, спасать неверие. Много ли у нас таких людей? Не очень много. Но, вот я Вам говорил о нелегальной сети у нас. В основном это сектанты и мусульмане, но мусульмане – это спокойные люди. Но сектанты, сектантов у нас насчитывается примерно около 100 тыс. человек. Ну не все они однородны, нелегальные сектанты. Легальное сектантство оно лояльно, правда оно своеобразно, это даже не католики, это не православные, это не мусульмане – это особая вера, потому что, вы видимо знаете, если не знаете, я коротко скажу. Секта – это не только религиозная организация, но это и общество своеобразное, потому что туда принимают в члены и исключают оттуда. Сектанты проповедуют религию не так, как проповедуют ее католики или православные, а вся их деятельность построена на изучении Библии и толковании Библии применительно к нашим условиям, поэтому сектант – он не только верит по традиции, и вот, как говорят, является носителем религиозной психологии, но ему вбивают в мозги эту веру, он мозгами верит – это немножко другое дело. Они действуют довольно активно. Но основное сектантство легально у нас. Неле-

гально примерно 100 тыс., а легального около 400 тыс. Среди нелегальных сектантов очень много экстремистских элементов. Все вожаки сектантов – экстремисты.

Эта проблема, сказать, что очень она большая – нельзя, но что доставляет нам немало хлопот, и нельзя собственно не замечать этого – это тоже верно. Дело в том, что сейчас товарищи, все, что происходит у нас в стране на этом фронте очень интересует западные круги. И вопросы положения религии в СССР находятся под таким пристальным вниманием, под прицелом реакционных кругов, церковных и не церковных.

Тов. Чеснавичус[10] говорил здесь об идеологической борьбе и как это связывается с религией. Я немножко это дело проиллюстрирую. Сейчас за рубежом большая и малая пресса, почти ежедневно поднимает вопросы, связанные у нас с религией и верующих в СССР, критикует и наши законы и нашу действительность и хотят всех верующих и неверующих на Западе убедить, что мы антигуманное общество, что мы вот душим церковь и что с нами дело иметь нельзя и разрядки с такими людьми быть не может. И между прочим, этот аргумент выдвигается как один из самых важнейших. Когда сейчас говорят о выполнении хельсинкских соглашений, что мы седьмой раздел, третью корзину[11] мы полностью игнорируем, нарушаем и т.д. Делается это понятно для чего, но нельзя товарищи не замечать, что это делается не только для того, чтобы скомпрометировать в глазах общественности за рубежом, но и подогреть у нас религию. И небезуспешно, мы в этом отношении издержки имеем немалые. Это наше подполье оно подогревается и наши враги заинтересованы в том, чтобы это подполье существовало, чтобы экстремизм у нас здесь существовал. И последнее время этот экстремизм поднимает голову, нельзя сказать, что он разрастается, но он начинает более активно проявлять себя. Более активно, это и Вы видите. Поэтому мы сейчас ставим задачу ликвидировать подполье, легализовать всю эту нашу религиозную жизнь. Задача это нелегкая, но мы ее начали решать и решаем <не> могу сказать очень успешно, но небезуспешно. Может Вам покажется странным, но за последние три

10. Чеснавичюс Александрас (р. 1930) – партийный и советский деятель, в 1976–1988 гг. заместитель председателя СМ Литовской ССР.

11. Речь идет о так называемой «третьей корзине» Хельсинкских соглашений, которая содержала обязательства соблюдать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений. Эта часть соглашений была наиболее дискуссионна для СССР. Появление внутри СССР так называемых «Хельсинкских» групп, ратующих за выполнение правительством СССР взятых на себя обязательств в этой области, постепенно переросло в международное хельсинкское движение и было использовано в условиях холодной войны как инструмент давления на Москву. См. подробно: [Загорский 2005].

года мы вновь зарегистрировали более 150 религиозных организаций[12]. На местах считают, что эта вроде религия у нас выросла, наоборот, только показатели из одной графы перешли в другую. Раньше мы считали нелегально действующими, а сейчас они действуют легально.

Я думаю, что Вы очень хорошо знаете положение дел религии, хорошо знаете, что нелегальная деятельность – она и с идеологической и с политической точки зрения нежелательна, потому что человек, находясь под влиянием нелегально действующих фанатиков и экстремистов, он не доступен нам ни[13] для политической работы, ни для идеологической работы в смысле его перевоспитания. Наш опыт показывает, что даже секты, действующие легально, там воспроизводство верующих из числа детей верующих родителей в 3 раза меньше, чем родителей, которые связаны с нелегальными сектами.

Вот, если говорить, товарищи, коротко о нашей религиозной обстановке. Я не хотел бы, чтобы у Вас создалось такое мрачное впечатление. Все же религия у нас лояльна, религия у нас в руках, мы стараемся ее держать мягкими рукавицами, но крепко, это нам удается, за редким исключением там, где, товарищи, мы не очень правильно проводим сами нашу политику в отношении религии и церкви. И вот сейчас я хотел бы перейти к этому вопросу.

Наша политика в отношении религии и церкви имеет два аспекта – идеологический и политический. У нас очень часто, на местах, да не только на местах, понимали политику нашу в отношении религии и церкви только в плане идеологическом. Что такое политика в отношении религии и церкви? Вести борьбу и все, это главное. Это верно идеологическую, воспитательную работу надо вести, но мы иногда смешивали вот эту идеологическую работу, так понимали, что надо использовать все наши средства, в том числе и власть нам данную – дави, души и т.д. и перевоспитывать. В этом, конечно, проявлялся очень наш серьезный недостаток, серьезная недоработка в проведении политики в отношении религии и церкви, забывали политический аспект.

Церковь у нас в прошлом занимала реакционные политические позиции, поэтому действительно другой политики, как ее изолировать, сжать нельзя было представить себе. Это в первые годы Советской власти, теперь положение совершенно другое. И даже в то время, когда церковь, как политически вредный институт, органы власти вели соответствующую борьбу, всегда вопрос о свободе совести, о верующих не снимался с повестки дня, и Вы можете найти в решениях ЦК, которые поднимались по этому вопросу в течение всех 60 лет, всегда обязательно пункт: «Не оскорблять чувство верующих, не администрировать» – в любом постановлении товарищи, вот Вы возьмите,

12. О мотивах регистрации религиозных объединений Советом по делам религий см.: [Белякова 2008].

13. В тексте исправлена орфографическая ошибка.

посмотрите – это есть. К сожалению, мы часто это дело забывали, сейчас положение меняется, товарищи. Развивается у нас демократия, это естественный процесс, мы это приветствуем. Начинается процесс разрядки: Хельсинки, Берлинское соглашение – декларация коммунистических партий Европы[14], там вопрос во всех этих документах ставится определенно. Вы видимо три строчки этих документов помните и все то, что происходит у нас в стране, в смысле развития демократии, и все то, что происходит на международной арене меняет ситуацию. Ведь, если верующий стеснялся сказать, что он верующий, то сейчас он этого не стесняется. Он начинает, как у нас иногда выражаются, свои права качать. Приходит и говорит: «Ага, вот Хельсинки ты читал, а вот Берлинскую декларацию ты читал» – и мы получаем очень много писем с мест, когда и духовенство и верующие, ссылаясь на эти документы, начинают предъявлять претензии, что их обижают, их оскорбляют, их притесняют и т.д.

Сейчас, товарищи, мы в нашей политике в отношении религии и церкви ставим во главу угла вопрос о соблюдении социалистической законности в отношении верующих, в отношении церкви и духовенства. Неслучайно, товарищи, в прошлом году был принят закон в Литовской ССР «Законодательство о культах». До сих пор таких законов не было, сейчас во всех республиках эта работа проводится. Первое было сделано в Российской Федерации, вопрос этот обсуждался в июне 1975 г. в Центральном Комитете партии, были уточнены, модернизированы законы РСФСР и выпущены, и уже потом последующая работа проводилась, сейчас она почти уже завершена, во всех республиках.

Товарищи, это ведь делается не для пропаганды. Эта работа проводится по указанию Центрального Комитета партии для того, чтобы на этом фоне утвердить социалистическую законность. Ну о соблюдении законности, о соблюдении социалистической законности вообще достаточно ясно сказано в ряде выступлений Леонида Ильича Брежнева, об этом сказано в решении XXV съезда, вы все это прекрасно знаете. И в том числе наводится сейчас порядок и на этом участке. Я, товарищи, повторяю это не для пропаганды, это не декларации, это документы, это законы, которые сейчас нужно очень строго соблюдать.

В чем беда, товарищи, наша была? В том, что мы очень строго и подчас правильно и подчас неправильно требовали соблюдения законодательства от религиозных организаций, от духовенства и верующих, но абсолютно себя считали свободными от выполнения законодательств. Раньше как-то меньше

14. Скорее всего, речь идет о Совещании ПКК государств – участников Варшавского договора в Берлине 2 августа 1970 г.

издержек было, а сейчас нарушение социалистической законности в отношении религии и церкви приводит, к нежелательным явлениям, возникают конфликтные ситуации между верующими и органами власти, недовольства возбуждаются, подогреваем экстремизм, создаем беспокойство внутри у себя и даем, собственно, пищу для наших врагов за границей, чего нельзя не учитывать, товарищи. Мы сейчас более открытое общество, как Ватикан нас назвал, мы более доступны стали сейчас, и сейчас нарушение законодательства связано с наибольшими издержками, и во внутреннем и в международном плане товарищи, это вопрос большой, принципиальной политики в этой части.

Из выступлений товарищей некоторых можно было видеть, что этот односторонний подход имеется и у Вас. Мы это почувствовали год назад ровно, кое-где были почувствовали: «Ах такой-сякой ксендз, я тебе покажу». И ведь, что получается, не только ксендз, верующий чувствует у нас себя социально неполноценным человеком. Это безобразие, товарищи, безобразие. И вот эти административные меры, это вот подчас довольно мелкое администрирование, вот такие булавочные уколы вызывают справедливое недовольство верующих и духовенства, вызывают их на такие действия, которые нам нежелательны, а сообразить, принять мер каких-то мы не в состоянии, потому что закон нам этого не позволяет. Я вам скажу, что вот в целом по стране, товарищи, только за прошлый год мы отменили – Совет по делам религии отменил – шесть приговоров судебных. Терпения у людей не хватает, вот возятся, возятся, возятся, возятся с каким-то экстремистом, а он так, он кроме такой активной, чисто религиозной деятельности ничего не делает, но он делает это нелегально. Начинают судить и когда читаешь приговор, то видно, что судят за веру. А ведь за веру у нас не судят, и наказать-то не умеем подчас, не хватает у нас терпения и умения, если ж религиозник и нарушает что-то такое, то его наказать таким образом, чтобы все остальные поняли, что его наказывают не за то, что ксендз активный. Ведь вот ваши примеры, которые Вы вот здесь приводили, ведь это все связано с активностью ксендза. Ну почему мы должны запрещать ксендзу говорить: «Верьте в Бога, в этом ваше спасенье, учите детей», – ну почему он не может сказать это родителям. – «Водите детей в церковь», – нам это нежелательно – это одно дело, но ведь это он имеет право, каким законом это запрещено? Значит надо тут вести работу с церковниками, чтобы они понимали, что это вот нежелательно нам, или делали это так, чтобы не задевало нашего настроения. Вы вот улыбаетесь, товарищи, а ведь это факт, что мы иногда, пользуясь властью, хотим от ксендза больше, чем нам закон это позволяет требовать.

Дело другое: ксендз, допустим, венчает несовершеннолетних – это преступление. Ксендз организовал школу по изучению Закона Божьего и проводит систематические занятия – это незаконно, но если на богослужение пришли дети, они могут быть там. Работать надо с родителями, чтобы родители

не водили детей. Вот опять оживление в зале. Как же так, а Вы знаете, что в Белоруссии сделали? В Белоруссии, если ребенок переступает костел или церковь, то штрафуют родителей, разве это не безобразие, товарищи? И когда мы начинаем говорить об этом такой же шум, как же так… А теперь вообще поведут детей в церковь, а мы тут будем крах терпеть. Видите, мы вместо того, чтобы поработать, мы не привыкли, мы привыкли пользоваться властью. Я не буду перечислять Ваши грехи в этом отношении, у Вас они, несомненно, есть. Вот сейчас вышел закон, надо этот закон разъяснить духовенству, вот Вам повод, чтобы серьезно поговорить с ними, что они могут, что они не должны делать. И пусть это будет началом такого диалога с ними, работы с ними постоянной и сами не постесняйтесь, скажите: да мы тоже будем эти законы соблюдать. Вот это Вы можете сделать, вот делайте и т.д.

Товарищи, речь идет о том, чтобы изменить отношение к верующему и к этому самому церковнику, чтобы он себя почувствовал так полноправным гражданином, и он будет доступнее, он будет разговорчивее; и не будет экстремистам почвы для того, чтобы выступать с этими проповедями и писать за границу письма и прочее.

Вот тут приводили случаи. Вот ксендз пригласил к себе там на праздник, да в законе сказано, что приход может принять тот, кто закреплен за этим приходом – это закон. Но ведь он-то хочет пригласить на праздник, он же не приглашает для того, чтобы обряды какие-то совершать и все, а ведь молительное[15] общение у друга, для них это очень большое дело. Если формально толковать наш закон, надо его наказать за это дело, формально, но наш закон тут вступает в некоторые противоречия с канонами, и надо тут как-то посмотреть на это дело, чтобы это часто не было, а иногда они в гости друг к другу могут ходить. Будьте тут немножко сговорчивее и, если у Вас будут хорошие отношения с ксендзом, он всегда Вам скажет: «Знаете, что я хочу пригласить сегодня к себе в гости». – «Ну бог с Вами приглашайте». А то ведь как некоторые требуют, ты мне напиши бумагу, да за десять дней, да кто будет – это не те вопросы, по которым надо так вот встать и законы там проводить. Мы товарищи в письме, вот у сектантов там много этих случаев, возникает очень много проблем. Устраивают свадьбу или похороны, и приглашают своих друзей, братьев со всей страны, бывает по тысяче человек съезжаются. И вот начинают у нас гадать, а что это: сборище или богослужение под открытым небом? Иногда это они в саду устраивают. По нашим законам <за> это надо судить, наказать. Проводим с ними беседу. Молитвенное собрание под открытым небом, а какое молитвенное собрание? «А Вы свадьбу комсомольскую проводите? – проводим», «Вы похороны организуете

15. Видимо, опечатка. Должно быть: молитвенное.

массовые? – организуем», – и мы организовали. Вы поете одну песню, – а мы поем на свадьбе другую песню. Ведь, если очень строго подходить, то это не является нарушением законодательства, но это нежелательно, но это одно дело, проводите работу, чтобы этих сборищ не было, как? Я вам скажу. Вот месяц назад адвентисты в Молдавии организовали свадьбу. Поработали товарищи по линии безопасности, наши товарищи поработали, стали связываться откуда едут, из Тулы едут, из Красноярска едут, поработали, поговорили, половину людей уговорили не ехать. Свадьба была скромной, а ведь так разогнать свадьбу, ну что бы это было. И вот опять конфликт. Одни товарищи умело используют это, конечно, это не только свадьба, это общение, нам нежелательно, но все можно так вот взять палку и разогнать и запретить. Тут надо очень гибко подходить. Поэтому здесь вот говорили и о том, что там котел установили и прочее. То, что он Вас не спросил это плохо, но он видимо думал, что Вы ему не разрешите, и он решил делать по-другому. Значит виновата ситуация, которая существует у Вас там в этом самом деле. Ситуация. Если бы у Вас были добрые отношения с ксендзом, а он влияет на наших людей, надо считаться с этим и его делать добрым, работать с ним надо. Он бы тогда пришел и сказал: «Иван Иваныч: или Петр Петрович, знаете холодновато, нельзя ли там, – ну давай, мол, делай», – вот и сделал. А ведь это нарушение, формально, попробуйте теперь закон качать со своей стороны. Котел надо разрыть, выкинуть, вы восстановите против себя верующих, которые ходили, когда дни были теплые, довольны были, а потом они недовольны стали. И еще неизвестно какие будут последствия, во всяком случае настроением наших людей надо дорожить и недовольство не надо возбуждать, несмотря на то, что это и верующие люди. Поэтому, товарищи, мы очень сейчас большое значение придаем воспитательной работе с духовенством. Я в прошлом году, когда здесь был, стал говорить об этом, и некоторые товарищи так удивлялись: как же так, что это такое, с попом да работать. Вы вот уже опыт имеете, вы начинаете сейчас эту работу проводить и вы чувствуете, что так немножко меняется настроение у тех людей, которые правильно на это откликаются. Но это экстремистам не нравится, потому что из-под них уходит почва. Советская власть вроде теперь не притесняет, а раз не притесняет, то экстремистам делать нечего. Интересная вещь с сектантами получается. Нелегальные сектанты, когда начинаешь с ними вести работу по легализации, они говорят: хорошо, а как же мы будем тогда спасаться, ведь, если нет гонения, то нет спасения у сектантов. Так будет у ваших экстремистов, почва из-под ног будет уходить. Товарищи, эта работа не дает результатов сию минуту, это надо медленно, последовательно проводить такую работу,

чтобы укреплять лояльность духовенства, добиваться, чтобы верующие чувствовали себя исключительными людьми. Вот ваш главный Владукас-епископ[16], прошлый раз, когда мы были, он мне так вроде откровенно говорит, что знаете, тов. Макарцев, Вы знаете у нас существует такая поговорка: «Если хочешь насолить директору, сходи в костел». Если значит человек верующий, значит он какой-то такой на подозрении находится, но как же может себя чувствовать такой человек верующий в нашем обществе, конечно таким каким-то духовно неполноценным, духовно прокаженным, что на него обязательно смотрят так косо, что он даже в костел пошел. Часто прорабатывают за обряды. Я не знаю, как у Вас это делают, но ведь во многих местах и у Вас тоже есть, покрестил там или какой-то обряд сделал, но он интеллигентный и вот начинают его на собрании прорабатывать, может быть ему стыдно, но ведь Вы учтите, что у него много сторонников появляется среди остальных. Что такое, а он что не имеет права? Вот эта проработка беспартийных, но полуверующих на открытых собраниях или какие-то административные меры к ним или общественные меры принимают, это тоже неправильно. Надо уметь работать с ними, поговорить, выяснить, но без такого административного надира.

Можно было бы много перечислить фактов, которые свидетельствуют о том, что у нас как-то сложилось неправильное отношение к этим самым людям, что мы все вот можем, И даже комиссии содействия. Я однажды убедился. Это хорошее дело, что все шаги наших церковников известны комиссии содействия, мы ценим такую работу, но ведь, когда приходит этот член комиссии в костел, то он начинает чувствовать себя хозяином. Это уже залезает не туда куда надо, начинает это задевать церковный актив и начинает на него коситься и недовольство возникает. Я не знаю, какие Вы тут финансовые ревизии делаете, товарищи, но ведь по закону Вы же не имеете права ревизию финансово-хозяйственной деятельности делать. Ведь это надо так деликатно делать, чтобы они не заметили, что Вы там ищете что-то. А как это делается? Финансовый орган проверяет правильность, определяет доход, налог – и загляни во все остальные данные, и все. А то ведь я пришел, я член комиссии, я сделаю ревизию. Какое право вы имеете ревизию делать? Никакого.

16. Мы предполагаем, что так Макарцев называет епископа Сладкевичуса, который был невысокого роста. Винцентас Сладкевичус (1920–2000) – католический священник, с 1988 – кардинал; после того, когда в 1957 в Литве тайно был рукоположен в сан епископа, выселен из Каунаса в отдаленное местечко Немунелио Радвилишкис, где проживал под наблюдением КГБ в 1959–1976, позднее переселен в Пабирже. В 1982–1989 – апостольской администратор епархии Кайшядорис.

Видите, товарищи, я знаю, что мое выступление, что вот такая постановка вопросов, вызовет у вас большие дебаты, большие разговоры. Но, товарищи, я хочу, чтобы вы поверили мне, что так надо делать. Если и вы и дальше будете проводить законодательство односторонне, если и дальше будете закручивать гайки, экстремистов будет у вас больше, обстановка будет сложнее и верующие у вас будут сокращаться медленнее.

Если вы хотите данные, я вам могу привести. Мы знаем обстановку в каждой республике и примерно наблюдаем, какие процессы происходят. Там, где спокойно, там, где нет административного зуда, там и успешнее идет атеистическая работа. Поэтому товарищи, одним из существенных условий для успешного проведения воспитательной и идеологической работы является сейчас соблюдение законодательства о культах всеми, кто имеет к этому отношение. И я прошу вас иметь в виду, что это отнюдь не значит, что мы должны ослабить контроль, ослабить требования к церковникам, а наоборот, наша объективная линия, наша объективное поведение, строгое соблюдение законодательства позволит нам с них спрашивать больше.

Еще раз хочу вернуться к вопросу о воспитательной работе с духовенством. Форм здесь очень много. Работа эта не очень легкая, не всегда она и очень приятная, но работать надо. Я не исключаю товарищи, что кого-то надо и наказать, не исключаю. Не исключаю, что кого-то надо и засудить, но исключение должно быть и уж так, чтобы другим было неповадно, что вот наказывают у нас не за веру, а за то, что не соблюдается законодательство о культах.

Мы, товарищи, очень много жалоб получаем от ваших экстремистов. Но ведь там в каждой жалобе есть за что зацепиться, и вот начинает наворачивать. Там 5% правда, а 95% неправды, а поводом было вот эти 5% правды. Надо, чтобы этого не было.

Форм может быть много. Вот в Эстонии, здесь она недалеко от вас, очень серьезно занимаются вопросами работы с духовенством. Там даже палку перегнули, там даже пришлось поправить. Организовали что-то вроде института марксизма-ленинизма для духовенства, программу составили, даже предусмотрели диплом выдавать, ну пришлось поправить, товарищи. Но каждый работник, который имеет отношение к этому делу, должен всегда постоянно общаться, контакты поддерживать в таком доброжелательном плане, чтобы они к Вам с уважением относились, с доверием, а Вы иногда с пониманием должны относиться к ним. Не всегда, товарищи, я не призываю Вас много делать попустительств, но иногда надо быть и гибким. И если ксендз или поп попросит в гости кого-нибудь пригласить, да бог с ним, пусть приедет и там помолится, но так, чтобы это тоже использовать, чтобы он лучше себя вел, отплатил за доброе ваше отношение.

Теперь, товарищи, коротко о Ватикане. Я не знаю, вы, может быть, много уже знаете о Ватикане, но я постараюсь за 10–12 минут уложиться. Что такое Ватикан, видимо, вам не надо рассказывать, товарищи. Ватикан и государство, и Ватикан – это церковь. Государство Ватикан, как об этом говорит их устав и заявления официальные и неофициальные, оно постольку, поскольку это необходимо Риму, – Ватикану как центру, укреплять свои позиции религиозные, позиции церкви, никаких других функций Ватикан не имеет. У нас очень часто не понимают этого и говорят, что Ватикан – это тоже государство. Мы с любым буржуазным государством поддерживаем связи, отношения, вплоть до того дипломатические, соглашения всякие, а почему с Ватиканом таких отношений не можем иметь – с государством Ватикан? Дело в том, что государство Ватикан особого рода и оно существует только для того, чтобы укреплять позиции церкви там, где она есть. И естественно у нас очень серьезно вставал вопрос о дипломатических отношениях с Ватиканом, обсуждался серьезно, лет так 12 назад. Мы были, можно тут откровенно говорить, на грани заключения дипломатических отношений, это я по секрету Вам говорю, очень остро вопрос стоял, слава богу это не произошло, потому что установить отношения дипломатические с Ватиканом, – это значит признать право Ватикана на руководство и управление, на подогревание всего, что связано с активизацией жизни у нас в католической церкви в СССР. Это не только сказалось бы на католической церкви, это аукнулось бы и на других религиях, потому что: почему это к католикам такое отношение, а к православным и другим иное.

Ватикан – хоть имеет специфическую функцию как государство в силу того, что он называется государством и потому, что он является центром, довольно крупным, христианской религии, имеет большое влияние на формирование общественного мнения. Не случайно, товарищи, когда государственные деятели едут в Рим, то делают визиты Папе. И даже Подгорный[17] дважды был, Громыко[18] дважды был в Ватикане и дважды был с визитами у Папы. Мы, учитываем значение, вес Ватикана для формирования общественного мнения, конечно, он не определяет, но имеет значение, мы не заинтересованы ссориться с Ватиканом, мы заинтересованы поддерживать с ним отношения нормальные, хорошие отношения, но только по тем вопросам, по которым

17. Подгорный Николай Викторович (1903–1983), в 1965–1977 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1967 г. посещал Италию и был с официальным визитом в Ватикане.

18. Громыко Андрей Андреевич (1909–1989), в 1957–1985 гг. – министр иностранных дел СССР. Первая встреча А.А. Громыко с Папой Павлом VI состоялась в 1965 г., затем во время визитов в качестве министра иностранных дел СССР в Италию он встречался с Папой в 1966, 1967, 1970, 1975 гг.

есть смысл поддерживать эти хорошие отношения. Если допустим, решается какая-то международная проблема и Ватикан начинает по позиции в данном вопросе приближаться к нашей, почему с ним не вступить в диалог? И вот, когда готовилось Европейское совещание, то довольно активные контакты были с Ватиканом по этим вопросам. Он в процессе подготовки этого совещания по ряду вопросов приближался к нашим позициям, и это имело некоторое значение. Обсуждаются с ним и другие вопросы международного плана, и мы стараемся, я не могу сказать хорошие, но более-менее нормальные контакты для того, чтобы подталкивать Ватикан на более активные шаги к реалистическому пониманию этих международных проблем. Эти контакты идут по государственной линии, они имели место, и сейчас они имеют место, но активными их назвать нельзя.

Ватикан, товарищи, очень заинтересован, это его основная политика сейчас в отношении социалистических стран, так поладить с нами, так нормализовать отношения с нами, чтобы непременно довести дело до заключения дипломатических отношений и поэтому он оказывается идет на сотрудничество с нами по международным вопросам. Вот когда Казароли[19] в 1973 г. мы принимали в Совете, это был первый официальный контакт по церковным вопросам с Ватиканом. Казароли прямо нам сказал: «Если бы вы приняли предложения Ватикана, касающиеся католической церкви, (а они сводились к чему: увеличить количество костелов, увеличить количество епархий, установить представительство Ватикана в любой форме в Москве), если вы это поддержите, то мы еще более активно будем поддерживать Вашу политику». Значит, таким образом поддерживает нас или начинает сотрудничать с нами по некоторым проблемам международной политики, как плата за то, что он может что-то у нас сделать в отношении католической церкви. Разговор был довольно длинный и довольно тяжелый, наша позиция не очень была канонична, но мы говорили Казароли, что по вопросам защиты Мира мы будем с Вами сотрудничать, но что касается положения церкви в СССР, то извините, мы не можем допустить изменения сложившегося у нас порядка – жить без вмешательства Ватикана. Почти буквально так было сказано. Он нажимал на свои права, что вот церковь и Папа имеют такие права в отношении католиков, а мы говорим, что у нас сложилась за 50 лет такая практика, что верующие не испытывают, что у нас нет епархий, нет того, нет того (он доби-

19. Речь здесь и далее идет об Агустино Казароли (1914–1998). С начала 1960-х годов принимал активное участие в реализации так называемой восточной политики (Ostpolitik) Ватикана, направленной на нормализацию отношений с властями социалистических стран. С 1967 г. занимал должность секретаря Совета по общественным делам церкви. С 1971 г. неоднократно посещал СССР для переговоров с представителями Советского правительства.

вался даже восстановления епархии в Москве) свою внутреннюю жизнь регулируют у нас епископы, которые есть, а если требуется какая-то санкция Ватикана, то сами епископы спросят у Папы. Мы определенно намекали, что ни на какие контакты с Ватиканом по вопросам регулирования у нас католической церкви не пойдем и не согласимся.

Ватикан спит и видит вступить с нами в эти контакты. Недавно, месяц назад опять постучался, вот мы хотели бы тут кое-какие у вас принять решения, что касается кадровых вопросов, но мы, мол, не хотим делать это через голову Советского Правительства, поэтому разрешите, пожалуйста, приехать к Вам или, пожалуйста, к нам приезжайте и чтобы договорились. Мы опять ответили довольно деликатно, что если в этом нужда будет, то к Вам обратится руководство католической церкви Литвы.

Нам с вами по этому вопросу разговаривать не о чем. Не знаю правы мы были или неправы, но я думаю, что это правильно. Мы делаем все для того, чтобы воспрепятствовать непосредственному вмешательству Ватикана во внутреннюю жизнь нашей католической церкви, в руководство, в решение вопросов, связанных с руководством этой церкви. Ватикан недоволен этим. У нас существует соглашение примерно о такой же позиции между всеми социалистическими странами, включая Польшу, ГДР, Чехословакию, Венгрию, Болгарию и Румынию. Так он начал пробиваться отдельно к Польше, отдельно к Чехословакии, отдельно к Венгрии, хочет вбить тут клин. Но у нас есть зафиксированное протоколом соглашение, что вопросы установления контактов с Ватиканом – это общие вопросы социалистического лагеря и они осуществляются, во-первых, при совместной, взаимной информации и если это связано с кардинальным изменением курса, то это надо согласовывать со всеми социалистическими странами, подписавшими этот протокол. Но тем не менее ему удалось установить рабочие контакты с Ватиканом, поляки тут немножко отошли в сторону. Они установили так называемые рабочие контакты с Ватиканом. В польском Посольстве в Риме сидят три человека, один в ранге министра, который осуществляет контакты с Ватиканом, а в Польшу – Подш[20], вы видимо знаете эту фамилию, слышали – это один из архиепископов католических, который время от времени ездит в Польшу и осуществляет контакты с польским правительством.

Не так давно Казароли в беседе с представителями нашего Посольства говорит, как здорово получается у нас с Польшей, мы надеемся, что скоро эти

20. Речь идет о Поджи Луиджи (Luigi Poggi, 1917–2010), ватиканском дипломате, титулярном архиепископе, кардинале с 1994 г. В 1960-е годы он был апостольским нунцием в странах Африки и Латинской Америки. С 1973 г. исполнял обязанности нунция с особыми полномочиями в отношении Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии.

рабочие контакты получат дальнейшее развитие и, мол, очень хорошо, что Советский Союз не препятствует развитию этих контактов (он знает, видимо, о нашем общем соглашении). Вопрос этот большой, но пока нам удается проводить эту линию, нажим мы испытываем большой и в связи с тем, что оказались несговорчивыми в прошлом году вдруг появляется в одной из немецких газет такая заметка, что с Советским Союзом у Ватикана туго дело идет, но Ватикан умеет ждать и мы подождем, когда подойдет смена караула, придет новое правительство, будет другая политика.

Товарищи, смысл политики, Восточной политики, Ватикана состоит в том, чтобы настолько нормализовать отношения Ватикана, как они образно говорят, настолько приблизить социалистические страны, чтобы так мягко их прижать и чтобы они не почувствовали, когда они станут совсем не социалистами – это однообразное выражение одного крупного специалиста Ватикана по вопросам Восточной политики. Товарищи у Ватикана есть политика, которая проводится открыто и политика, которая проводится закрыто. У Ватикана, чтобы он ни говорил, любая антисоветская акция, которую он может поддержать у нас внутри страны, он это делает, и экстремизм – это его главный пунктик, что он может и будет поддерживать любыми формами. Чтобы не показаться, что он какую-то антисоветскую линию проводит, он поощряет и некоторые заявления реалистического плана. Ватикан заявления терпит, но Ватикан не хочет и делает все, чтобы католическая церковь активно не поддерживала нашу внутреннюю и внешнюю политику. Если говорит надо, то пожалуйста, это делают прогрессивные деятели Бельгии, Голландии, а чтобы ксендзы, церковь Польши, Советского Союза, тут она была бы резервом, на который всегда можно было рассчитывать.

Мы это все дело учитываем и все проблемы, которые сейчас связаны с католической церковью Литвы, решаем, исходя из того, чтобы поменьше допустить Ватикан до наших внутренних дел. До сих пор нам это удавалось, я думаю, что дальше сложнее будет, но по мере развития лояльности наших церковников, Ватикану труднее будет делать свои гнусные дела.

Товарищи, хочу вас предупредить об одном: стало известно, что Ватикан, разочаровавшись в своей надежде что-то в ближайшее время получить от нас, в смысле осуществления своих планов, связанных с католической церковью у нас в стране, готовит акции антисоциалистического плана в таком направлении, как использовать хельсинкское соглашение для того, чтобы открыто на международных трибунах, в печати и всеми другими путями активно сейчас выступить против притеснения, против гонения католических церквей. Советский Союз не называется, а там где они притесняются. С их точки зрения, мы конечно у себя очень притесняем эту церковь. Видимо, товарищи, надо ожидать, что в ближайшее время эта реакционная, антисоциалистическая, антисоветская деятельность будет активизироваться, и нам надо быть

готовыми, чтобы отражать эти атаки, ну и естественно не давать повода Ватикану нападать на нас.

Я прошу прощения за то, что мог схематически изложить вам о Ватикане, но для этого надо не 15 минут, а минимум 40 минут. Если будут вопросы, я готов ответить не только по Ватикану, но и по всем другим. Заканчивая, товарищи, я хочу вам сказать, хотелось, чтобы Вы все нас правильно поняли. Мы Вас призываем к такой терпеливой работе, к строжайшему соблюдению законодательства самими, церковниками, наводить порядок – это называют несколько иным подходом, но если Вам так угодно называйте иным подходом, но это неизбежно, это надо делать.

Тов. Куолялис[21]

Благодарим Петра Власовича за такое откровенное сообщение. Правда, мы к Ватикану тоже свою еще определенную претензию имеем, кроме всех. Они наряду с тем, что занимаются вопросами религии, они занимаются прямым оскорблением наших активистов и пользуются тем, что, когда любой человек, враждебно настроенный, уезжает из Советской Литвы, предоставляют ему прежде всего радио, и уже эти выступления не носят никакого религиозного характера, это уже прямые антисоветские выступления. Может быть при каких-то контактах им нужно внушить, что они занимаются не этим делом.

Тов. Макарцев

Вы знаете, товарищи, когда выступают церковники и нас начинают поносить как атеистов и как деятелей политических, критиковать нашу политику, но у нас есть такой порядок, такой закон, мы не допускаем оскорбления чувств верующих, у нас даже наказываются люди за это дело, и когда существуют нормальные отношения, то будьте любезны не оскорбляйте и чувств атеистов. Вот эти явные проповеди, которые имеют направленность, Вы можете в работе с духовенством так ставить вопрос: мы все делаем, чтобы не оскорблять чувств верующих, и Вы будьте любезны не оскорбляйте. Вы находитесь тут как верующие, в более выгодном положении. У нас есть статья в Уголовном кодексе за ущемление прав верующих, за оскорбление и прочее привлекать к ответственности, а атеистов не защищает Закон в этом отношении.

Теперь на Ваш вопрос. Мы сейчас, когда с Ватиканом имеем дело, всегда подкидываем ему этих ежей, если, мол, хотите с нами этого по-хорошему, то, пожалуйста, не делайте, а они говорят, ну ведь Вы знаете, что Ватикан – это

21. Куолялис Юозас (1930–2017) – партийный деятель Литовской ССР, с 1972 г. руководил отделом агитации и пропаганды ЦК компартии Литвы.

такая организация, это не Ватикан, а это вот пресса ватиканская, ну хорошо мы как-нибудь, в общем, но имейте в виду, что мы не можем молчать, когда нарушается то-то, то-то. Надо сказать нам удается это делать и в том числе через церковников, которые едут туда, мы каждый раз их настраиваем, что имейте в виду, если хотите, чтобы на нас там не жали, Вы, пожалуйста, этим делом не занимайтесь, и это очень доходит до Ватикана. Когда церковник говорит, что мне легче там дышать будет, если вы плевать в нашу республику не будете. Они вам пообещают и нам обещают, немножко утихают, а борьба продолжается.

2 февраля 1977 г. расшифровала Лебедева

(ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 44–66. Подлинник. Машинопись)

Библиография

Белякова Н.А. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 124–130.

Белякова Н.А. «Сообщаем о преступлении против правосудия…»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 640–658.

Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130–149.

Ведомости Верховного Совета Литовской ССР. 1976. № 22. Ст. 191.

Загорский А.В. Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991 гг. М.: Права человека, 2005. 447 с.

Из отчета Совета по делам религий // Вестник РХД. 1979. IV. № 130. С. 275–344.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под ред. А.К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. 687 с.

Кривова Н.А., Сигачев Ю.В., Чернобаев А.А. Религии и церкви в СССР. Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 137–144.

Кривова Н.А., Сигачев Ю.В., Чернобаев А.А. Религии и церкви в СССР. Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 г. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 90–126.

Люрман С. Что мы можем знать о религиозности советского периода? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 485–504.

Савин А.И. Нелегальная деятельность евангельских общин и практики власти в позднем СССР (1960–1980-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 7 (71). URL: http://history.jes.su/s207987840002374-0-1 (Дата обращения: 21.01. 2019.)

Beljakova N., Bremer Th., Kunter K. «Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konflikt Geschichte. Berlin; Herder Verlag, 2016. 256 S.

Jungraitmayr M. Der Staat und die Katholische Kirche in Litauen seit dem Ende des Zweiten Weltkrieges. Berlin: Duncker & Humblot, 2002. 425 S.

Stehle H. Geheimdiplomatie im Vatikan. Die Päpste und die Kommunisten. Zürich: Benziger, 1993. 439 S.

References

Beljakova N.A. «Soobshhaem o prestuplenii protiv pravosudija…»: obrashhenija i zhaloby verujushhih v brezhnevskom USSR. Novejshaja istorija Rossii. 2018. Vol. 8. No 3. P. 640–658.

Beljakova N., Bremer Th., Kunter K. «Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konflikt Geschichte. Berlin; Herder Verlag, 2016. 256 S.

Beljakova N.A. Vlast' i religioznye ob'edinenija v «pozdnem» SSSR: problema registracii. Otechestvennaja istorija. 2008. No 4. P. 124–130.

Beljakova N.A., Pivovarov N.Ju. Religioznaja diplomatija na sluzhbe sovetskogo gosudarstva v gody holodnoj vojny (v period N.S. Hrushheva i L.I. Brezhneva). Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2018. Vol. 11. No 4. P. 130–149.

Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teorija, metodologija i praktika. Pod red. A.K. Sokolova. Moscow: Vysshaja shkola, 2004. 687 p.

Iz otcheta Soveta po delam religij. Vestnik RHD. 1979. IV. No 130. P. 275–344.

Jungraitmayr M. Der Staat und die Katholische Kirche in Litauen seit dem Ende des Zweiten Weltkrieges. Berlin: Duncker & Humblot, 2002. 425 S.

Krivova N.A., Sigachev Ju.V., Chernobaev A.A. Religii i cerkvi v SSSR. Statisticheskij otchet Soveta po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR za 1984 g. Istoricheskij arhiv. 1993. No 1. P. 137–144.

Krivova N.A., Sigachev Ju.V., Chernobaev A.A. Religii i cerkvi v SSSR. Statisticheskij otchet Soveta po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR za 1984 g. Istoricheskij arhiv. 1993. No 2. P. 90–126.

Ljurman S. Chto my mozhem znat' o religioznosti sovetskogo perioda? (Sopostavlenie arhivnyh i ustnyh istochnikov iz poslevoennogo Povolzh'ja). Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. No 3–4 (30). P. 485–504.

Savin A.I. Nelegal'naja dejatel'nost' evangel'skih obshhin i praktiki vlasti v pozdnem SSSR (1960–1980-e gg.). Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». 2018. Vol. 9. Iss. 7 (71). URL: http://history.jes.su/s207987840002374-0-1 (Date of access: 21.01.2019.)

Stehle H. Geheimdiplomatie im Vatikan. Die Päpste und die Kommunisten. Zürich: Benziger, 1993. 439 S.

Vedomosti Verhovnogo Soveta Litovskoj SSR. 1976. No 22. St. 191.

Zagorskij A.V. Hel'sinkskij process: peregovory v ramkah Soveshhanija po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991 gg. Moscow: Prava cheloveka, 2005. 447 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.08

В.В. Прудская

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Б.Н. ЕЛЬЦИНА И В.В. ПУТИНА

Аннотация. *После распада СССР Россия и Европейский союз пережили немало кризисов во взаимоотношениях. Изменения в российской внешней политике в отношении ЕС – частое явление. Европейское направление не сразу стало одним из важнейших внешнеполитических приоритетов новой России. Оно развивалось под влиянием сложного набора факторов. В 90-х годах XX в. у российских политиков были слишком большие надежды на быстрое вступление в Европейский союз. Однако постепенно эти иллюзии исчезали, а российская политика приобретала все более прагматичный характер.*

У Б.Н. Ельцина и В.В. Путина были разные подходы к диалогу с Западом. Каждый в начале своего срока президентства считался вестником кардинальных изменений в России. Но имиджи президентов и подходы к ведению российской внешней политики сильно отличались.

В статье анализируются и сравниваются политические аспекты российской внешней политики в отношении Европейского союза в периоды правления Бориса Ельцина (1991–1999) и Владимира Путина (2000–2008). В рамках исследований была поставлена следующая гипотеза: во времена президентства Бориса Ельцина и Владимира Путина подходы к Евросоюзу во внешней политике России значительно отличались. Одна из основных целей статьи – поиск ответов на следующие вопросы: как Европейский союз воспринимался в России во время правлений Бориса Ельцина и Владимира Путина? Чем отличалась внешняя политика в отношении ЕС, проводимая Владимиром Путиным, от внешней политики Бориса Ельцина? В ходе анализа были использованы исторический метод, анализ типа Desk Research, компаративный метод.

Ключевые слова: *внешняя политика; отношения России и ЕС; Соглашение о партнерстве и сотрудничестве; СПС; Борис Ельцин; Владимир Путин.*

Прудская Валентина Васильевна – магистр, аспирант
Факультета политических наук и международных исследований
Варшавского университета (Uniwersytet Warszawski),
член Польского общества европейских исследований.
E-mail: v.prudskaya@gmail.com

V.V. Prudskaya. Policy of the Russian Federation Towards the EU During the Presidencies of Boris Yeltsin and Vladimir Putin

Abstract. *Since the collapse of the USSR, the relationships between Russia and the European Union have experienced many crises. Changes in Russian foreign policy towards the EU have become frequent. The European direction did not immediately become one of the most important foreign policy priorities of the new Russia. It developed under the influence of a complex set of factors. Many Russian politicians were excessively hopeful in the 1990s for a quick admission in the EU. However, with these illusions gradually disappearing Russian politics were becoming more and more pragmatic.*

Boris Yeltsin and Vladimir Putin had different approaches to keeping up the dialogue with the West. At the beginning of their presidency each of them was regarded a herald of cardinal changes in Russia. But their image and approach to conducting Russian foreign policy were very different.

The article analyzes and compares the main political aspects of Russian foreign policy towards the European Union during the presidencies of Boris Yeltsin (1991–1999) and Vladimir Putin (2000–2008). As part of the research, the following hypothesis was set: during the presidencies of Boris Yeltsin and Vladimir Putin, approaches to the European Union in Russian foreign policy were significantly different. One of the main goals of the article is to find answers to the following questions: how was the European Union perceived in Russia during the presidencies of Boris Yeltsin and Vladimir Putin? What was the difference between the foreign policy towards the EU, pursued by Vladimir Putin, and the foreign policy of Boris Yeltsin? The following scientific methods were used: historical method, Desk Research type analysis, comparative method.

Keywords: *foreign policy; EU – Russia relations; Partnership and Cooperation Agreement; PCA; Boris Yeltsin; Vladimir Putin.*

Prudskaya Valentina Vasil'evna – Master degree, PhD student,
Faculty of Political Science and International Studies,
University of Warsaw, Member of Polish Society
for European Studies. E-mail: v.prudskaya@gmail.com

Введение

Отношения между Российской Федерацией (РФ) и Европейским союзом (ЕС, Евросоюз) никогда не были легкими. Впервые они были официально установлены 24 июня 1994 г., после подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Установление этих отношений было обусловлено, в частности, не только региональными, но и глобальными амбициями и стремлением играть решающую роль на континенте, а также экономическими потребностями – спросом европейских стран на российские энергоресурсы [Stankiewicz 2008, с. 147] и потребностями России в европейских технологиях.

Б.Н. Ельцин и В.В. Путин, каждый в начале своего срока президентства, считались вестниками кардинальных изменений в России, но их имиджи

сильно различались. Первый президент России позиционировал себя как либерал и демократ, благодаря которому Россия начнет походить на западные страны. В свою очередь, его преемник воспринимается как защитник российских интересов, стремящий восстановить достоинство государства и обеспечить его процветание. Политики также отличались своим подходом к методам реализации российской внешней политики.

Проблемы в отношениях России и ЕС анализируются экспертами всего мира. Этот вопрос поднимается во время научных конференций, в дискуссиях и в различных публикациях. В российских и зарубежных научных работах чаще всего анализируются вопросы энергетического сотрудничества, влияния России на страны Центральной и Восточной Европы. После начала украинского кризиса особый интерес представляет собой роль Украины в отношениях России и ЕС. К сожалению, существует немного публикаций, сравнивающих различные подходы в российской внешней политике по отношению к ЕС.

Цель статьи – проанализировать и сравнить основные политические аспекты российской внешней политики в отношении Европейского союза в периоды правления Бориса Ельцина и Владимира Путина. Проанализировано два периода: период президентства Бориса Ельцина – 1991–1999 гг.; период президентства Путина – 2000–2008 гг. В рамках проведенных исследований третий срок полномочий Владимира Путина не был учтен в связи с серьезными изменениями в российской политике, которые произошли во время и после президентства Дмитрия Медведева. Новая российская политическая стратегия в отношении Запада заслуживает отдельного исследования.

В рамках исследования автор пришел к выводу, что во времена президентства Бориса Ельцина и Владимира Путина подходы к Евросоюзу во внешней политике России значительно отличались. Были поставлены следующие вопросы: как Европейский союз воспринимался в России во время правления Бориса Ельцина и Владимира Путина? Чем отличалась внешняя политика в отношении ЕС, проводимая Владимиром Путиным, от внешней политики Бориса Ельцина?

Отношения Российской Федерации с Европейским союзом во время президентства Бориса Ельцина (1991–1999)

В 90-х годах XX в. в России возникали и исчезали институты власти, появлялись новые рабочие места для новой политической элиты. Главной причиной таких изменений была идеологическая борьба между консерваторами и реформаторами. Не менее важной была личная вражда между Михаилом Горбачёвым и Борисом Ельциным. Новый президент России хотел избавиться

от людей, которых привел к власти бывший президент Советского Союза (СССР) [Крыштановская 2005, с. 186–187]. Частые изменения в российском правительстве, несомненно, оказали серьезное влияние на направления внутренней и внешней политики России[1].

Во время правления Бориса Ельцина российскую внешнюю политику можно разделить на два периода. Первый в основном был связан с именем Андрея Козырева, первого министра иностранных дел России. В начале 90-х годов считалось, что после распада СССР наибольшую опасность для России представляет ее политическая и экономическая изоляция на международной арене. Поэтому целью российской дипломатии была «интеграция в систему международных институтов, господствующих на Западе». На практике же Россия стремилась углубить отношения с Соединенными Штатами Америки (США) [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 122].

Пограничным моментом был 1996 г., когда Евгения Примакова назначили министром иностранных дел РФ. В период его пребывания в должности преобладало мнение, что современный мир движется к многополярности, а Россия должна стать одним из его центров, который будет вести переговоры с другими игроками на международной арене на равных правах. В то же время во внешней политике России особое значение придавалось энергетическому фактору [Худолей 2009, с. 49–50].

После распада Советского Союза Россия и Европейская комиссия (ЕК) решили сохранить в силе Соглашение о торговле и сотрудничестве с Европейскими сообществами, заключенное в 1989 г., и начать работу над новым документом [Худолей 2009, с. 51–52]. Россия заявила о своей готовности вернуться в демократическую «семью народов». Российские власти взяли курс на интеграцию с европейскими международными организациями. Одна из основных целей России заключалась в подписании договора с Европейским союзом [Bodio 2005, с. 29].

В 1992 г. были начаты переговоры о подготовке нового соглашения. В декабре 1993 г. в Брюсселе была подписана Совместная политическая декларация о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским союзом. В этом документе содержались основные положения будущего соглашения [Bodio 2005, с. 30–31].

1. Первое российское правительство во главе с Егором Гайдаром оставалось у власти только один год. В 1992 г. из 34 членов правительства осталось всего два человека. Во времена правления Бориса Ельцина впервые в России нарушилась непрерывность поколения политических элит и иерархия среди чиновников. К власти приходили молодые люди, часто не имеющие какого-либо опыта в политике [Крыштановская 2005, с. 187–188].

Соглашения о партнерстве и сотрудничестве обычно находятся на низком уровне иерархии международных соглашений, заключаемых ЕС с другими странами. Но соглашение с Россией является документом, выделяющимся среди других подобных с учетом того, что оно предполагало широкий политический диалог. Соглашение должно было сыграть важную роль в интеграции РФ и ЕС, а также подтвердить и укрепить особую ценность отношений России с ЕС [Stankiewicz 2008, с. 150].

Подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) состоялось на острове Корфу (Греция) в июне 1994 г. СПС стало основным документом, регулирующим отношения между Россией и ЕС. Соглашение было заключено на десять лет. Согласно СПС, взаимное сотрудничество России и Евросоюза должно было проводиться в трех основных областях: торговой, экономической и культурной. Были также заложены институциональные основы для политического диалога: встречи на высшем уровне и специальные комитеты на уровне министров и парламентов. Однако такое препятствие, как начало войны в Чечне, которая имела тяжелые последствия для Российского государства как во внутренней, так и во внешней политике, отложило процесс ратификации СПС странами Евросоюза до 1 декабря 1997 г. [Внешняя политика 2013, с. 233].

Инициатива по установлению диалога все время исходила от Европейского союза. Политика России в отношении ЕС в то время характеризовалась отсутствием какой-либо стратегии. Россия строила отношения отдельно с каждым государством – членом Евросоюза. Российские власти долгое время были убеждены в том, что большинство проблем между Россией и ЕС могут быть решены быстро и легко во время отдельных встреч с главами государств-членов [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 122].

Новый этап в российской внешней политике начался с назначения Евгения Примакова на пост главы МИД РФ. Главной целью российской дипломатии в этот период было укрепление двусторонних отношений с региональными лидерами, такими как Индия, Китай и ЕС. После того как в конце 90-х годов произошли серьезные кризисы (экономический кризис в России в 1998 г., косовский кризис в 1999 г.), Россия стала видеть в ЕС потенциального «союзника» в рамках глобальной конкуренции с США [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 123–124].

Следует отметить, что на декларативном уровне Борис Ельцин часто заявлял о готовности присоединения России к ЕС. Однако форма реального сотрудничества между ними и его дальнейшие перспективы имели весьма ограниченный характер. Присоединение России к ЕС не имело бы никакого значения само по себе: оно должно было быть связано с установлением новых доверительных отношений с НАТО [Дубнов 1993]. Кроме того, между российскими политиками не было согласия относительно ви́дения будущих

отношений между Россией и ЕС. Во второй половине 1990-х годов в российском политическом дискурсе стали доминировать как требования тесной интеграции с ЕС, так и лозунги об избавлении от доминирования Запада в мировой политике [Ćwierk-Karpowicz 2007, c. 124].

Формирование суждений, авторы которых выступали против дальнейшего развития взаимного сотрудничества с ЕС, было обусловлено несколькими причинами. Прежде всего, это финансовые проблемы, с которыми столкнулись российские граждане. Также одной из причин была слабость государства в борьбе с коррупцией и организованной преступностью. На изменения в позиции по отношению к ЕС повлияло отсутствие серьезной экономической помощи со стороны Запада. В связи со всем этим изменился вектор общественного мнения. Все больше и больше политиков и экспертов высказывались в пользу того, что Россия должна идти своим путем исторического развития, а не следовать западным стандартам [Мирошников 2014, с. 40].

Российским властям было трудно принять перспективу дальнейшего территориального расширения ЕС: они опасались продвижения Евросоюза на Восток. Тем не менее изначально в России существовала точка зрения, поддерживающая такое решение, указывающая на возможные экономические выгоды для России. Например, в декабре 1997 г. пресс-секретарь МИД РФ в своем комментарии относительно возможного расширения ЕС, в частности на балтийские государства – бывшие республики СССР, высказал мнение, что «этот факт поможет улучшить положение российского меньшинства в этих странах». Вскоре, однако, начали преобладать голоса, выступающие против расширения ЕС на Восток и подсчитывающие те потери, которые понесет Россия [Ćwierk-Karpowicz 2007, c. 125].

22 октября 1999 г. российская делегация на саммите в Хельсинки представила свое ви́дение партнерства с Евросоюзом. Документ *С*тратегия развития отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.) был в некотором роде ответом на Общую стратегию ЕС в отношении России, представленную в июне в Кёльне на саммите Совета ЕС. Это была первая попытка Москвы сформулировать единую политику в отношении Евросоюза. В российской стратегии основное внимание уделялось достижению геополитических целей и укреплению позиций России в качестве региональной державы. Однако, по сути, в этом документе отрицалась возможность членства или тесного сотрудничества между Россией и ЕС. Россия также категорически поставила под сомнение право Евросоюза устанавливать очень близкие отношения со странами Содружества Независимых Государств (СНГ), признавая этот регион зоной своего влияния [Bodio 2005, c. 39–41].

Стратегии России и ЕС дали толчок к активизации взаимного диалога. В рассматриваемый период проводились регулярные встречи в рамках Пар-

ламентской комиссии (первое заседание прошло 1 декабря 1997 г.) и Совета сотрудничества (26–27 января 1998 г.), а в течение 1998–1999 гг. были проведены четыре саммита Россия – ЕС. Однако в этот период не было сформулировано никаких положений, влияющих на отношения России и Евросоюза. Застой во взаимоотношениях был нарушен только в 2000 г. на саммите в Москве [Bodio 2005, с. 43].

Таким образом, внешняя политика России в отношении ЕС во время правления Бориса Ельцина в основном носила декларативный характер. Российские власти были сосредоточены на внутренних проблемах страны и на более тесных отношениях с США. Только в конце 1990-х годов восприятие ЕС постепенно начало меняться. Тем не менее в российской внешней политике отсутствовала конкретная стратегия действий в отношении Европы. Самым важным событием в этот период в отношениях между Россией и ЕС было, несомненно, подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Хотя оно и вступило в силу со значительной задержкой, тем не менее создало основу для дальнейшего развития отношений между Россией и Евросоюзом. Не менее важным для России было принятие стратегии развития взаимоотношений с ЕС, которая стала первым шагом для дальнейшего формулирования позиций РФ в Европе.

Отношения Россия – ЕС во время двух первых президентских сроков Владимира Путина (2000–2008)

В последний день 1999 г. Борис Ельцин ушел в отставку, передав свой пост молодому премьеру Владимиру Путину. С этой фамилией в истории России связан следующий этап развития страны – этап стабилизации, характеризующийся последовательными реформами государственного аппарата, изменением роли властей в экономике и приоритетов внешней политики России [Худолей, Кузьмин, Ткаченко 2009, с. 56–57].

Во время президентства Владимира Путина внешняя политика России в отношении ЕС часто упоминается как «прагматичная». В 2000–2008 гг. она характеризуется как продолжение сотрудничества с интегрирующейся Европой при одновременном сохранении стратегических интересов России [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 125–126].

После вступления в должность Владимир Путин начал использовать тактику ожидания, не отдавая предпочтения никаким государственным визитам. В Европе Россия оказалась практически на грани изоляции – из-за экономического кризиса, начавшейся второй войны в Чечне, из-за восприятия прихода Путина к власти как угрозы демократии [Kaczmarski 2005, с. 5–6].

В рамках политического диалога между Российской Федерацией и Европейским союзом в начале XXI в. можно наблюдать следующую тенденцию. Ухудшение атмосферы во взаимоотношениях Москва – Вашингтон очень часто сопровождалось улучшением отношений между Россией и ЕС (или, точнее, с отдельными государствами Евросоюза). Например, военное вмешательство США в Ирак сопровождалось стремлением России использовать противоречия между США, с одной стороны, и Францией и Германией – с другой. Последние выступали против американской агрессии в этой стране. Однако следует добавить, что в то же время Москва не переставала воспринимать европейскую критику чеченской войны как вмешательство во внутренние дела России [Jedliński 2013, с. 240].

Внешняя политика России в отношении ЕС имела целью, прежде всего, формулировку совместной позиции по важнейшим международным проблемам. Особую роль во взаимоотношениях должна была сыграть совместная борьба с терроризмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Было предложено сосредоточиться на максимальной институционализации диалога с ЕС и устранении экономических барьеров для российского экспорта и притока иностранных инвестиций в Россию. Одной из целей было также постепенное упразднение виз в страны ЕС для граждан России [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 127–128].

Главной формой конструирования политического сотрудничества в этот период были встречи на высшем уровне Россия – ЕС, которые проводились 2 раза в год. С момента вступления Владимира Путина в должность президента диалог между Россией и Евросоюзом приобрел особую динамику: подписывалось все больше заявлений о более тесном взаимном сотрудничестве [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 129].

Важные события в отношениях Россия – ЕС в начале XXI в. включают в себя, среди прочего, формирование так называемого энергетического диалога, направленного на обеспечение безопасности поставок энергетического сырья из России и обеспечение доступа европейских предпринимателей к энергетической отрасли на рыночной основе. Во время московского саммита в 2002 г. обе стороны заявили о своей готовности начать диалог по вопросам безопасности и назначили представителя России по связям с военными представителями ЕС [Pięta 2017, с. 129].

Кроме того, ранее, в 2001 г., началась дискуссия о разработке проекта общего европейского экономического пространства между ЕС и Россией. В мае 2003 г. на саммите в Санкт-Петербурге речь уже шла о «четырех общих пространствах», формирование которых предполагало дальнейшее развитие проекта. Идея заключалась в создании «общего экономического пространства», пространства «свободы, безопасности и правосудия», пространства «внешней безопасности», пространства «науки и образования», включая

культурные аспекты. Позже, во время московского саммита 2004 г., были приняты так называемые «дорожные карты». Они должны были определять различные этапы сотрудничества в четырех общих пространствах. Однако этот пакет документов носил чисто декларативный характер: он содержал около 400 заявленных примеров сотрудничества, однако не называл механизмов их реализации [Ткаченко 2009, с. 99–100].

Отношения между Россией и ЕС претерпевали постепенный процесс трансформации: от быстрого сближения в рамках одного политического и экономического пространства до установления различий в ценностях и перехода к «прагматическому сотрудничеству». Одним из проявлений этих изменений стало, например, создание в 2003 г. Постоянного Совета Партнерства Россия – ЕС (вместо действующего Совета сотрудничества). Однако в рамках этого диалога возникало много конфликтных моментов [Внешняя политика 2013, с. 235].

Важным достижением во взаимных отношениях стало достижение компромисса с ЕС относительно вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО). На переговорах речь шла о газовом секторе, который, по мнению политиков ЕС, препятствовал развитию свободной торговли и существованию реальной конкуренции. Компромисс был достигнут на саммите в Москве в мае 2004 г. Тогда было подписано соглашение об окончании двусторонних переговоров между Европейским союзом и Российской Федерацией в рамках процесса вступления России в ВТО. Его содержание обсуждалось до последнего момента. Москве удалось отказаться от обязательств по реформированию «Газпрома» и сохранить его монопольное положение в экспорте газа. Удалось удержать ограничения на доступ к финансовому рынку, а также оставить в силе более высокие таможенные тарифы на определенные товары [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 134–135].

Кризис во взаимоотношениях произошел в 2004 г. Он был, в частности, связан с расширением ЕС на страны Балтии. Споры также вызвало противоречивое отношение к результатам президентских выборов на Украине осенью 2004 г. и к результатам других «цветных» революций на постсоветском пространстве. В таких условиях, по мнению Москвы, политика «нового соседства» ЕС все чаще вступала в конфликт с российскими национальными интересами [Громыко 2013, с. 10].

Вопрос о расширении ЕС в 2004 г. изначально не вызывал беспокойства у российских властей. Однако вместе с приближающейся датой вступления новых государств в Евросоюз стала реальной угроза финансовых потерь для России [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 131]. Отдельной проблемой была экстерриториальность Калининградской области, которая после расширения Европейского союза превратилась бы в полуанклав на территории ЕС.

В 2004 г. Россия разработала каталог проблемных вопросов, которые должны быть согласованы с ЕС. В нем были обозначены условия, при соблюдении которых Россия согласится расширить СПС. Условия касались, в частности, следующих вопросов: увеличение квот на импорт стали и сельскохозяйственной продукции ЕС, снижение тарифов на перевозку грузов в Калининград и из Калининграда в Литву, регулирование полетов российских самолетов над Европой, ограничение импорта энергии в страны ЕС из одного источника и т.д. [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 132].

После длительных переговоров компромисс был достигнут в Люксембурге 27 апреля 2004 г. [Ćwierk-Karpowicz 2007, с. 132]. Было подписано два документа: протокол к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом, учитывающий присоединение новых стран к ЕС, и Совместная декларация о расширении ЕС и отношениях между Россией и ЕС [Внешняя политика 2013, с. 6].

На саммите Россия – ЕС в Лондоне в октябре 2005 г. стороны заявили о необходимости обновить правовые рамки взаимного сотрудничества. Уже на следующем саммите в Сочи в мае 2006 г. было достигнуто политическое соглашение о начале работы над новым документом [Чижов 2009]. Однако в том же году Польша заблокировала предоставление мандата Европейской комиссии на переговоры с Россией из-за отсутствия согласия по двусторонним вопросам с ней. Переговоры о будущем СПС также не начались и на следующих саммитах Россия – ЕС в Хельсинки в ноябре 2006 г. и в Самаре в мае 2007 г. 1 декабря 2007 г. истек срок действия Соглашения. Только в июле 2008 г. Россия и ЕС возобновили переговоры о его продлении [Громыко 2015, с. 273].

Анализируя отношения России и ЕС в 2000–2008 гг., можно прийти к выводу, что сотрудничество между ними было углублено, несмотря на множество различного рода проблем. В период правления Владимира Путина было разработано и подписано большое количество документов, целью которых было развитие взаимных отношений в различных областях. В это время серьезным кризисом во взаимоотношениях был процесс расширения ЕС на Восток. Однако после длительных переговоров удалось достичь согласия по многим спорным вопросам. Успехом для России было достижение компромисса с ЕС в отношении вступления в ВТО. Окончание второго срока полномочий Путина характеризуется застоем в отношениях с Евросоюзом. В 2007 г. истек срок действия СПС, а переговоры о его продлении все время прерывались или откладывались (возобновились уже после прихода к власти Дмитрия Медведева).

Заключение

Россия была и остается тесно связанной с Евросоюзом. Но эти взаимоотношения совсем не однозначны: сотрудничество сменяется конкуренцией, еврофобия переплетается с еврофилией. Однако, без сомнения, обе стороны нуждаются друг в друге.

Анализируя основные политические аспекты во взаимоотношениях России и Евросоюза, можно прийти к выводу, что во время президентства Владимира Путина российский подход к восприятию ЕС значительно изменился по сравнению с периодом президентства Бориса Ельцина.

В начале 90-х годов XX в. у российских политиков были слишком большие надежды на быструю интеграцию России в сообщество демократических государств. По их мнению, такой ход вещей был «предопределен», поскольку Россия постулировала собственный «демократический выбор». Борис Ельцин в своих выступлениях часто говорил о готовности России вступить в Европейский союз, видимо, не до конца представляя те ограничения, на которые должна будет пойти Россия.

При Ельцине эти взаимоотношения развивались не так быстро, как бы этого хотел президент. Обе стороны были в первую очередь обеспокоены своими внутренними проблемами и рассматривали все спорные вопросы в этом контексте. В первой половине 1990-х годов во внешней политике России приоритетом были отношения с США. На европейском направлении больше внимания уделялось НАТО и вступлению в Совет Европы.

В этот период российские лидеры не до конца осознавали, что подписание Маастрихтского договора и создание ЕС означает качественно новый этап европейской интеграции. Весь процесс воспринимался только с точки зрения экономики, а сотрудничество развивалось благодаря индивидуальным контактам с лидерами государств – членов ЕС. Кроме того, ни Россия, ни Евросоюз не знали, что может являться конечной целью их сближения.

В России в то время преобладала линия, согласно которой страна должна интегрироваться в европейские процессы. Но инициатива по налаживанию диалога все время была на стороне Евросоюза. Первым шагом со стороны России по установлению конкретных целей в европейском направлении стало принятие в 1999 г. Стратегии развития отношений между Россией и ЕС на 2000–2010-е годы. Экономический кризис в России, война в Чечне и конфликт в Косове создали серьезные препятствия на пути развития взаимного сотрудничества.

Владимир Путин в начале своего первого срока полномочий действовал в том же духе, что и его предшественник, пытаясь поддерживать хорошие отношения с Европейским союзом. ЕС стал восприниматься как стратегический партнер России, благодаря чему политический диалог приобрел особую

динамику: подписывалось все больше документов о более тесном сотрудничестве.

Москва осознавала, что отказ от отношений с Западом явно помешает проведению последующих реформ в России и ослабит ее позиции в мире. Однако отсутствие в ряде случаев обратной связи из Европы привело к постепенному изменению взглядов России на дальнейшее развитие взаимоотношений.

В 2000–2008 гг. в отношениях между Россией и ЕС существовало много проблемных вопросов. Прежде всего, они касались расширения ЕС на Восток, присоединения России к ВТО, региональных конфликтов («цветные» революции) и будущего СПС. В этот период удалось урегулировать вопросы, связанные с присоединением новых стран к Евросоюзу и вступлением России в ВТО. Но проблема подписания нового соглашения о сотрудничестве стала решаться уже во время правления нового президента России, Дмитрия Медведева. Что касается региональных конфликтов, то эти споры все еще присутствуют в политическом дискурсе с обеих сторон.

В рассматриваемый период отношения между Россией и Европейским союзом пережили много кризисов. Европейское направление не сразу стало одним из важнейших внешнеполитических приоритетов новой России, оно развивалось под влиянием сложного набора факторов. В начале правления Бориса Ельцина ЕС не рассматривался как серьезный стратегический партнер. Изменения в его восприятии произошли только во второй половине 90-х годов XX в. В свою очередь, во время президентства Владимира Путина взаимное сотрудничество развивалось динамично. Период стагнации наступил уже в конце второго президентского срока и был связан с кризисами в отношениях с государствами-членами и различными подходами к региональным конфликтам.

Библиография

Внешняя политика России. Теория и практика. М.: Книга и бизнес, 2013. 543 с.

Громыко А. Взлеты и падения отношений России и Евросоюза // Современный мир и геополитика. М.: Канон+, 2015. С. 267–292. URL: instituteofeurope.ru/images/stories/structura/gromyko/gromyko55.pdf (Дата обращения: 20.11.2018.)

Громыко А. Россия и Евросоюз: динамика отношений // Россия и Европейский союз: возможности партнерства. 2013. № 11. С. 4–17. URL: https://russiancouncil.ru/upload/Russia-EU-11.pdf (Дата обращения: 29.11.2018.)

Дубнов А. Россия – Евросоюз: отношения выпадают в осадок // Президентский центр Б.Н. Ельцина (Ельцин Центр): Официальный сайт. 1993. 9 декабря. URL: www.yeltsincenter.ru/author_comment/release/rossiya-evrosoyuz-otnosheniya-vypadayut-v-osadok (Дата обращения: 26.11.2018.)

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.

Мирошников С. Россия и «восточное» расширение Европейского союза в 1991–2004 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. Серия: История. № 6 (32). С. 38–44.

Ткаченко С.Л. «Четыре пространства» сотрудничества ЕС и России // Отношения России с Европейским союзом. Варшава: Изд-во Варшавского университета, 2009. С. 95–117.

Худолей К., Кузьмин Ю., Ткаченко С. Россия и европейская интеграция: прошлое, настоящее, будущее // Отношения России с Европейским союзом. Варшава: Изд-во Варшавского университета, 2009. С. 49–58.

Чижов В. Россия и Европейский союз: формирование стратегического партнерства // Международная жизнь. 2009. № 10. URL: interaffairs.ru/jauthor/material/27 (Дата обращения: 26.11.2018.)

Bodio M. Stosunki między Unią Europejską a Federacją Rosyjską: stan i perspektywy rozwoju. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. S. 29–43.

Ćwierk-Karpowicz J. Rosyjska elita polityczna o Unii Europejskiej (tradycja i współczesność). Warszawa: Elipsa, 2007. 219 s.

Forsberg T., Haukkala H. The Europian Union and Russia. London: Red Globe Press, 2016. 344 p.

Jedliński M. Rosja – Unia Europejska. Stosunki polityczne w kontekście ideowym // Studia Gdańskie. Wizja i rzeczywistość. 2013. T. X. S. 239–250.

Kaczmarski M. Polityka Rosji wobec Unii Europejskiej // Raporty i Analizy. Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych, 2005. No 8. 35 s. URL: http://www.csm.org.pl/pl/analizy/category/44-2005?download=388:polityka-rosji-wobec-unii-europejskiej (Дата обращения: 30.11. 2018.)

Pięta P. Stosunki Federacji Rosyjskiej z Unią Europejską po 2013 roku. Chwilowa stagnacja czy permanentny kryzys? // Political Dialogues. 2017. No 22. S. 125–136. URL: http:// apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/DP/article/viewFile/DP.2017.007/14634 (Дата обращения: 1.12.2018.)

Stankiewicz W. Stosunki partnerskie Unii Europejskiej i Rosji // Rocznik integracji europejskiej. 2008. No 2. S. 147–150.

References

Bodio M. Stosunki między Unią Europejską a Federacją Rosyjską: stan i perspektywy rozwoju. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. P. 29–43.

Chizhov V. Rossija i Evropejskij Sojuz: formirovanie strategicheskogo partnerstva. Mezhdunarodnaja zhizn'. 2009. No 10. URL: interaffairs.ru/jauthor/material/27 (Date of access: 26.11.2018.)

Ćwierk-Karpowicz J. Rosyjska elita polityczna o Unii Europejskiej (tradycja i współczesność). Warszawa: Elipsa, 2007. 219 p.

Dubnov A. Rossija – Evrosojuz: otnoshenija vypadajut v osadok. Prezidentskij centr B.N. El'cina (El'cin Centr): Official Website. 1993. 9 Dec. URL: www.yeltsincenter.ru/author_comment/release/rossiya-evrosoyuz-otnosheniya-vypadayut-v-osadok (Date of access: 26.11.2018.)

Forsberg T., Haukkala H. The Europian Union and Russia. London: Red Globe Press, 2016. 344 p.

Gromyko A. Rossija i Evrosojuz: dinamika otnoshenij. Rossija i Evropejskij Sojuz: vozmozhnosti partnerstva. 2013. No 11. P. 4–17. URL: https://russiancouncil.ru/upload/Russia-EU-11.pdf (Date of access: 29.11.2018.)

Gromyko A. Vzlety i padenija otnoshenij Rossii i Evrosojuza. Sovremennyj mir i geopolitika. Mosocw: Kanon+, 2015. P. 267–292. URL: instituteofeurope.ru/images/stories/structura/gromyko/gromyko55.pdf (Date of access: 20.11.2018.)

Hudolej K., Kuz'min Ju., Tkachenko S. Rossija i evropejskaja integracija: proshloe, nastojashhee, budushhee. Otnoshenija Rossii s Evropejskim Sojuzom. Varshava: Izd-vo Varshavskogo universiteta, 2009. P. 49–58.

Jedliński M. Rosja – Unia Europejska. Stosunki polityczne w kontekście ideowym. Studia Gdańskie. Wizja i rzeczywistość. 2013. T. X. P. 239–250.

Kaczmarski M. Polityka Rosji wobec Unii Europejskiej. Raporty i Analizy. Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych, 2005. No 8. 35 p. URL: http://www.csm.org.pl/pl/analizy/category/44-2005?download=388:polityka-rosji-wobec-unii-europejskiej (Date of access: 30.11.2018.)

Kryshtanovskaja O. Anatomija rossijskoj jelity. Moscow: Zaharov, 2005. 384 p.

Miroshnikov S. Rossija i «vostochnoe» rasshirenie Evropejskogo Sojuza v 1991–2004 gg. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. Serija: Istorija. No 6 (32). P. 38–44.

Pięta P. Stosunki Federacji Rosyjskiej z Unią Europejską po 2013 roku. Chwilowa stagnacja czy permanentny kryzys?. Political Dialogues. 2017. No 22. S. 125–136. URL: http://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/DP/article/viewFile/DP.2017.007/14634 (Date of access: 1.12.2018.)

Stankiewicz W. Stosunki partnerskie Unii Europejskiej i Rosji. Rocznik integracji europejskiej. 2008. No 2. P. 147–150.

Tkachenko S.L. «Chetyre prostranstva» sotrudnichestva ES i Rossii. Otnoshenija Rossii s Evropejskim Sojuzom. Varshava: Izd-vo Varshavskogo universiteta, 2009. P. 95–117.

Vneshnjaja politika Rossii. Teorija i praktika. Moscow: Kniga i biznes, 2013. 543 p.

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.09

Н.А. Коровникова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются аксиологические факторы регионального развития с точки зрения их влияния на обеспечение устойчивого роста, конкурентоспособности, безопасности и интеграции регионов России.*

Отмечается, что аксиологические факторы охватывают все составляющие ментального пространства региона, в том числе «региональный культурный капитал», «региональную культуру», «региональную идентичность» и «региональный бренд». Под «культурным капиталом» понимается совокупность морально-нравственных и духовно-культурных характеристик населения региона, сформированных в контексте «региональной культуры», которая отражает основы государственной региональной политики, определяет региональную систему ценностей, способы и характер жизнедеятельности конкретной территории. В свою очередь «региональная идентичность» представляет собой результат формирования самосознания регионального сообщества как самостоятельного и самобытного субъекта, с одной стороны, и как части целостной государственной системы – с другой. Воплощением идентификационных процессов на региональном уровне является «региональный бренд», который служит публичным индикатором культурного пространства региона, а также выполняет функции выражения и удовлетворения региональных интересов и ценностей.

Показано, что аксиологические факторы могут быть реализованы в форме человекоориентированной парадигмы регионального развития, которая предполагает инклюзивные модели роста и высокие социально-экономические показатели региона. Обосновывается актуальность человекоориентированного подхода как в рамках современных теоретико-методологических исследований, так и при разработке нормативно-правовой базы регионального развития. В частности, основы человекоориентированной парадигмы отражены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., в Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г., а также в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.

Ключевые слова: *региональное развитие; аксиологические факторы; культурный капитал региона; региональная культура; региональная идентичность; региональный бренд; человекоориентированная парадигма; Россия.*

Коровникова Наталья Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), доцент кафедры экономики и управления, Московский институт экономики, политики и права (МИЭПП), Москва. E-mail: natalia.kor@list.ru

N.A. Korovnikova. Axiological Factors of Regional Development in Modern Russia

Abstract. *The article considers the axiological factors of regional development in terms of their impact on ensuring sustainable growth, competitiveness, security and integration of Russian regions.*

Noted that the axiological factors cover all components of the mental regional space, including «regional cultural capital», «regional culture», «regional identity» and «regional brand». «Cultural capital» includes a set of moral, spiritual and cultural characteristics of the region's population, formed in the context of «regional culture», which reflects the basics of the state regional policy, defines the regional value system, ways and nature of life of a particular territory. In its turn, «regional identity» is the result of the formation of self-consciousness of the regional community as an independent and original entity, on the one hand, and as part of a holistic state system, on the other. The embodiment of identification processes at the regional level is the «regional brand», which serves as a public indicator of the cultural regional space, expresses and satisfies regional interests and values.

Shown that the axiological factors can be implemented in the form of a human-oriented paradigm of regional development, which suggests inclusive models and high socio-economic regional indicators. Substantiated the relevance of the person-oriented approach both in the modern theoretical and methodological research, and in the formation of the regulatory framework for regional development. In particular, the features of the human-oriented paradigm are reflected in the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020, in the Basics of the state policy of regional development of the Russian Federation until 2025, as well as in the Strategy of the state cultural policy until 2030.

Keywords: *regional development; axiological factors; regional cultural capital; regional culture; regional identity; regional brand; human-oriented paradigm; Russia.*

Korovnikova Natalia Alexandrovna – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Associate Professor of the Department of Economics and Management, Moscow Institute of Economics, Politics and Law (MIEPL), Moscow. E-mail: natalia.kor@list.ru

Масштабные изменения советской административно-территориальной системы послужили причиной существенных деформаций регионального устройства России. На протяжении последних трех десятилетий региональная политика оказалась под влиянием кардинально противоположных центробежных («парад суверенитетов») и центростремительных (централизация власти, укрепление федеральной составляющей) тенденций. Очевидно, что поиск и достижение наиболее оптимальных пропорций регионального развития зависит от своевременной реализации «Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Основы государственной политики 2017], обусловливающих не только состояние локальных и региональных образований, но и экономическое развитие, национальную безопасность, единство и территориальную целостность всего государства.

Сегодня *приоритетные задачи регионального развития* заключаются в обеспечении высоких темпов экономического роста и конкурентоспособности на основе интеграции, эффективного взаимодействия и сотрудничества регионов России. Принимая во внимание «многообразие региональных условий, разницу ресурсных потенциалов, уникальные черты исторического развития, специфику социокультурного ландшафта, образующих нашу страну территорий» [Луковников 2013, с. 42], скорейшее решение этих задач зависит как от материально-технических и социальных условий, так и от *аксиологических факторов регионального развития*. Последнее включают все ментальные сегменты региона: мировоззренческий (региональный менталитет), информационно-психологический, социально-политический (идеологический) и, конечно, культурологический.

Причем характер и особенности развития регионов в таком полисоставном государстве как Россия обусловлены определенным набором *рациональных и иррациональных характеристик.* Их можно разделить на *объективные*, *естественно-геополитические* (природно-климатические условия, человеческие ресурсы, геополитическое положение и территория, историческое наследие, цивилизационные характеристики и т.п.) и *субъективные* – результат государственной и региональной политики (система *стандартизированных показателей*, в том числе ВВП на душу населения, доходы населения, уровень безработицы, состояние рынка труда, демографические показатели, инвестиционный климат, туризм, комфортность проживания и инфраструктуры, социально-экономический, политический, электоральный фон, репутационный капитал, представления о регионе в общественном сознании и т.п.) [Нагорняк 2013].

Комплексность и устойчивость развития регионов в рамках общенационального хозяйства предполагает «рациональное использование природно-ресурсного потенциала региона; пропорциональное сочетание различных

отраслей; формирование устойчивых внутрирегиональных и межрегиональных производственных и технологических связей; а также *наличие особого сообщества людей с определенными традициями, ценностями и образом жизни*» [Шабунова, Груздева 2016, с. 101]. Другими словами, в структуру региона как социальной системы помимо экономической, социальной, политико-правовой, экологической входит и *аксиологическая* подсистема, охватывающая его ментальное *культурное пространство* или *пространство ценностей* [Касаткин 2017, с. 151].

Сегодня приобретает актуальность вопрос о взаимосвязи между ценностями, с одной стороны, и экономическими, социальными, политическими и технологическими изменениями в регионах – с другой. Механизм их взаимодействия до конца не выяснен, но наиболее целостной представляется позиция, согласно которой региональные особенности следует рассматривать как результат изменения аксиологических аспектов, а преобразования структуры региональных ценностей считать причиной общественных сдвигов, учитывая, что эти влияния взаимны [Плотникова, Германов 2016, с. 71].

Аксиологические факторы подразумевают состояние и потенциал *культурного капитала региона.* Культурный капитал включает в себя *региональную культуру, региональную идентичность и региональный бренд,* а также их реализацию в форме *человекоориентированной парадигмы регионального развития.*

В широком смысле *культурный капитал региона* аккумулирует следующие *разновидности*: воплощенный (умения и навыки), объективированный (символическое воплощение), институционализированный («свидетельства ценности») (П. Бурдье), а также *аспекты*: материальный и духовный (Д. Тросби). Культурный капитал – это «богатство в виде знаний и умений, которые сформированы данной территорией у жителей и от которых в дальнейшем будет зависеть ее поступательное развитие» [Шабунова, Гулин, Окулова, Соловьёва 2009, с. 58]. Он воплощается «в уровне образованности населения, в деятельности учреждений культуры, в морально-нравственных ценностях, в уровне здоровья населения, в его социальных связях, в информированности, в досуговом времяпрепровождении, в предпринимательской и научной активности, в навыках и способностях, в мотивации и целесообразном применении усилий, наконец, способности к инновационной деятельности» [Шабунова, Гулин, Окулова, Соловьёва 2009, с. 58].

Региональный культурный капитал формируется на базе двух взаимосвязанных и взаимодополняющих начал – *«культуры региона» и «региональной культуры».* В *первом* случае речь идет о локально (пространственно) закрепленной культуре, отражающей общестрановые ценности; она отличается «только особенностями бытового уклада и характером повседневности» [Мурзина 2003, с. 8]. *Второй* случай – «вариант общенациональной культуры

и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования» [Мурзина 2003, с. 8]. Это специфическая форма организации и функционирования локального социума. Она «опирается на историческую традицию, формирует систему ценностей» и «особый тип личности», существует «внутри национальной ("материнской") культуры и наряду с ней» [Мурзина 2003, с. 11].

Региональная культура «отражает … весь комплекс общественных взаимоотношений, коммуникации общества и власти, взгляды и представления регионального населения на общественно-политическое развитие как своего региона, так и всего государства» [Еремина 2011 б, с. 70]; объясняет механизмы коммуникации между обществом и социальными институтами; определяет вектор государственной интеграции или дезинтеграции (*интеграционной региональной политики,* подразумевающей компромиссный характер взаимодействий в системе «регион-центр» *и / или дезинтеграционной региональной политики,* указывающей на конфликтный характер взаимоотношений между центром и регионом, на стремление регионального образования отстаивать собственные локальные интересы в качестве приоритетных [Еремина 2011 б, с. 77]). Региональная культура – один из важнейших факторов коллективной мобилизации и развития государственности.

Региональная культура порождает особую форму коллективной идентичности – *региональную идентичность*, которая находит свое выражение в *«духе региона»* и является результатом *регионального самосознания* [Мурзина 2003, с. 11–12]. Оно предполагает понимание целей и мотивов регионального развития, а также самовосприятие регионального сообщества как самостоятельного субъекта и как части государственной и геополитической систем.

Региональная идентичность представляет собой сложную многокомпонентную структуру, которую в общих терминах можно определить «как результат когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона» [Еремина 2011 а]. Комплексный анализ идентичности регионов современной России требует применения различных *подходов*: *социологического* (изучение соотношения общенационального и регионального в разных регионах); *политологического* (особенности регионального политического процесса); *культурологического* (характер современного культурогенеза в российских регионах); *электорально-географического* (обнаружение ценностных политико-идеологических различий между регионами) [Шабалова 2014, с. 144].

Региональная идентичность как аксиологический фактор регионального развития является результатом двух взаимодополняющих процессов: *интеграции и дифференциации*. Результатом идентификационных процессов в рамках регионального пространства может быть как *негативная* форма *региональной идентичности,* которая предполагает различные проявления регионального аксиологического нигилизма, отрицания своей региональной принадлежности, так и *позитивная региональная идентичность*, для которой характерны положительная оценка субъектом своей социально-территориальной и культурно-региональной позиции; сохранение аутентичности территории; ее адаптация к новым региональным и глобальным тенденциям развития.

В научной среде ведутся многочисленные дискуссии относительно разграничения понятий «бренд», «имидж», «образ», «стереотип» [Чепкасов 2016]. Многие отечественные исследователи полагают, что свое символическое выражение региональная идентичность находит в форме *регионального бренда*, который представляет собой совокупный результат региональных идентификационных процессов и «олицетворяет отношение жителей территории к себе (к своим возможностям, пониманию своего успеха и комфорта, защищенности и значимости, удовлетворенности и перспектив)» [Нагорняк 2013]. Этот бренд служит *публичным индикатором культурного пространства* региона, выражает социальные ценности и удовлетворяет социальные интересы, обеспечивает преемственность, инновационность и конкурентоспособность регионального развития и т.п. [Нагорняк 2013].

Региональная политика по продвижению бренда региона – очень перспективное направление, позволяющее «совершенствовать социокультурную атмосферу в регионе, а именно приобщать население к участию в социальной жизни, создавать условия для развития творческого потенциала жителей, разрабатывать проекты по изменению внешнего облика регионов с целью позитивного отношения граждан к региону и конкретному месту» [Игнатова, Туранина 2016, с. 87–88]. Все это позволяет не только повысить статус региона во внешнем страновом и геополитическом пространстве, но и сформировать благоприятную среду внутрирегиональной коммуникации.

На современном этапе перехода к обществу знаний интеллектуальный и культурный капитал становятся императивом общественного развития, обусловливая содержание основных экономических категорий [Курушина, Дружинина 2016, с. 24]. Особую важность приобретают основы *поведенческой экономики,* которая учитывает особенности человеческих отношений, когнитивные ограничения (ограниченная рациональность), эмоциональные факторы (различные проявления эмпатии и альтруизма) [Peña, Mejía, Villano 2016, с. 7].

В связи с этим на первый план выходит *человекоориентированная парадигма региона-социума* [Курушина, Дружинина 2016, с. 24], в рамках которой

конкурентоспособность регионального сообщества рассматривается через призму *трех элементов аксиологически-ориентированного развития*, именно: 1) *экономического* (реальная заработная плата, качество жизни, экспорт на душу населения); 2) *социоприродного* (уровень долголетия, криминогенность, возможности коммуникации, социальная и транспортная связанность регионального пространства) и 3) *инклюзивного развития* (социальная защищенность, развитие инновационной среды) [Курушина, Дружинина 2016, с. 40].

Человекоориентированный подход применяется не только в рамках современных теоретико-методологических исследований, но также используется для разработки нормативно-правовой базы регионального развития. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России в числе приоритетных целевых ориентиров отмечены высокие стандарты благосостояния человека, социальное благополучие и согласие, сбалансированное пространственное развитие [Концепция 2008]. Повышение качества жизни определяется как одна из основных целей государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. [Основы государственной политики 2017]. Согласно Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., социально-экономическая модернизация страны невозможна без инвестиций в человека, которые позволяют предотвратить снижение интеллектуального и культурного уровня общества, деформацию исторической памяти, искажение ценностных ориентиров и размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Стратегия 2016].

Таким образом, особое внимание к аксиологическим факторам регионального развития, формирование на их основе человекоориентированной политики будет способствовать консолидации материальных и духовных ресурсов не только на уровне регионального сообщества, но и на общегражданском, государственном макроуровне.

Библиография

Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. Саранск, 2011 а. № 3. URL: https://regionsar.ru/ru/node/781 (Дата обращения: 16.05.2019.)

Еремина Н.В. Региональная политическая культура как фактор государственного развития: интеграция versus дезинтеграция // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2011 б. Вып. 3. С. 70–78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-politicheskaya-kultura-kak-faktor-gosudarstven-nogo-razvitiya-integratsiya-versus-dezintegratsiya (Дата обращения: 16.05.2019.)

Игнатова И.Б., Туранина Н.А., Колесникова И.Г., Сергеева А.Ю. Бренд региона и его составляющие (на материале «Белгород – город добра и благополучия») // Наука. Искусство. Культура. Белгород, 2016. № 3 (11). С. 82–88. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brend-regiona-i-ego-sostavlyayuschie-na-materiale-belgorod-gorod-dobra-i-blagopoluchiya (Дата обращения: 16.05.2019.)

Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145–156. URL: http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/586 (Дата обращения: 16.05.2019.)

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17 ноября 2008 г.) // Правительство России: Официальный сайт. URL: http://government.ru/info/6217/ (Дата обращения: 16.05.2019.)

Курушина Е.В. Человекоориентированная система управления развитием территорий на региональном и муниципальном уровнях // Российские регионы в фокусе перемен. XI Международная конференция. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. Ч. 1. С. 150–159.

Курушина Е.В., Дружинина И.В. Человекоориентированное развитие российских регионов. Тюмень: ТИУ, 2016. 158 с. URL: http://elib.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2017/04/16543.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

Луковников Е.В. Региональное развитие в системе приоритетов государственной политики современной России // Власть. 2013. № 7. С. 42–45. URL: http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/1726/submission/original/1726-3296-1-SM.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание. Автореф. дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.01. Екатеринбург: Изд-во Урал. пед. ун-та, 2003. 47 с. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/417/1/urgu0199s.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

Нагорняк Т.Л. Брендинг территории как вектор политики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/4/Nagornyak_Place-Branding/ (Дата обращения: 16.05.2019.)

Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 55 с. URL: https://inecon.org/docs/Natkhov_Polishuk_paper_20170221.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента Российской Федерации № 13 от 16 января 2017 г.) // Президент России: Официальный сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201701160039.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

Плотникова Е.В., Германов И.А., Борисова Н.В. Структура ценностей населения и модернизационный статус регионов России // Философские науки. 2016. № 4. С. 70–79. URL: http://www.phisci.ru/files/issues/previews/RJPS-04-2016_Preview.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации № 326-р от 29 февраля 2016 г.) // Правительство России: Официальный сайт. URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

Чепкасов А.В. Образ – имидж – стереотип региона (к определению понятий) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15. № 6. С. 139–145. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-imidzh-stereotip-regiona-k-opredeleniyu-ponyatiy (Дата обращения: 16.05.2019.)

Шабалова О.А. Формирование подходов к изучению феномена «региональная идентичность» в российском дискурсе // Magister Dixit. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. Иркутск, 2014. № 2. С. 139–145. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-podhodov-k-izucheniyu-fenomena-regionalnaya-identichnost-v-rossiyskom-diskurse (Дата обращения: 16.05.2019.)

Шабунова А.А., Груздева М.А. Развитие регионов Российской Федерации: интегральная методика как инструмент оценки // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 1.

С. 100–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-regionov-rossiyskoy-federatsii-integralnaya-metodika-kak-instrument-otsenki (Дата обращения: 16.05.2019.)

Шабунова А.А., Гулин К.А., Окулова Н.А., Соловьёва Т.С. Социокультурные аспекты развития территории. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 131 с. URL: http://library.vscc.ac.ru/Files/books/12997390591666V.PDF (Дата обращения: 16.05.2019.)

Peña V., Mejía A.G., Villano X.G. El rol de la ética y de la percepción de riesgo en las decisiones de inversion // Documento de Trabajo FCEA. 2016. N 23. 24 p. URL: http://www.javerianacali.edu.co/sites/ujc/files/node/field-documents/field_document_file/ddtn232016.pdf (Дата обращения: 16.05.2019.)

References

Chepkasov A.V. Obraz – imidzh – stereotip regiona (k opredeleniju ponjatij). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija, filologija. 2016. T. 15. No 6. P. 139–145. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-imidzh-stereotip-regiona-k-opredeleniyu-ponyatiy (Date of access: 16.05.2019.)

Eremina E.V. Regional'naja identichnost' v kontekste sociologicheskogo analiza. Regionologija. Saransk, 2011 a. No 3. URL: https://regionsar.ru/ru/node/781 (Date of access: 16.05.2019.)

Eremina N.V. Regional'naja politicheskaja kul'tura kak faktor gosudarstvennogo razvitija: integracija versus dezintegracija. Vestnik SPbGU. Ser. 6. 2011 b. Iss. 3. P. 70–78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-politicheskaya-kultura-kak-faktor-gosudarstvennogo-razvitiya-integratsiya-versus-dezintegratsiya (Date of access: 16.05.2019.)

Ignatova I.B., Turanina N.A., Kolesnikova I.G., Sergeeva A.Ju. Brend regiona i ego sostavljajushhie (na materiale «Belgorod – gorod dobra i blagopoluchija»). Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Belgorod, 2016. No 3 (11). P. 82–88. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brend-regiona-i-ego-sostavlyayuschie-na-materiale-belgorod-gorod-dobra-i-blagopoluchiya (Date of access: 16.05.2019.)

Kasatkin P.I. Kul'turnoe prostranstvo: aksiologicheskij aspect. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2017. No 4. P. 145–156. URL: http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/586 (Date of access: 16.05.2019.)

Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii No 1662-r ot 17 nojabrja 2008 g.) Pravitel'stvo Rossii: Official Website. URL: http://government.ru/info/6217/ (Date of access: 16.05.2019.)

Kurushina E.V. Chelovekoorientirovannaja sistema upravlenija razvitiem territorij na regional'nom i municipal'nom urovnjah. Rossijskie regiony v fokuse peremen. XI Mezhdunarodnaja konferencija. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMC UPI, 2016. Ch. 1. P. 150–159.

Kurushina E.V., Druzhinina I.V. Chelovekoorientirovannoe razvitie rossijskih regionov. Tjumen': TIU, 2016. 158 p. URL: http://elib.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2017/04/16543.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

Lukovnikov E.V. Regional'noe razvitie v sisteme prioritetov gosudarstvennoj politiki sovremennoj Rossii. Vlast'. 2013. No 7. P. 42–45. URL: http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/1726/submission/original/1726-3296-1-SM.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

Murzina I.Ja. Fenomen regional'noj kul'tury: bytie i samosoznanie. Avtoref. dis. ... d-ra kul'turol. nauk: 24.00.01. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. ped. un-ta, 2003. 47 p. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/417/1/urgu0199s.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

Nagornjak T.L. Brending territorii kak vektor politiki // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2013. No 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/4/Nagornyak_Place-Branding/ (Date of access: 16.05.2019.)

Nathov T.V., Polishhuk L.I. Politjekonomija institutov i razvitija: kak vazhno byt' inkljuzivnym. Doklad. M.: Institut jekonomiki RAN, 2017. 55 p. URL: https://inecon.org/docs/Natkhov_Polishuk_paper_20170221.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

Osnovy gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii No 13 ot 16 janvarja 2017 g.) Prezident Rossii: Official Website. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201701160039.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

Peña V., Mejía A.G., Villano X.G. El rol de la ética y de la percepción de riesgo en las decisiones de inversion. Documento de Trabajo FCEA. 2016. No 23. 24 p. URL: http://www.javerianacali.edu.co/sites/ujc/files/node/field-documents/field_document_file/ddtn232016.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

Plotnikova E.V., Germanov I.A., Borisova N.V. Struktura cennostej naselenija i modernizacionnyj status regionov Rossii. Filosofskie nauki. 2016. No 4. P. 70–79. URL: http://www.phisci.ru/files/issues/previews/RJPS-04-2016_Preview.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

Shabalova O.A. Formirovanie podhodov k izucheniju fenomena «regional'naja identichnost'» v rossijskom diskurse. Magister Dixit. Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri. Irkutsk, 2014. No 2. P. 139–145. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-podhodov-k-izucheniyu-fenomena-regionalnaya-identichnost-v-rossiyskom-diskurse (Date of access: 16.05.2019.)

Shabunova A.A., Gruzdeva M.A. Razvitie regionov Rossijskoj Federacii: integral'naja metodika kak instrument ocenki. Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2016. No 1. P. 100–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-regionov-rossiyskoy-federatsii-integralnaya-metodika-kak-instrument-otsenki (Date of access: 16.05.2019.)

Shabunova A.A., Gulin K.A., Okulova N.A., Solov'eva T.S. Sociokul'turnye aspekty razvitija territorii. Vologda: ISJeRT RAN, 2009. 131 p. URL: http://library.vscc.ac.ru/Files/books/1299739 0591666V.PDF (Date of access: 16.05.2019.)

Strategija gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda (Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii No 326-r ot 29 fevralja 2016 g.) Pravitel'stvo Rossii: Official Website. URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (Date of access: 16.05.2019.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.10

П.А. Анисимов

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (На примере Арктического региона)

Аннотация. *В статье анализируются основные направления сотрудничества Российской Федерации и Королевства Норвегия в сфере защиты окружающей среды в Арктике.*

Отмечается, что в связи с открытием и освоением крупных месторождений полезных ископаемых роль Арктического региона в современных политических процессах возросла. В то же время Арктика является чрезвычайно уязвимой природной средой, где четко прослеживаются последствия изменения климата. Основные угрозы экологии Арктики связаны с усиливающимся антропогенным воздействием, обусловленным экономической привлекательностью региона.

Арктика имеет стратегическое значение как для России, так и для Норвегии, имеющих в этом регионе общую границу. Соответственно, рациональное управление природными ресурсами является одним из наиболее важных направлений сотрудничества двух стран. В этой связи можно выделить несколько направлений взаимодействия: предотвращение загрязнения морских и сухопутных территорий (в том числе загрязнения радиоактивного), сохранение биоразнообразия, охрана памятников культуры.

В статье анализируется заключенное между Россией и Норвегией «Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды» (1992), а также ряд других документов, регламентирующих взаимоотношения двух стран в этой области. Также объектом исследования становится деятельность Смешанной российско-норвежской комиссии, созданной для реализации этих документов. Рассматриваются некоторые вопросы повестки дня 20-го заседания Комиссии, проходившего 18–19 февраля 2019 г.

Отмечается, что важнейшим вопросом, требующим совместной природоохранной работы двух стран, является загрязнение воздуха тяжелыми металлами вследствие работы горно-металлургической компании «Норильский Никель».

В заключении делается вывод о том, что российско-норвежское сотрудничество в сфере защиты окружающей среды представляет собой успешный пример плодотворного межгосударственного взаимодействия, помогающего выстроить конструктивные добрососедские отношения на основе взаимного доверия.

Ключевые слова: *защита окружающей среды; изменение климата; российско-норвежское сотрудничество; Арктика.*

Анисимов Павел Алексеевич – магистрант;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
E-mail: anisimov.p@rggu.ru

P.A. Anisimov. Russian-Norwegian Cooperation in the Field of Environmental Protection (Drawn on the Example of the Arctic)

Abstract. *This article examines the main areas of cooperation between the Russian Federation and the Kingdom of Norway in the field of environmental protection in the Arctic.*

It is noted that the role of the Arctic region in modern political processes has increased in connection with the discovery and development of large mineral deposits. At the same time, the Arctic is the extremely vulnerable environment where the effects of climate change are clearly visible. The main threats to the ecology of the Arctic are associated with the increasing anthropogenic impact caused by the economic attractiveness of the region.

The Arctic has strategic importance for both Russia and Norway, which have a common border in this region. Accordingly, the rational management of natural resources is one of the most important areas of cooperation between the two countries. In this regard, there are several areas of cooperation: prevention of pollution of marine and land areas (including radioactive contamination), the preservation of biodiversity, the protection of cultural monuments.

The article analyses Cooperation Agreement between Russia and Norway in the field of environmental protection signed in 1992 as well as a number of other documents regulating relations between the two countries in this area. Also, the object of the research is the activities of the Joint Russian-Norwegian Environmental Commission established to implement these documents. Some issues on the agenda of the 20th meeting of the Commission, which took place from February 18 to 19, 2019, are considered.

It is noted that the most important issue requiring joint environmental work of the two countries is air pollution with heavy metals due to the operation of the mining and smelting company Norilsk Nickel.

On a final note it is concluded that Russian-Norwegian cooperation in the field of environmental protection is a successful example of the fruitful interstate cooperation that helps to build constructive good-neighborly relations based on mutual trust.

Keywords: *environmental preservation; climate change; Russian-Norwegian cooperation; the Arctic.*

Anisimov Pavel Alekseevich – Master's Degree Student;
Russian State Universities for the Humanities, Moscow.
E-mail: anisimov.p@rggu.ru

В конце XX – начале XXI в. возросла роль энергоносителей, увеличился спрос на сырьевые ресурсы. В связи с этим в повестке международных отношений стала чрезвычайно востребованной тема Арктики. Из-за таяния ледников, вызванного изменениями климата, арктические пространства становятся более доступными. Все это открывает новые возможности, создавая при этом и новые проблемы.

Арктику принято считать зоной сотрудничества. Несмотря на кризис в отношениях с большинством западных стран, управление арктическими природными ресурсами является одним из наиболее важных направлений сотрудничества России и Норвегии.

На основе заключенного в сентябре 1992 г. «Соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды» страны несут коллективную ответственность за сохранение окружающей среды в приграничных районах. Для руководства и координации работ, связанных с выполнением упомянутого Соглашения, была учреждена Смешанная российско-норвежская комиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды. С российской стороны ответственным за реализацию Соглашения является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, с норвежской стороны – Министерство климата и окружающей среды Норвегии. На заседаниях комиссии определяются основные векторы взаимодействия, а также составляется рабочая программа сотрудничества. 18–19 февраля 2019 г. состоялось очередное, уже 20-е заседание комиссии.

В природоохранном сотрудничестве России и Норвегии можно выделить несколько направлений: предотвращение загрязнения морских и сухопутных территорий (в том числе загрязнения радиоактивного), сохранение биоразнообразия, охрана памятников культуры.

Баренцево море является общей экосистемой для двух стран; морская территория богата природными ресурсами. Для Норвегии сотрудничество по предотвращению загрязнения такого рода ресурсов приоритетна, поскольку морская территория в 6 раз больше сухопутной. С 1994 г., времени подписания соответствующего соглашения, Норвегия и Россия тесно взаимодействуют в Баренцевом море при ликвидации аварийных разливов нефти. На 20-м заседании Комиссии были обсуждены инициативы по борьбе с загрязнением моря пластиковыми отходами. Страны договорились расширять знания об источниках и о степени загрязнения Баренцева моря [Samarbeid 2019].

Богаты металлами и минералами и приграничные и арктические районы Норвегии и России. Оба государства являются участниками международных соглашений (Киотский протокол и др.), следуя которым стремятся сократить выбросы вредных веществ в атмосферу. На постоянной основе страны обмениваются опытом по выполнению взятых на себя обязательств.

В практической плоскости остро стоит вопрос об экологической безопасности работы горно-металлургической компании «Норильский Никель», в частности – о сокращении выброса в атмосферу тяжелых металлов [Grenseområdene 2017]. Так, министр климата и окружающей среды Норвегии Ула Эльвестюен в ходе 20-го заседания комиссии рассказал о том, что 25 января 2019 г. жители норвежской коммуны Сёр-Варангер ощутили в атмосфере повышенное содержание сернистого ангидрида. Людей с заболеваниями сердца и легких предупредили о необходимости оставаться дома [Møte 2019]. Эльвестюен подчеркнул, что хотя за последние годы выбросы от горно-металлургического комбината сократились, они все еще слишком высоки. Министр природных ресурсов и экологии РФ Дмитрий Кобылкин сообщил, что у горно-металлургической компании «Норильский Никель» имеются планы по сокращению промышленных объектов вблизи российско-норвежской границы.

С 1992 г. осуществляется российско-норвежское сотрудничество в сфере исследований радиоактивного загрязнения северных районов. Деятельность на данном направлении в основном сводится к мониторингу окружающей среды, подготовке к чрезвычайным ситуациям, оценке взаимодействия органов государственного управления. Среди конкретных проектов здесь – закрытие хранилища отработанного ядерного топлива российских атомных подводных лодок в губе Андреева (Мурманская область). Тут находилась построенная и введенная в эксплуатацию в начале 1960-х годов береговая техническая база, которая располагалась всего в 45 км от российско-норвежской границы.

Сохранение биоразнообразия является еще одним ключевым вектором сотрудничества двух стран. Норвегия и Россия имеют общие популяции уязвимых видов животных и птиц (белые медведи, белые чайки, белые совы и др.) и видов, находящихся под угрозой исчезновения (атлантические моржи и др.), ареалом обитания которых являются Баренцево море, Шпицберген и Земля Франца-Иосифа. Совместная деятельность основана на «Конвенции о биологическом разнообразии» 1992 г. и других международных природоохранных соглашениях, в которых участвуют обе страны. Цель сотрудничества в данном случае состоит в том, чтобы сохранить природное разнообразие, заботясь об уязвимых и исчезающих видах, а также о средах их обитания.

С 1995 г. Россия и Норвегия взаимодействуют в области сохранения культурного наследия. Так, в течение нескольких лет российские и норвежские мастера обменивались опытом реставрации бревенчатых домов. В «Рабочей программе сотрудничества на 2016–2018 гг.» были предусмотрены два проекта по сохранению объектов культурного наследия, реализация которых продолжится в 2019–2021 гг. Первый проект посвящен такого рода объектам

на полуострове Рыбачий; он предусматривает, в частности, развитие экотуризма в регионе. Второй проект – картографирование объектов, построенных советскими военнопленными в Норвегии. Целью его является сохранение истории немецких концентрационных лагерей времен Второй мировой войны [Sluttrapport 2018].

Подводя итоги, следует отметить, что приграничные районы России и Норвегии имеют прекрасную природную среду. Однако с конца XX в. Арктика подвергается постоянно усиливающемуся антропогенному воздействию, связанному со спросом на энергоносители. Активная промышленная деятельность в этих районах оказывает негативное воздействие на природу. Поэтому важной составляющей сотрудничества двух стран является мониторинг окружающей среды, цель которого – сокращение загрязнений, также изучение их воздействия на природу, сохранение биологического разнообразия района, разработка плана по управлению охраняемыми территориями, общими популяциями животных и водными ресурсами.

Российско-норвежское сотрудничество в сфере защиты окружающей среды представляет собой успешный пример плодотворного межгосударственного взаимодействия, помогающего выстроить конструктивные добрососедские отношения на основе взаимного доверия.

Библиография

Grenseområdene Norge-Russland. Luft- og nedbørkvalitet, årsrapport 2017 // Norges Miljø-Direktoratet: Offisielt nettsted. URL: https://www.miljodirektoratet.no/globalassets/publikasjoner/m1069/m1069.pdf (Дата обращения: 13.06.2019.)

Sluttrapport for miljøvernsamarbeid med Russland 2018, avtalenummer RUS-16/0003 // Regjeringen: Offisielt nettsted. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/66b54513e82d453c88f030135513d582/arsrapport-for-miljovernsamarbeid-med-russland-2018-l677579.pdf (Дата обращения: 13.06.2019.)

Møte i den norsk-russiske miljø kommisjonen. 2019. 20 Feb. // Regjeringen: Offisielt nettsted. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/mote-i-den-norsk-russiske-miljokommisjonen/id2629880/ (Дата обращения: 13.06.2019.)

Samarbeid om marin forsøpling. 2019. 20 Feb. // Regjeringen: Offisielt nettsted. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/samarbeid-om-marin-forsopling/id2629886/ (Дата обращения: 13.06.2019.)

References

Grenseområdene Norge-Russland. Luft- og nedbørkvalitet, årsrapport 2017. Norges Miljø-Direktoratet: Offisielt nettsted. URL: https://www.miljodirektoratet.no/globalassets/publikasjoner/m1069/m1069.pdf (Date of access: 13.06.2019.)

Sluttrapport for miljøvernsamarbeid med Russland 2018, avtalenummer RUS-16/0003. Regjeringen: Offisielt nettsted. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/66b54513e82d453c88f030135513d582/arsrapport-for-miljovernsamarbeid-med-russland-2018-l677579.pdf (Date of access: 13.06.2019.)

Møte i den norsk-russiske miljø kommisjonen. 2019. 20 Feb. Regjeringen: Offisielt nettsted. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/mote-i-den-norsk-russiske-miljokommisjonen/id2629880/ (Date of access: 13.06.2019.)

Samarbeid om marin forsøpling. 2019. 20 Feb. Regjeringen: Offisielt nettsted. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/samarbeid-om-marin-forsopling/id2629886/ (Date of access: 13.06.2019.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.11

И.Л. Соколов

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПОПЫТКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. *В ЕС, в отличие от России, нет единого списка террористических организаций. Вместо этого используется трехуровневая система, в которую включены списки ООН, списки, принятые на уровне Союза, и списки государств – членов ЕС. Состав организаций, признанных Евросоюзом террористическими, постоянно меняется. Тем не менее ежегодные отчеты Европола о террористической ситуации традиционно делят террористические организации на пять групп в зависимости от их мотивации.*

Исламистский терроризм в ЕС принято именовать джихадистским. Его идеология основывается на тенденциозном понимании некоторых сур Корана. Идеологи исламского фундаментализма и лидеры террористических организаций умело манипулируют противоречиями мусульманской культуры и современной светской культуры европейских государств, разжигая взаимное недовольство и подталкивая стороны к насилию.

Организации, принадлежащие традиционному для Европы терроризму, связанному с сепаратистскими движениями Северной Ирландии и Страны Басков, объединены в одну группу с национал-сепаратистскими организациями, действующими в других регионах мира – на Ближнем Востоке и в Южной Азии.

Крупных террористических группировок левого толка в настоящее время в Европе практически нет. Среди организаций, отнесенных Европолом к этой группе, присутствуют латиноамериканские, ближневосточные и одна филиппинская.

Кроме названных групп террористических организаций, Европол выделяет правый терроризм и так называемый терроризм одной проблемы. К этим группам в настоящее время не отнесена ни одна террористическая организация.

Ключевые слова: *терроризм; Европейский союз; Европол; джихадизм; национализм; сепаратизм; анархизм.*

Соколов Илья Леонидович – аспирант
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
Москва. E-mail: sokolov.i.l. 197912@gmail.com

I.L. Sokolov. Terrorist Organizations in the EU: An Attempt of Institutional Analysis

Abstract. *Unlike Russia the EU has no single list of terrorist organizations. They use a three-tier system, which includes UN lists, lists adopted at the Union level, and lists of EU member states instead. The composition of organizations recognized by the European Union as terrorist is constantly changing. Nevertheless, in the annual reports of the Europol on the terrorist situation and trends, it is customary to divide terrorist organizations into five groups depending on their motivation.*

Islamist terrorism in the EU is called 'jihadist'. It is based on a tendentious understanding of some surahs of the Quran. The ideologists of Islamic fundamentalism and the leaders of terrorist organizations skillfully manipulate the contradictions of Muslim culture and modern secular culture of European states, thereby igniting mutual discontent and pushing the parties to violence.

Organizations which belong to the traditional European terrorism associated with the separatist movements of Northern Ireland and the Basque Country are united in one group with the national separatist organizations operating in other regions of the world – in the Middle East and South Asia.

There are practically no large left-wing terrorist groups in Europe at present. According to Europol, there are some Latin American and Middle Eastern groups that refer to this type as well as one from the Philippines.

In addition to these groups of terrorist organizations, Europol highlights the right-wing terrorism and the so-called single-issue terrorism. These groups currently do not include any terrorist organizations.

Keywords: *terrorism; European Union; Europol; jihadism; nationalism; separatism; anarchism.*

Sokolov Ilya Leonidovich – Post-Graduate Student of the Department of the Foreign Regional Studies and Foreign Policy, State University for the Humanities (RSUH), Moscow. E-mail: sokolov.i.l. 197912@gmail.com

ООН официально признала терроризм вызовом современному обществу, одной из самых серьезных угроз миру и безопасности. В последние годы эта угроза весьма актуальна для Европейского союза, что подтверждается сериями резонансных террористических актов, произошедших во Франции, Бельгии, Германии. Террористические акты происходят в разных местах на земном шаре, но в каждом регионе терроризм имеет свою специфику, у каждого региона есть свой опыт борьбы с ним. Европейский регион наиболее близок к России как в географическом, так и в культурно-историческом плане. Следовательно, опыт Европейского союза в борьбе с угрозами террористического характера является для России очень ценным.

Борьба с терроризмом в ЕС построена на принципе введения санкций против лиц и организаций, признанных террористическими. Для того чтобы сделать эти санкции максимально эффективными, ведутся списки террористических организаций и состоящих в этих организациях лиц.

В общей сложности ЕС признает три вида списков террористических организаций: утвержденный ООН, утвержденный Советом ЕС и утвержденный государствами – членами ЕС (Бельгией, Великобританией, Испанией, Нидерландами и др.) [Wahlisch 2010, с. 4].

Для имплементации резолюций Совета Безопасности ООН в законодательство ЕС соответствующие решения принимаются Советом ЕС. Решения Совета Безопасности ООН, осуждающие деятельность «Аль-Каиды»[1] и всех связанных с ней группировок, движения «Талибан»[2], ИГИЛ (ДАИШ)[3], имплементированы ЕС через резолюции Совета. В эти резолюции регулярно вносятся поправки в соответствии с новыми решениями ООН.

В соответствии с ежегодным отчетом Европола «Террористическая ситуация и тенденция в Европейском союзе» все террористические проявления делятся на пять групп, в зависимости от их мотивации. Выделяются джихадистский терроризм *(jihadist terrorism),* этнонациональный и сепаратистский терроризм *(ethno-nationalist and separatist terrorism),* левый и анархический терроризм *(Left-wing and anarchist terrorism),* правый терроризм *(right-wing terrorism)* и терроризм одной проблемы *(single-issue terrorism)* [EU 2017].

Такое разделение следует считать условным, так как идеологическая основа деятельности той или иной группировки, как правило, представляет собой комплекс политических и религиозных взглядов, которые с течением времени нередко претерпевают сильные метаморфозы. Тем не менее террористические группировки относят к той или иной группе по наиболее ярко выраженному признаку.

Под *джихадистским терроризмом* в ЕС понимают любые проявления терроризма со стороны исламистских организаций.

Название данной группе террористических проявлений было дано по арабскому слову «джихад», имеющему значение «усилие». В исламе оно имеет значение усердного стремления на пути к Аллаху, борьбы за веру. В современном традиционном исламе под джихадом понимается скорее духовное совершенствование верующего, борьба со своими пороками, проповеди, стремление к знаниям, материальная помощь нуждающимся – то, что получило название «большой джихад» в противовес «малому джихаду». «Малый джихад» (газават, «джихад меча», «военный джихад») – война за распростра-

1. Организация запрещена в Российской Федерации.
2. Организация запрещена в Российской Федерации.
3. Организация запрещена в Российской Федерации.

нение слова Аллаха, борьба с врагами веры, в особенности с теми, кто препятствует исповедованию ислама.

В качестве идейной основы исламистского терроризма выступает так называемый политический ислам, базирующийся на исламском фундаментализме, т.е. стремлении к возвращению религиозных, социальных и политических норм раннего ислама и строгом следовании шариату. Ущемление прав мусульман многие исламисты видят в несоответствии светских законов государств – членов ЕС нормам шариата.

Например, такого рода ущемление исламисты видят во французском Законе № 2004–228 от 15 марта 2004 г. «О применении принципа секуляризма в ношении символов или одежды, показывающих религиозную принадлежность в государственных школах, колледжах и вузах» [LOI 2004]. В соответствии с этим законом во Франции введены ограничения на ношение арабского головного платка – хиджаба, ношение которого предписывается Кораном. Подобные ограничения воспринимаются исламистами как посягательство на религиозную идентичность, препятствование в исповедовании ислама, а следовательно, являются достаточным основанием для ведения «джихада меча» на территории европейских стран. При этом адресом гнева зачастую выступает не правительство и не полиция, а мирные граждане.

Неизбирательность насилия они пытаются обосновать искусственными и произвольными интерпретациями некоторых противоречивых сур Корана. Тем самым идеологи исламизма подталкивают своих адептов к совершению диверсионно-террористических актов (ДТА) против населения европейских стран под предлогом защиты ислама и на основании надуманных и предвзятых трактовок Корана, обещая за это прощение всех грехов и гарантируя место в раю.

Если критерием для отнесения той иной террористической группировки к джихадистской является принадлежность к религиозному, конкретно исламскому экстремизму, то в группу *этнонационального и сепаратистского терроризма* включаются экстремистские организации широкого спектра идеологий, которые объединяет одно – борьба за создание независимых национальных государств.

Стремление к обособлению развивается на основе этнического и частично религиозного признака и проводится этнополитическими группами национальных меньшинств внутри признанных государств. При этом группировки могут тяготеть как к левой, так и к правой идеологии, религиозный фактор может проявляться сильнее или слабее. В настоящее время четко прослеживаются несколько регионов, где действуют этнонациональные и сепаратистские организации, признанные в ЕС террористическими, – это Ближний Восток, Южная Азия, Северная Ирландия и Северная Испания.

На Ближнем Востоке очагом напряженности традиционно является территория палестино-израильского конфликта, корни которого уходят в начало XX в. Евросоюз рассматривает палестинскую проблему в прямой увязке со своей средиземноморской политикой (Барселонский процесс). В рамках средиземноморского партнерства в 1997 г. ЕС заключил временное соглашение об ассоциации с Палестинской национальной администрацией. Современная политика ЕС в регионе направлена на достижение долгосрочного мира на основе концепции сосуществования двух независимых государств – Израиля и Палестины. Через специальную программу миротворческого партнерства Евросоюз осуществляет значительную экономическую, социальную и гуманитарную помощь Палестине.

Вместе с тем большинство стран Евросоюза не признают государство Палестина, среди них постоянные члены Совета Безопасности ООН – Великобритания и Франция. В самом арабском мире небезосновательно считают, что ЕС действует в русле внешней политики США, где, в свою очередь, очень сильно произраильское лобби. Несмотря на то что после признания со стороны США 6 декабря 2017 г. Иерусалима столицей Израиля, многие главы государств – членов ЕС выступили с критикой данного решения, в тот же день было обнародовано заявление МИД Чехии, в котором Прага присоединялась в этом вопросе к Вашингтону. Более того, Венгрия заблокировала принятие общего заявления ЕС, где должна была быть выражена серьезная озабоченность решением президента Дональда Трампа [Rettman 2017]. В связи с этим неудивительно, что уже на следующий день произошло нападение (пока не террористического характера) на еврейский ресторан в Амстердаме.

Другим неспокойным регионом на Ближнем Востоке является Курдистан. Государство курдов должно было быть создано в соответствии с условиями Севрского мирного договора [Вышинский 1950, стлб. 601] от 10 августа 1920 г. после поражения Османской империи в Первой мировой войне. Но договор так и не вступил в силу. Вследствие этого началась активная фаза турецко-курдского противостояния, переросшего к концу XX в. в партизанскую войну с активным использованием диверсионно-террористических методов.

Проводимые курдами акты терроризма не ограничиваются территорией Курдистана. Диверсии на различных объектах и нападения на турецких чиновников, военных, полицейских, дипломатов и политиков происходили на всей территории Турции и в Европе. Более того, в 1990-е годы объектами атак нередко становились европейские туристы.

По заявлению арестованного турецкими спецслужбами лидера Курдской рабочей партии Абдуллы Оджалана, курды были причастны к осуществлению одних из самых резонансных терактов 1980-х годов в Европе: покушению на Папу Римского Иоанна Павла II в 1981 г. в Ватикане и убийству

премьер-министра Швеции Улофа Пальме в Стокгольме 28 февраля 1986 г. Последнее, якобы, было совершено из мести политику за отказ Швеции в предоставлении политического убежища курдам, объявленным Турцией в международный розыск.

В настоящее время деятельность курдских экстремистов в Европе сводится к атакам на турецкие учреждения, культурные объекты и собственность. В некоторых странах – членах ЕС отмечается активный сбор средств в поддержку курдского движения.

Группировки Южной Азии из списка ЕС представляют кашмирских, сикхских и тамильских сепаратистов.

Сикхские сепаратисты борются за создание независимого государства Халистан на территории индийского штата Пенджаб и соседних территориях Северной Индии и Пакистана. Объектами атак сепаратистов традиционно являлись индуисты и ниранкари, проживающие на территории Халистана. Целью нападений было изгнание всех несикхов с территории Пенджаба. Помимо того террористические акты совершались в отношении сикхов, которые не поддерживали сепаратистов. Наиболее резонансными стали покушения сикхов на высших должностных лиц Индии – убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди 31 октября 1984 г., покушение на премьер-министра Индии Раджива Ганди 2 октября 1986 г., убийство главного министра Пенджаба Беанта Сингха 31 августа 1995 г.

При этом сикхи мало влияют на террористическую активность за пределами Индии.

Похожая ситуация, но в меньших масштабах, сложилась вокруг кашмирской проблемы. Спор между Индией и Пакистаном из-за статуса Кашмира привел к активизации экстремистских организаций, использующих диверсионно-террористические методы. При этом террористическая активность кашмирских сепаратистов практически не выходит за территорию штата.

Наибольшую известность в мире получило движение тамильских сепаратистов, действующее на Шри-Ланке и на юго-востоке Индии в штате Тамиланд. Как и сикхские группировки, тамилы были ориентированы на создание своего независимого государства и не были заинтересованы в экспорте вооруженной борьбы за пределы региона. Вместе с тем на их счету крупномасштабные диверсионно-террористические операции и резонансные политические покушения – убийство премьер-министра Индии Раджива Ганди 21 мая 1991 г., убийство президента Шри-Ланки Ранасингхе Примадаса 1 мая 1993 г. и др.

Непризнанное государство тамилов было разгромлено в результате так называемой Четвертой исламской войны, которая официально закончилась 18 мая 2009 г. полным поражением боевых отрядов повстанцев от вооруженных сил Шри-Ланки. После этого деятельность сепаратистов резко пошла на

убыль. В августе 2009 г. в Таиланде был арестован лидер тамилов Салварес Патмантан, а в мае 2011 г. в Норвегии был задержан руководитель «Тамильского координационного комитета» Перинпанайагам Сивапаран, обвиняемый в финансировании террористов [Sethurupan 1998]. Тем не менее деятельность тамильских организаций в Европе отмечается и в настоящее время. Так, в июне 2016 г. в Швейцарии были арестованы 13 человек, обвиняемых в причастности к сбору средств, в том числе преступным путем, которые должны были быть направлены на закупку оружия в Шри-Ланке.

Также в список террористических организаций ЕС включены организации этнонационального и сепаратистского толка, действующие на территории самого ЕС – в Северной Ирландии и на севере Испании.

После заключения 10 апреля 1998 г. в Белфасте так называемого Соглашения Страстной пятницы [Agreement 1998], ознаменовавшего завершение длившегося с 1969 г. этнополитического конфликта между центральными британскими властями и ирландскими национальными организациями, напряженность в регионе пошла на убыль. При этом часть политических группировок Северной Ирландии, придерживающихся идей ирландского республиканизма, не поддержала и не признала достигнутые договоренности. Среди этих группировок: Подлинная Ирландская республиканская армия (ирл. *Óglaighnah Éireann*), Преемственная Ирландская республиканская армия (*Continuity IRA*), Новая Ирландская республиканская армия (*The New IRA*). Все они признаны террористическими в Великобритании, США и некоторых странах Британского содружества.

После того как главная организация баскских сепаратистов ЭТА (баск. *Euskadi Ta Askatasuna*) в 2011 г. объявила о прекращении вооруженной борьбы, диверсионно-террористическая активность в регионе резко снизилась. Однако, как и в Северной Ирландии, ряд группировок отказались присоединиться к одностороннему перемирию. Инициативу вооруженной борьбы попытались перехватить «патриотические левые» (исп. *Izquierda Abertzale*) в лице молодежной группы Эрна (баск. *Ernai*) и других диссидентских группировок, действующих как на испанской, так и на французской территориях.

Приверженность крайним формам оппонирования государственной власти и борьбе за социальное равноправие в интересах беднейших слоев населения (трудящихся) является основанием для отнесения организации в группу *левых и анархических*. Идеологическим толчком к развитию левого терроризма в Европе считаются события мая 1968 г., являвшиеся пиком социального кризиса во Франции, вылившегося в студенческие протесты и массовые беспорядки. Тогда же были сформулированы лозунги, ставшие иллюстрацией западноевропейского левого радикализма – новых левых: «Мы не будем ничего требовать и просить: мы возьмем и захватим», «Твоё счастье купили. Укради его!», «Под булыжниками мостовой – пляж!», «Будем жестокими!»,

«Смерть коровам!» (фр. *vaches* – коровы; в переносном смысле грубое пренебрежительное прозвище полицейских). Основываясь на идеях анархизма, марксизма, маоизма, троцкизма и других левых доктрин, французские, а за ними и другие европейские группировки, недовольные несправедливостью капиталистической системы, создали идеологическое обоснование экстремизма, направленного на борьбу против власти буржуазии и существующих порядков. Эти взгляды во многом перекликались с идеями русских революционеров XIX в.

Некогда мощное движение новых левых, породившее такие известные террористические группировки как «Фракция Красной армии» (нем. *Rote Armee Fraktion*) в Германии, «Красные бригады» (итал. *Brigate Rosse*) в Италии, «Прямое действие» (фр. *Action directe*) во Франции, к концу 1990-х практически сошло на нет. В настоящее время в Европе ДТА левыми все еще совершаются, их количество даже растет, однако авторами этих акций становятся чаще террористы-одиночки либо их небольшие группы. В основном это происходит в средиземноморских странах (Греция, Испания, Италия), которые в значительной степени пострадали от экономического кризиса.

Сейчас левый терроризм наиболее распространен в странах третьего мира – в Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке и в Африке. Здесь у него, в отличие от Европы, есть мощная социальная база в виде беднейших слоев населения, часто находящихся за чертой бедности и стремящихся к социальной справедливости. В список террористических организаций ЕС включены три латиноамериканские группировки (Колумбия и Перу), две ближневосточные (Турция и Палестина) и одна из Юго-Восточной Азии (Филиппины).

На противоположной стороне политического спектра находятся *правые террористические* группировки, придерживающиеся крайних националистических и ксенофобских взглядов.

Несмотря на то что правая идеология имеет давние традиции в Европе и в последние годы – в связи с притоком мигрантов в ЕС – набирает популярность, деятельность правых почти не выходит за рамки уличной преступности. За весь 2016 г. был всего один случай, который был классифицирован как акт правого терроризма (Нидерланды). Деятельность праворадикальных группировок либо носит легальный и полулегальный характер, либо быстро пресекается полицейскими органами. Соответственно, в списке террористических организаций не представлено ни одной правой группировки.

Терроризм одной проблемы представляет собой действия диверсионно-террористического характера, которые, в отличие от религиозно или политически мотивированных акций, рассмотренных выше, сосредоточены на решении одного какого-либо конкретного вопроса. Обычно сюда относят экстремистов-экологов, борющихся против загрязнения окружающей среды

или убийств животных, радикальных противников абортов, нападающих на врачей и медицинские учреждения, где осуществляют искусственное прерывание беременности, и пр.

Таким образом, наиболее актуальными для сегодняшнего ЕС являются: джихадистский терроризм (который по числу вовлеченных в него людей и организаций лидирует с большим отрывом), этнонациональный и сепаратистский терроризм, а также левый и анархический терроризм.

ЕС стремится рассматривать проблему терроризма с учетом многогранности террористических проявлений. Подход ЕС в целом соответствует российским взглядам на данный феномен. Европейский союз испытывает на себе влияние общемировых процессов и стремится оценивать террористическую угрозу адекватно ситуации.

Библиография

Вышинский А.Я., Лозовский С.А. Дипломатический словарь: в 2 т. М.: Государственное издательство политический литературы, 1950. Т. 2: Л–Я. 996 стлб.

The Agreement. Agreement reached in the multi-party negotiations (10 April 1998) // CAIN Web Service. URL: https://cain.ulster.ac.uk/events/peace/docs/agreement.htm (Дата обращения: 12.03.2019.)

European Union terrorism situation and trend report 2017 (TE-SAT 2017) // Europol: Official Website. URL: https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018 (Дата обращения: 15.04.2019.)

LOI n° 2004–228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appurtenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics // Legifrance: Official Website. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cid Texte=JORFTEXT000000417977 (Дата обращения: 18.02.2019.)

Rettman A. Two EU states break ranks on Jerusalem // Euobserver. 2017. 7 Dec. URL: https://euobserver.com/foreign/140198 (Дата обращения: 24.08.2018.)

Sethurupan N. New LTTE Leader Nediyavan arrested in Norway and held in custody // Srilanka Guardian. 2011. May 20. URL: http://www.srilankaguardian.org/2011/05/new-ltte-leader-nediyavan-arrested-in.html?m=1 (Дата обращения: 03.07.2018.)

Wahlisch M. EU Terrorist Listing. An overview about Listing and Delisting Procedures. Berghof Peace Support (2010) // Berghof Foundation: Official Website. URL: https://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Other_Resources/RLM_EU_Terrorist_Listing.pdf (Дата обращения: 09.11.2018.)

References

European Union terrorism situation and trend report 2017 (TE-SAT 2017). Europol: Official Website. URL: https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018 (Date of access: 15.04.2019.)

LOI n° 2004–228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appurtenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics. Legifrance: Official Website. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cid Texte=JORFTEXT000000417977 (Date of access: 18.02.2019.)

Rettman A. Two EU states break ranks on Jerusalem. Euobserver. 2017. Dec. 7. URL: https://euobserver.com/foreign/140198 (Date of access: 24.08.2018.)

Sethurupan N. New LTTE Leader Nediyavan arrested in Norway and held in custody. Srilanka Guardian. 2011. 20 May. URL: http://www.srilankaguardian.org/2011/05/new-ltte-leader-nediyavan-arrested-in.html?m=1 (Date of access: 03.07.2018.)

The Agreement. Agreement reached in the multi-party negotiations (10 April 1998). CAIN Web Service. URL: https://cain.ulster.ac.uk/events/peace/docs/agreement.htm (Date of access: 12.03.2019.)

Vyshinskij A.Ja., Lozovskij S.A. Diplomaticheskij slovar': v 2 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskij literatury, 1950. Vol. 2: L–Ya. 996 stlb.

Wahlisch M. EU Terrorist Listing. An overview about Listing and Delisting Procedures. Berghof Peace Support (2010). Berghof Foundation: Official Website. URL: https://www.berghof-foundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Other_Resources/RLM_EU_Terrorist_Listing.pdf (Date of access: 09.11.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.12

М.А. Ядова

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В работе анализируются индивидуальные и социальные сильные / слабые ресурсы (стартовый капитал социального происхождения, уровень образования, материальной обеспеченности, проживание в крупном городе / глубинке, способности к адаптации, число и характер формальных / неформальных связей, уровень притязаний и пр.), влияющие на поведение и модернизационный потенциал человека. Вводится понятие модернизационного капитала личности, под которым предлагается понимать совокупность социальных ресурсов и индивидуальных особенностей личности, формирующих предрасположенность индивида к тому, что принято называть современным типом поведения, и способствующих успешному освоению соответствующих ценностей, поведенческих паттернов. Рассматриваются факторы, определяющие преобразование модернизационного потенциала в модернизационный капитал. Такая трансформация сложна без создания благоприятных для социального обновления условий. Только в реально модернизирующемся обществе капитал станет «работать», накапливаясь и возвращая его обладателю вложенные «инвестиции». Показано, что модернизационный капитал личности является одним из ключевых условий социально-экономического развития общества. Утверждается, что принадлежность к сильноресурсной группе населения повышает шансы на адаптацию к новым социальным условиям, а также на индивидуальную «модернизацию». Кроме того, результаты проведенного автором эмпирического исследования показывают, что при усвоении индивидом новых и традиционных ценностей значительную роль играет его социальное окружение. В целом настоящее исследование продемонстрировало, что постсоветская молодежь потенциально готова к социальной модернизации. В будущем при благоприятных внешних условиях молодое поколение может стать движущей силой, способной к изменению и обновлению российского общества.*

Ключевые слова: *модернизация российского общества; социальные ресурсы; модернизационный потенциал; модернизационный капитал; постсоветская молодежь.*

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии

Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: m.yadova@mail.ru

M.A. Yadova. Modernization Potential and Modernization Capital: Facets of Interaction

Absract. *Personal and social strong / weak resources (start-up capital of social origin, level of education and material security, living in a large city / the backwoods, adaptive abilities, number and character of formal / informal contacts, personal networks, level of aspiration, etc.) that have an impact on human behaviour and modernization potential are being analyzed in this paper. There is introduced a notion of personality's modernization capital proposed to be understood as an aggregate of social resources and individual personality peculiarities that form individual predisposition to what is commonly called the modern type of behaviour and facilitate successful mastering of appropriate values, behavioural patterns. There are considered issues that facilitate transformation of modernization potential into modernization capital. It is shown that personality's modernization capital is one of the key conditions of the social and economic development of society. It is argued that belonging to the high-resource population group («modern» social environment) increases chances of individual «modernization» and adaptation to new social conditions. In general, our findings showed that the post-Soviet young people possess certain modernization potential; they are ready for social modernization. The author suggests that in the future, under favorable external environment, youth can become a driving force for changes and modernization of Russian society.*

Keywords: *modernization of Russian society; social resources; modernization potential; modernization capital; post-Soviet youth.*

Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). E-mail: m.yadova@mail.ru

Тему модернизации можно отнести к вечным для нашей страны: каждый новый кризисный момент инициирует очередную волну дискуссий о необходимости модернизации российского общества. Некоторые исследователи считают, что для России характерно – зачастую в имплицитной форме – одновременное протекание модернизационных и демодернизационных процессов [Королев 2009 a; Королев 2009 b]. Как бы то ни было, важность и целесообразность завершения модернизационных процессов в российском социуме, кажется, признают все. Член-корреспондент РАН Н.И. Лапин называет сегодняшнюю Россию «полуоткрытым обществом» [Лапин 2018, с. 11], которое находится в пограничном состоянии и крайне медленно модернизируется. Это, считает он, способно породить если не социальный взрыв, то серьезные

обострения накопившихся социальных противоречий. Несмотря на то что Россия, по его мнению, вступила в подготовительную фазу вторичной модернизации, уровень модернизированности большинства региональных сообществ невысок и весьма полярен (от клановой архаики до общества знаний).

В подобных условиях именно человеческие ресурсы можно рассматривать в качестве реальной опоры для модернизационных процессов в нашей стране. Представляется важным понять, какие группы населения потенциально наиболее восприимчивы к ценностям модерна[1] и могли бы стать основными акторами социальных изменений. Как показывают результаты многочисленных массовых опросов, готовность к саморазвитию, открытость переменам и адаптивную гибкость обычно демонстрируют обладатели сильного «личностного» капитала.

Именно личностный капитал отдельного человека – его индивидуальные особенности и ресурсы – считаются ключевыми факторами, определяющими поведение человека [Тихонова 2004; Ядов 2001; Portes 1998]. Кратко остановимся на наиболее «сильноресурсных» детерминантах, характерных для России [подробнее см.: Ядов 2001, с. 314–317].

1. Прежде всего, это ***«стартовый капитал»*** социального происхождения и первичной социализации, а именно – воспитание в достаточно благополучной, статусной, материально обеспеченной родительской семье.

2. ***Хорошее образование и высокая квалификация.*** Образование и профессиональная подготовка нередко определяют положение человека на всех этапах его жизненного пути. По словам польского социолога П. Штомпки, хорошее образование способствует преодолению «культурной травмы» [Штомпка 2001, с. 14]: хорошо образованные люди легче адаптируются к изменившимся социальным условиям.

3. ***Материальная обеспеченность***, несомненно, является одним из важнейших социальных ресурсов. В настоящее время в российском обществе насчитывают около 30% бедных, причем наблюдается тенденция к консервации бедности, т.е. закрепление доли людей, находящихся в экономически депривированном состоянии более пяти лет. Также получает распространение процесс «наследования» бедности [Бедность и неравенства 2013].

4. ***Молодой возраст и хорошее здоровье как естественные ресурсы.*** Впрочем, для ряда групп молодежи – сельской, безработной, выходцев из малоимущих семей – данные преимущества не кажутся очевидными.

1. В настоящей работе под современными будем понимать характеристики «современной личности», сформулированные американским социологом А. Инкелесом: открытость новому опыту, социальная ответственность и активность, законопослушность, толерантность, самостоятельность, интернальность и пр. [Inkeles 1974].

5. ***Проживание в мегаполисе*** или крупном городе в отличие от «глубинки» и сельской местности значительно повышает шансы успешно адаптироваться к происходящим социальным изменениям.

6. Наличие ***обширных межличностных связей*** и «полезных знакомств».

7. Британская исследовательница Т. Басит, анализируя образовательные и профессиональные устремления молодых британцев, предлагает дополнить теорию социального и культурного капитала идеей так называемого ***аспирационного капитала*** *(aspirational capital)*, важными составляющими которого являются высокие карьерные устремления, что повышает шансы на жизненный успех [Basit 2012]. В небогатых семьях аспирационный капитал нередко заменяет недостающие ресурсы культурного и социального капитала.

8. В числе личностных сильных ресурсов одно из основных мест занимает высокий ***уровень самооценки***, поскольку без высокой (но не завышенной) самооценки невозможны саморазвитие и личностный рост.

9. ***Внутренний локус контроля (интернальность)*** в противовес внешнему, т.е. желание человека видеть источник управления своей жизнью в самом себе, а не во внешних обстоятельствах.

10. Как уже говорилось выше, еще одним значительным индивидуальным ресурсом является ***способность к адаптации***. Россияне, особенно молодые и среднего возраста, все чаще готовы предпринимать действенные шаги по улучшению своего положения (сменить профессию, пройти переобучение, «уйти» в теневой сектор экономики) [Плюснин, Позаненко 2015].

Таким образом, можно сделать вывод, что для сильноресурсных социальных групп адаптация к новым условиям относительно облегчена, что повышает их шансы на успешную индивидуальную «модернизацию» наравне с общественной. Это дает возможность говорить не только о модернизационном потенциале, но и модернизационном капитале человека. Под первым будем понимать наличие отдельных ресурсов, повышающих адаптивные возможности человека в условиях модернизации. Тогда как термином «модернизационный капитал» предлагаем обозначить совокупность социальных ресурсов и индивидуальных особенностей личности, формирующих предрасположенность индивида к тому, что принято называть современным типом поведения, и способствующих успешному освоению соответствующих ценностей, поведенческих паттернов. Для преобразования потенциала в капитал необходима мотивация человека, внутренняя готовность к социальной модернизации и факторам ее проявления, наличие соответствующих персональных – «модернизационных» – ценностных и поведенческих установок. Такая трансформация чрезвычайно сложна без создания благоприятных для социального обновления условий. Только в реально модернизирующемся обществе подобный капитал станет «работать», накапливаясь и возвращая его обладателю вложенные «инвестиции».

Если задаться целью сконструировать социальный портрет идеального обладателя модернизационного капитала, получится следующее: представитель(ница) молодого поколения, с хорошим образованием, выросший или живущий в мегаполисе, обладающий достаточно «сильным» набором социальных ресурсов, демонстрирующий ярко выраженные достижительные установки, открытый новациям и изменениям, по личностным качествам соответствующий «modern personality».

Кстати, по данным проведенного автором статьи эмпирического исследования постсоветской молодежи, гипотеза о связи между модернизмом человека и его «ресурсоемкостью» подтвердилась: доля «модернистов» в сильноресурсной подвыборке выше, чем в слаборесурсной (ср.: 23% vs 5%) [см., например: Ядова 2012]. Также было обнаружено, что при усвоении индивидом новых и традиционных ценностей немалую роль играет социальное окружение. Для «модернистов» в роли «значимых других» часто выступают *современные* люди – те, кто социально активен, независим и пр. Уважение же «традиционалистов», как правило, вызывали авторитарные личности [см.: Ядова 2011, с. 272].

Вышеизложенное дает надежду предположить, что постсоветская молодежь потенциально готова к социальной модернизации. В будущем при благоприятных внешних условиях представители этого поколения могут стать той силой, которая действительно способна к обновлению российского общества.

Библиография

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя: Аналитический доклад / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Институт социологии РАН, 2013. 168 с.

Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. 1 // Философия и культура. 2009 a. № 1 (13). С. 72–80.

Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. 2 // Философия и культура. 2009 b. № 2 (14). С. 37–45.

Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017

Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. № 1. С. 35–71.

Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24–35.

Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Ядова М.А. «Модернисты» и «традиционалисты» постсоветского поколения: Особенности индивидуальных биографий // Социологический ежегодник. 2011. С. 264–280.

Ядова М.А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 114–125.

Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–319.

Basit T.N. «My parents have stressed that since I was a kid»: Young minority ethnic British citizens and the phenomenon of aspirational capital // Education citizenship and social justice. 2012. Vol. 7. No 2. P. 129–143.

Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. 436 p.

Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual review of sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.

References

Basit T.N. «My parents have stressed that since I was a kid»: Young minority ethnic British citizens and the phenomenon of aspirational capital. Education citizenship and social justice. 2012. Vol. 7. No 2. P. 129–143.

Bednost' i neravenstva v sovremennoj Rossii: 10 let spustya: Analiticheskij doklad. Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonovoj. Moscow: Institut sociologii RAN, 2013. 168 p.

Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. 436 p.

Korolev S.A. Modernizaciya i demodernizaciya v rossijskoj istorii. Ch. 1. Filosofiya i kul'tura. 2009 a. No 1 (13). P. 72–80.

Korolev S.A. Modernizaciya i demodernizaciya v rossijskoj istorii. Ch. 2. Filosofiya i kul'tura. 2009 b. No 2 (14). P. 37–45.

Lapin N.I. Antroposociokul'turnyj evolyucionizm – metateoreticheskij princip izucheniya soobshchestv lyudej. Sociologicheskie issledovaniya. 2018. No 3. P. 3–14. DOI: 10.7868/S01321625 18030017

Plyusnin Yu.M., Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N. Othodnichestvo kak novyj faktor obshchestvennoj zhizni. Mir Rossii. 2015. No 1. P. 35–71.

Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology. Annual review of sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.

Shtompka P. Social'nye izmeneniya kak travma. Sociologicheskie issledovaniya. 2001. No 1. P. 6–16.

Tikhonova N.E. Social'nyj kapital kak faktor neravenstva. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. No 4. P. 24–35.

Yadova M.A. «Modernisty» i «tradicionalisty» postsovetskogo pokoleniya: Osobennosti individual'nyh biografij. Sociologicheskij ezhegodnik. 2011. P. 264–280.

Yadova M.A. Sovremennoe i tradicionnoe v cennostyah postsovetskoj molodezhi. Sociologicheskie issledovaniya. 2012. No 1. P. 114–125.

Yadov V.A. Social'nyj resurs individov i grupp kak ih kapital: Vozmozhnost' primeneniya universal'noj metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossijskom obshchestve. Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Pod red. T.I. Zaslavskoj. Moscow: MVSHSEN, 2001. P. 310–319.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ. РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.13

Т.Г. Биткова, А.В. Манойло,
О.Н. Новикова, Т.Г. Пархалина, А.С. Сидоров,
Ф.О. Трунов, Ю.А. Щербакова

СТРАНЫ ЗАПАДА ПРОТИВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ В АЗИИ И АФРИКЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМИНАРА ЦЕНТРА НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНИОН РАН (8 ноября 2018 г.)

Аннотация. *Стабильное функционирование развитых государств мира сегодня все больше определяется возможностью их успешного противодействия вызовам безопасности, исходящим от нестабильных государств, в первую очередь расположенных в Азии и Африке. В этой связи в обзоре исследуется опыт государств мира, особенно западных государств, в процессе урегулирования вооруженных конфликтов, сторонами которых являлись структуры международного терроризма. Изучается их эволюция в 2010-е годы и оценивается опыт силовых операций против их военизированных формирований (такой как операция ВКС РФ в Сирии). На примере трех ведущих государств НАТО (США, Франции и Германии) изучаются основные формы и методы применения вооруженных сил для борьбы с международным терроризмом в сочетании с использованием политико-дипломатического и военного инструментария. Выделяются основные компоненты современной стратегии Соединенных Штатов Америки в отношении Афганистана, включающие рост объемов собственных военных усилий, активизацию поддержки афганских национальных сил безопасности, примирение национальных элит и более активное включение в урегулирование со стороны значимых региональных игроков (в первую очередь, Индии и Пакистана). Особое внимание уделяется вопросам налаживания политических контактов с талибами в качестве одного из инструментов стабилизации обстановки в стране. Изучается опыт применения Французских вооруженных сил в Мали (на примере операций «Сервал» и «Бархан»). Оцениваются возможности Франции и ее партнеров, особенно Германии, по урегулированию конфликтов в странах «сахельской пятерки» (Мали, Мавритания, Буркина-Фасо, Нигер и Чад). Прослеживаются закономерности использования бундесвера в миротворческих операциях и операциях по поддержанию мира на Балканах, в Центральной Азии (на примере Афганистана) и Африке (на опыте Мали). Особое внимание уделяется подходам по противодействию террористической угрозе со стороны восточноевропейских государств (на примерах Чехии и Румынии). Делается вывод о промежуточных результатах и перспективных задачах урегулирования вооруженных конфликтов с участием структур международного терроризма.*

Ключевые слова: *вооруженные конфликты; международный терроризм; урегулирование; США; Франция; Германия; Румыния; Чехия.*

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, Москва. E-mail: tgbitkova@mail.ru

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, профессор факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, зав. Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН, Москва. E-mail: inionnovikova@gmail.com

Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук, руководитель Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, заместитель директора по научной работе, ИНИОН РАН, Москва. E-mail: parkhalina@inion.ru

Сидоров Александр Сергеевич – научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, Москва. E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, Москва. E-mail: 1 trunov@mail.ru

Щербакова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, Москва. E-mail: juli.bak@mail.ru

T.G. Bitkova, A.V. Manoylo, O.N. Novikova, T.G. Parkhalina, A.S. Sidorov, Ph.O. Trunov, Yu.A. Sherbakova. Western Countries Against the Terrorist Threat in Asia and Africa. According to the Materials of the Seminar of the Center of Scientific Information Studies on Global and Regional Issues INION (November 8, 2018)

Abstract. *In current situation the stable functioning of the developed states in the world is increasingly determined by their capacities to counter security challenges coming from the unstable countries. The vast majority of the latter are located in Asia and Africa. In this context the analytical overview explores the experience of the states (first all Western states) in the armed conflicts regulation. In some cases the sites of the armed conflicts are the units of international terrorism. The scientific paper explores their evolution in the*

2010s and evaluates the experience of military operations against the militarized forces of international terrorism units (based on the operation of Russian Aerospace Forces in Syria). The overview explores the key forms and methods of armed forces use in the struggle against international terrorism in combination with the use of diplomatic and economic tools having in mind the example of the key NATO member states (the USA, France, Germany). The paper underlines the key components of modern US strategy towards Afghanistan. These components include the growth of own military effort, the stirring up of Afghan national security forces, the reconciliation of national elites and more active participation of important regional players (first of all India and Pakistan). The authors pay special attention to the questions of political contacts with the Taliban movement as one of the instruments of stabilization in Afghanistan. The scientific research explores the experience of the use of French armed forces in Mali (the operations «Serval» and «Barhan»). The overview evaluates the opportunities of France and its partners (first of all Germany) for stabilization in 5 Sahel countries (Mali, Mauritania, Burkina Faso, Niger and Chad). The scientific research explores the features of the use of Bundeswehr in peacemaking and peacekeeping in the Balkans, Central Asia (on the example of Afghanistan) and Africa (the example of Mali). The review pays special attention to the Eastern European attitude towards terrorism (the examples of Romania and the Czech Republic). The scientific paper concludes with intermediate results and perspective goals of regulation of armed conflicts with the participation of international terrorist structures.

Keywords: *armed conflicts; international terrorism; regulation; USA; France; Germany; Romania; Czech Republic.*

Bitkova Tatyana Georgyevna – Candidate of Philological Science, Senior Researcher, Department of Europe and America, INION RAN, Moscow. E-mail: tgbitkova@mail.ru

Manoylo Andrey Viktorovich – Doctor of Political Science, Leading Researcher, Department of Europe and America, INION RAN; Professor, Faculty of Politology, Moscow State University, Moscow. E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Novikova Olga Nikolayevna – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Europe and America, INION RAN, Moscow. E-mail: inionnovikova@gmail.com

Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Scientific Information Studies of Global and Regional Problems, Deputy Director for Scientific Work, INION RAN, Moscow. E-mail: parkhalina@inion.ru

Sidorov Aleksandr Sergeevich – Researcher, Department of Europe and America, INION RAN, Moscow. E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com

**Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Science,
Senior Researcher, Department of Europe and America,
INION RAN, Moscow. E-mail: 1 trunov@mail.ru**

**Sherbakova Yulia Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher, Department of Europe and America,
INION RAN, Moscow. E-mail: juli.bak@mail.ru**

8 ноября 2018 г. Центром научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН был проведен научно-методический семинар, посвященный вопросам участия государств – членов и институтов Евро-Атлантического сообщества в стабилизации охваченных вооруженными конфликтами стран Азии и Африки. Основное внимание было уделено тем из них, где ведущую деструктивную роль играют структуры международного терроризма.

* * *

В реалиях современного миропорядка растет взаимозависимость субъектов на фоне усложнения решения внутренних проблем, в том числе в области безопасности. Так, развитые и стабильные страны «глобального Севера»[1] – в первую очередь, государства – члены Евро-Атлантического сообщества – выступают уже не только в роли субъектов, пытающихся противостоять растущей нестабильности на «глобальном Юге» (как это было и в период холодной войны), но и сами становятся объектами для проецирования исходящих оттуда угроз. Это особенно опасно в условиях существенного роста в странах «глобального Юга» числа вооруженных конфликтов, при этом все чаще их сторонами – особенно в Африке севернее Сахары, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии – становятся структуры международного терроризма. Их целью является уничтожение института светского государства в принципе. Это вызов безопасности, имеющий полномасштабное ценностное измерение.

Производными от разрастания – в хронологическом и особенно географическом отношениях – вооруженных конфликтов с участием структур международного терроризма являются рост потоков беженцев, повышение активности террористических структур, укрепление сил организованной

1. К «глобальному Северу» в концепции мир-системного подхода И. Валлерстайна традиционно относятся экономически развитые и политически стабильные страны, преимущественно расположенные в Северном полушарии (а также ряд стран Южного полушария – в частности, Австралия, Новая Зеландия). «Глобальный Юг» объединяет в своем составе развивающиеся страны, в основном расположенные в Азии, Африке и Латинской Америке. – Прим. авт.

преступности и развитие «черного рынка». Последнее положение включает в себя как незаконные перемещения с целью реализации оружия (в первую очередь, стрелкового), взрывчатых и наркотических веществ, так и «теневые» продажи различных полезных ископаемых и материальных ценностей (в частности, антиквариата), захватываемых боевиками и имеющихся в распоряжении организованной преступности. Масштаб проявления данных вызовов в странах «глобального Севера» обычно находится в прямо пропорциональной зависимости не только от удаленности очага нестабильности, но и степени «запущенности» образующего его вооруженного конфликта. Соответственно, первейшей задачей в его урегулировании является нанесение ущерба структурам международного терроризма, сокращение их военных возможностей.

Участники семинара согласились с тем, что в значительной мере этого удалось достичь в ходе операции Вооруженных сил России на территории САР (основу группировки составляли ВКС), начатой 30 сентября 2015 г. и проводившейся в тесном взаимодействии с сирийскими правительственными и иранскими войсками против «Исламского государства» (ИГ)[2]. В качестве примеров наиболее успешных операций стран Запада по борьбе с террористами на семинаре были обозначены: поражения «Аль-Каиды»[3] (и де-факто союзного ей «Талибана»[4]) от сил первой западной антитеррористической коалиции в Афганистане в конце 2001 – начале 2002 г., а также «Аль-Каиды» в Магрибе и «Ансар Ад-Дин» в Мали от группировки ВС Франции зимой-весной 2013 г.

Второй важной задачей являлось недопущение восстановления позиций структур международного терроризма, что может быть осуществлено в рамках двух сценариев. Один из них, наиболее желательный, – это полное искоренение присутствия боевиков в зоне конфликта. Другой заключается в недопущении серьезного усиления (восстановления) мощи террористических структур как за счет вербовки представителей местного населения, так и «перетока» боевиков из других регионов. К сожалению, первый вариант Западу не удалось реализовать ни в одной из стран, где осуществлялся процесс урегулирования. Проблематичным является и полное уничтожение остатков сил «Исламского государства» в Сирии, поскольку не удалось разгромить наиболее боеспособные части, перешедших от регулярных форм боевых действий к повстанческим.

2. Запрещенная в России террористическая организация. – Прим. авт.
3. Запрещенная в России террористическая организация. – Прим. авт.
4. Запрещенная в России террористическая организация. – Прим. авт.

Научный семинар состоял из двух тесно связанных блоков: изучения эволюции структур международного терроризма на современном этапе и форм борьбы Запада с ним в зонах вооруженных конфликтов.

На современном этапе мировое сообщество ведет борьбу с международными террористическими группировками третьего («Аль-Каида» и ее «дочерние» структуры, а также «Ансар Ад-дин» и «Аш-Шабаб»[5]) и четвертого («Исламское государство») поколений.

Как отмечалось участниками семинара, террористические группировки обоих поколений де-факто представляют собой корпорации по образцу ТНК. Главным отличием между поколенческими группировками являются принципы построения внутренней структуры. У группировок третьего поколения она горизонтальная. Полевые командиры обладают высокой степенью самостоятельности, а ведомые ими отряды не образуют сплошной линии фронта, взаимодействуя друг с другом от случая к случаю, относительно самостоятельны и подконтрольные террористам территории. Усложняя возможности борьбы с террористами, это обстоятельство в то же время становится серьезным препятствием для самих террористов в вопросах пополнения материально-ресурсной базы (в том числе рекрутирования новобранцев из числа местных жителей).

Террористические группировки четвертого поколения имеют вертикальную структуру. Ее возникновение обусловлено, во-первых, их численным ростом по сравнению с группировками предшествующего поколения. Так, к осени 2015 г. ИГ, согласно официальным российским оценкам, насчитывало до 60 тыс. боевиков [Террористическая организация 2016], большая часть из которых действовала в Сирии и Ираке. Во-вторых, боевики ставят перед собой качественно новые задачи: уже исходя из своего названия, ИГ претендует на создание глобального халифата с гомогенным суннитским населением (!). Соответственно, группировки этого поколения, особенно в периоды своего расцвета, становятся псевдогосударственными структурами. У них есть свои «министерства» (из которых особое значение приобретают военное, финансовое и религиозно-идеологическое) и регулярные военные формирования. Так, основной боевой единицей ИГ являются делящиеся на отряды бригады, подчиняемые штабам корпусного уровня. На сирийском и иракском театрах военных действий (ТВД) к моменту начала операции ВКС РФ силы ИГ и «Джебхат Ан-Нусры» состояли из пехотных, мотопехотных и специальных подразделений. Они не имели поддержки армейской авиации и располагали очень ограниченным количеством танков, но были высокомобильны и отлично использовали особенности местности.

5. Запрещенные в России террористические организации. – Прим. авт.

Переход группировок ИГ к вертикальной структуре позволил достаточно быстро нанести ощутимые потери их военным силам, направляя основные удары на командные пункты, центры связи, а также базы снабжения и превращая значительную часть отрядов и бригад в неорганизованные толпы, несущие большие потери в виду увеличения числа дезертиров. Однако «Исламское государство», которому было нанесено крупномасштабное поражение в Сирии и Ираке, во-первых, сумело сохранить часть наиболее боеспособных формирований в прилегающих друг к другу районах этих арабских государств, во-вторых, в условиях потерь вновь вернулось к горизонтальной структуре и повстанческим действиям вместо «регулярной войны», что затрудняет полный разгром джихадистов. Участники семинара сошлись во мнении о необходимости нанесения параллельных ударов по всем основным участкам «дуги нестабильности», что требует тесной координации усилий между ключевыми игроками международного сообщества – в первую очередь Россией и странами Запада.

Как будут выглядеть террористические структуры следующего, пятого поколения? В ходе дискуссии было высказано мнение, что они будут представлять собой сращивание «старых» террористических группировок, сил оргпреступности с коррумпированными представителями бюрократического аппарата в различных частях мира. Уже сейчас это требует поиска жестких и нестандартных решений для борьбы с террористической угрозой, способной приобрести новое качество.

* * *

Участники семинара сосредоточились на трех национальных моделях участия держав Запада в стабилизации конфликтогенных государств Азии и Африки: США (на примере афганского урегулирования на современном этапе), Франции (в контексте борьбы с международным терроризмом в Мали) и Германии.

«Новая» стратегия США в отношении Афганистана базируется на нескольких компонентах.

Первый из них – увеличение количества войск, повышение общей военной активности государств – членов НАТО, совершенствование уровня обучения афганских военнослужащих, расширение объемов поставок вооружений и военной техники в Афганистан. По состоянию на ноябрь 2018 г., в этой стране находятся свыше 15 тыс. военнослужащих США [Enhancing Security 2018, p. 3]. В настоящее время ВВС США в Исламской Республике Афганистан (ИРА) осуществляют примерно 70% от общего числа всех воздушных атак против вооруженной оппозиции. Командование группировкой войск США планирует осуществить поставку афганским ВВС военной техники (вертолетов UH-62

«Black Hawk») и обучать пилотов. Под давлением официального Вашингтона Афганистан отказался от приобретения российских вертолетов МИ-17. Белый дом ожидает, что и партнеры по коалиции в ИРА (суммарно 39 государств, контингенты которых насчитывают 7,5 тыс. военнослужащих) увеличат как военную, так и экономическую поддержку Афганистану.

Второй компонент – преодоление разногласий внутри властных структур ИРА, недопущение раскола страны по этническому признаку. Так, представителями США были проведены встречи с лидерами национальных территорий с целью их примирения. Однако эти усилия не увенчались успехом. Не последнюю роль здесь сыграло и то, что благие намерения дипломатов и военных США входят в противоречие с установкой президента Д. Трампа: «не заниматься государственным строительством, а убивать талибов» [Almukhtar, 2018, p. 1–2].

Третий компонент состоит в усилении давления на Пакистан с подключением к этому процессу Китая, а также стимулировании сотрудничества между Индией и Афганистаном. В администрации Д. Трампа понимают, что без Пакистана разрешить внутриафганский конфликт не удастся [Enhancing Security 2018, p. 20], поэтому планируется вести с официальным Исламабадом диалог по двум направлениям: с одной стороны, по дипломатическим, военным каналам и линии спецслужб, с другой – с использованием возможностей Китая. В дальнейшем не исключаются и методы давления, включающие в себя сокращение финансовой и военной помощи официальному Исламабаду. Однако пока власти КНР четко дают понять, что не собираются оказывать сильное влияние на своего надежного союзника, хотя от посреднических усилий для улучшения отношений между Афганистаном и Пакистаном не отказываются. Официальный Исламабад, в свою очередь, уже выражает крайнее недовольство «новой» стратегией США, старается опереться на поддержку как региональных, так и внерегиональных государств и даже угрожает Белому дому закупать оружие у Китая или России. Пакистанцы критикуют США за то, что их военные подходы в Афганистане себя не оправдали, и подчеркивают, что региональные проблемы должны решаться расположенными в Центральной Азии государствами на основе консенсуса. Исламабад предлагает США самим вести переговоры с талибами и включить Россию и Иран в состав Четырехсторонней координационной группы (Афганистан, США, Китай и Пакистан).

США настойчиво советуют индийской стороне больше инвестировать средств в афганскую экономику, хотя официальный Нью-Дели уже реализует программу сотрудничества с ИРА на сумму в 2 млрд долл., а в индийских военных колледжах проходят обучение офицеры полиции и военнослужащие армии Афганистана.

Неясно, какая роль отводится РФ – скорее всего США вообще не желали бы видеть ее в качестве своего партнера в афганских делах. То же самое касается региональных среднеазиатских государств, а также Ирана.

Четвертый компонент стратегии США – это продолжение усилий по перекрытию каналов финансирования деятельности «Талибана», для которого наиболее важным источником доходов остается участие в международной торговле наркотиками. Вызов, связанный с распространением наркотиков, в афганской стратегии США рассматривается особо [Meyer, 2018]. Так, в 2017 г. производство опия в Афганистане выросло на 87% по сравнению с 2016 г. [Девятый доклад 2018, с. 12]. Значительный рост был отмечен как в более традиционных для выращивания мака районах на юге Афганистана, так и в провинциях, где ранее не были отмечены массовые посевы мака на севере страны. В настоящее время на долю Афганистана приходится 90% от совокупного мирового объема незаконного производства [Farmer 2018].

Пятый компонент стратегии Соединенных Штатов в отношении Афганистана – активизация, наряду с военными усилиями, усилий политико-дипломатических с целью сдвинуть с места процесс мирного урегулирования конфликта. Официальный Кабул уже давно предпринимает попытки начать переговоры с талибами. Однако «Талибан» вместо того, чтобы пойти навстречу этим инициативам, настоял на предварительных контактах с представителями США [WSJ: Спецпредставитель 2018]. Требования талибов остаются прежними: вывод всех иностранных войск из Афганистана, снятие санкций с функционеров движения, освобождение из тюрем всех талибов и учреждение официального офиса движения. Каков будет компромисс, пока неясно.

Представляется, что США преследуют в ИРА исключительно свои интересы, направленные на сохранение своего военного присутствия в стране на максимально длительный срок. При этом на первый план выходят военные аспекты стратегии, а гражданские цели уходят на второй. Определенные сомнения возникают и относительно реализации идеи достижения политического урегулирования путем переговоров с талибами с последующим их инкорпорированием в государственные структуры страны.

Особое внимание участники дискуссии уделили опыту французского участия в борьбе со структурами международного терроризма в Мали. Хрупкое динамическое равновесие в регионе Сахеля[6] и в Мали на рубеже 2010-х годов просуществовало до 2011 г. и было нарушено ливийским кризисом. Свою роль сыграл и «алжирский фактор»: а) самостоятельная политика Алжира по противодействию исламистскому терроризму: вытеснение остатков

6. Имеется в виду «Сахельская пятерка» – Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад. – Прим. авт.

исламистских группировок на юг страны, в пограничные с Мали, Нигером, Ливией районы; б) неучастие Алжира в коллективных структурах безопасности в Сахеле.

Синергия ливийского и алжирского факторов привела к ухудшению обстановки в Мали и в дальнейшем – к потере правительственного контроля над северной частью страны. В условиях срыва внутрималийского диалога и фактического бездействия африканских региональных структур безопасности МНЛА[7] объявило о создании независимого государства.

Еще до военной операции «Serval» (11 января 2013 г.) Франция в 2012 г. развернула в Сахеле миссию «Sabre» с участием сил специальных операций (ССО). Сама же эта операция, решение о начале которой было принято очень быстро, обеспечила Франции дипломатическую поддержку на всех уровнях. Тем более что Франция действовала по просьбе законного руководства Мали [Hollande 2018, p. 50]. Операция эта обошлась Франции в 647 млн евро [Rapport 2013, p. 57]. Территориальная целостность Мали была восстановлена, а конфликт постепенно приобрел выраженный трансграничный характер, затронув территории ряда государств Сахеля.

Столь же дорогостоящая (порядка 600 млн евро в год [Hofnung, 2017]), логистически сложная операция «Бархан», начавшаяся 1 августа 2014 г., стала новой моделью регионального военного присутствия Франции в Африке. Необходимо подчеркнуть, что «Бархан» – прежде всего военная операция, не нацеленная на решение социально-экономических задач. Сложность для военных представляет определение противника. Вооруженные террористические группировки, против которых направлена операция, в реалиях Мали – понятие расплывчатое. Возникают вопросы, например как быть с различного толка вооруженными группами самообороны, различными «милициями», организованными по этнонациональному признаку. Открытым остается и вопрос о том, как реагировать на «социально-приемлемые» практики (контрабанду товаров, незаконную торговлю). Тонкая черта отделяет эти практики от контрабанды наркотиков, оружия, торговли людьми.

Несмотря на присутствие в Мали сил MINUSMA (Миссии ООН по стабилизации в Мали), а также военно-тренировочной миссии ЕС, этот конфликт урегулировать сложно. Результатом активных действий Малийской армии и ее союзников в 2018 г. стало вытеснение террористических групп за пределы страны, однако возникла угроза безопасности Нигера и особенно Буркина-Фасо. В октябре 2018 г. министр обороны Франции допустила возможность распространения операции «Бархан» на территорию Буркина-Фасо.

7. Национально-освободительное движение Азавада (фр. Mouvement national de libération de l'Azawad), по названию провинции на северо-востоке Мали. – Прим. авт.

Сегодня Мали остается клубком географических, этнонациональных и социальных противоречий. Алжирские соглашения о мире и примирении в Мали 2015 г. не работают. После прошедших в Мали в 2018 г. президентских выборов у Франции и международных партнеров появилась возможность побудить руководство Мали выполнять в полной мере достигнутые внутрималийские договоренности.

Каковы итоги? Во-первых, программы подготовки национальных армий в Сахеле в отрыве от остальных задач не решают должным образом проблемы безопасности. Во-вторых, попытки Франции и международного сообщества обеспечить консолидацию государств в Сахеле путем поддержки коррумпированной или автократической администрации не дают ожидаемого эффекта. В-третьих, Франция и Запад в целом подвержены манипуляции угрозой терроризма, неконтролируемого потока нелегальных мигрантов; при этом не учитываются социально-экономические причины этих явлений. Наконец, в-четвертых, в краткосрочной перспективе в регионе отсутствуют предпосылки для превращения какой-либо страны, в частности Мали, в «бастион стабильности». Скорее, может появиться новое слабое звено – Буркина-Фасо.

Совместно с Францией значимый вклад в стабилизацию обстановки в Африке, в том числе в Мали, вносит Федеративная Республика Германия. Процесс ее участия в урегулировании вооруженных конфликтов, как было обозначено в ходе семинара, можно условно разделить на три основных этапа.

На протяжении первого из них (1990-е годы) ФРГ сосредоточила основные усилия на поддержке вновь возникавших в результате распада СФРЮ государств и государственных образований, участвуя в деятельности по поддержанию мира на их территории. Причем дважды – в 1995 г. в связи с развитием ситуации вокруг Боснии и Герцеговины (БиГ) и в 1999 г. из-за «косовской проблемы» – этим невоенным мерам предшествовали военно-воздушные операции НАТО с участием люфтваффе. С одной стороны, шаги по миротворчеству, осуществляемые ФРГ как часть общих усилий государств – партнеров по НАТО, привели к возникновению нового постъюгославского политического ландшафта. Его основу составляли достаточно развитые и стабильные государства (в частности, Словения, Хорватия, Македония). С другой стороны, ряд вновь возникших субъектов международного права (Босния и Герцеговина и особенно Косово) продолжают сохранять значительный конфликтогенный потенциал. При этом ФРГ и ее партнерами были достигнуты существенные результаты: с 2000 г. на Балканах не было ни одной новой вспышки вооруженных конфликтов.

Данный результат, более значительный чем на других направлениях по миротворчеству и поддержанию мира, был обусловлен, во-первых, отличительной особенностью всех конфликтов на Балканах. Здесь не было террори-

стических структур, что резко облегчало процесс урегулирования. Во-вторых, в социокультурном плане народы Балкан были существенно более восприимчивы к западным ценностям, в том числе к предлагаемой модели экономического и политического развития, чем жители стран с преобладающим мусульманским населением в Азии и Африке. Примечательно, что попытка ФРГ принять участие в урегулировании гражданской войны в Сомали в 1992–1994 гг. закончилась полным фиаско. Наконец, в-третьих, плотность миротворческих контингентов, в том числе бундесвера, была достаточно высокой [Antrag… 1998, S. 3]. Причем в распоряжении этих войск находилась не только авиационная, но и тяжелая наземная техника. Для сравнения: в афганских провинциях Кундуз и особенно Бадахшан, где именно на ФРГ ложилась основная нагрузка в деле поддержания мира, плотность войск бундесвера была гораздо меньше [Antrag 2011, S. 2, 5–7]. Аналогичная ситуация наблюдалась и с германскими контингентами в других нестабильных государствах Азии и Африки. Соответственно, по сравнению с балканским вариантом 1990-х годов резко сократились возможности бундесвера по поиску (и подавлению сопротивления) отдельных боевиков и особенно групп террористов, нахождению складов и иных мероприятиях по мониторингу.

На втором этапе (2000-е – начало 2010-х годов) основные усилия бундесвера в области миротворчества и поддержания были перенацелены на Афганистан. В ходе семинара были сформулированы основные ошибки, допущенные германской стороной (равно как и в целом государствами – членами НАТО) в деле обеспечения мира в Афганистане [Antrag 2011, S. 3, 5–6].

В рамках второго периода более удачным следует признать опыт участия бундесвера в урегулировании вооруженного конфликта в Ливане (2006). Безусловно, фактор отсутствия необходимости борьбы с международным терроризмом в процессе осуществления миротворчества существенно облегчал задачу. Однако думается, что важную роль сыграла правильная расстановка приоритетов ФРГ: мониторинг ситуации на море и фокус на обучении и техническом переоснащении Ливанских национальных вооруженных сил (особенно ВМС) [The Bundeswehr 2009, p. 92–93]. Это, во-первых, позволило Германии обеспечить легитимное военно-морское присутствие в регионе, во-вторых, – встроиться в реформируемый сектор безопасности, тем самым обеспечивая долгосрочный контроль над процессом военного строительства Ливана.

На третьем этапе (с середины 2010-х годов) значительная часть усилий бундесвера в области миротворчества была сосредоточена на африканском направлении. Если на протяжении 2000-х – начала 2010-х годов в странах и прилегающих акваториях континента (Сомали, вновь с 2008 г.; Демократическая Республика Конго, Южный Судан) действовали небольшие гражданско-

военные миссии, то с 2014 г. в Мали стала развертываться крупная группировка бундесвера.

В Мали бундесвер с 2014 г. развернут в составе двух миссий – по поддержанию мира (под эгидой ООН, MINUSMA) и обучению национальных вооруженных сил (ЕС, EUTM Mali). Отличительной особенностью деятельности первой из них численностью до 1 тыс. военнослужащих [Antrag 2017, S. 3, 5–9] было активное использование группировок беспилотников для разведки перемещений боевиков, а также тесное взаимодействие с армией Мали.

Зрелым представляется опыт ФРГ (и в целом стран – участниц ЕС) в деле обучения и глубокой модернизации частей армии Мали [Antrag 2017, S. 3, 5–8]. Это, во-первых, позволяло свести к минимуму вероятность участия армии в межплеменных конфликтах (гражданской войне), во-вторых, эффективно использовать реорганизованные части армии Мали для борьбы с остатками сил террористических структур, не давая им возможности восстановиться.

Несмотря на сложности урегулирования вооруженных конфликтов как в Афганистане, так и Мали, германским военным удалось внести весомый вклад в ослабление сил международного терроризма, совершенствуя свои тактики борьбы с ним.

* * *

В завершающей части семинара участники уделили внимание опыту восточноевропейских стран в борьбе с международным терроризмом, избрав в качестве фокусных государств Румынию и Чехию.

По сравнению с Бельгией и Францией в Восточной Европе угроза террористических нападений относительно мала [Hrozí teroristické útoky 2016]. Регион используется террористами в большей степени как транзитная зона, а иногда как место для отдыха. Однако очевидно, что в настоящее время возможность теракта не может быть исключена ни в одном из государств мира. Так, вероятность возникновения ситуации, когда Чехия, равно как и Румыния, могут оказаться объектами террористических атак, возрастает по мере увеличения объемов их участия в урегулировании конфликтов в нестабильных государствах Азии и Африки.

Однако в реалиях второй половины 2010-х годов Чешская Республика остается в некотором смысле вне зоны особого риска. И в первую очередь это связано с эффективной работой полиции и спецслужб, которые здесь представлены службой информационной безопасности, военной разведкой (в ведении Министерства обороны) и комитетом по внешним связям и информации (в ведении Министерства внутренних дел).

В последние годы Чехия приняла ряд важных антитеррористических законодательных актов. Ключевым документом, в котором резюмируются уже осуществленные и подготовленные меры, направленные на поддержание

и повышение готовности страны к возможности террористического нападения, является «Стратегия Чешской Республики по борьбе с терроризмом» (2013), в значительной степени связанная с контртеррористической деятельностью в рамках ЕС. В документе предусмотрено участие чешских организаций в проведении тематических учений с целью проверки эффективности антитеррористических мер и готовности системы управления справляться с потенциальными угрозами и возможными кризисными ситуациями на разных уровнях [Strategie Ceské 2013]. Необходимо упомянуть также закон Чешской Республики № 219/2015, расширивший полномочия спецслужб по контролю финансовых организаций [ZÁKON 2015].

В целом представители чешской политической элиты выступают за расширение участия страны в борьбе с международным терроризмом, понимая эффективность его сдерживания и ослабления «на дальних рубежах». Так, с критикой международного сообщества за недостаточную активность в борьбе с терроризмом выступил президент Чехии М. Земан на открытии 71-й Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2016 г.). Он призвал решительнее бороться с террористами и предложил активировать статью 47 Устава ООН, которая предполагает организацию военного штабного комитета, оказывающего помощь Совету Безопасности ООН. М. Земан также предложил координировать действия всех постоянных членов Совета Безопасности в борьбе с терроризмом. Президент напомнил, что основать постоянную платформу ООН в борьбе с международным терроризмом еще в 2000 г. предложила Индия. Международный терроризм М. Земан сравнил с метастазированием опухоли: «Рак дает метастазы, которые более опасны, чем сама опухоль. Поэтому мы можем наблюдать расширение радикализма, терроризма и фанатизма. Назревает вопрос: как долго мы будем ждать, как долго будем только выражать соболезнования и солидарность?». По мнению М. Земана, в данный момент требуется военное вмешательство в командные структуры террористических организаций, а не оккупация стран, оказавшихся под властью террористов: «Мы должны напасть на мозг, не на тело» [Маршева 2016]. Занимая солидарную с президентом линию, премьер-министр Чехии А. Бабич высказался за более активное, в том числе боевое, использование военнослужащих страны в борьбе со структурами международного терроризма [Podle Babiše 2018].

Эти идеи находят активную поддержку в рядах чешских военных. Однако ряд представителей чешского истеблишмента (в частности, бывший глава МИД страны Л. Заоралек) выступают против этого, опасаясь больших потерь и, соответственно, роста общественного недовольства[8].

8. В составе МССБ в Афганистане погибли от 13 до 30 чешских военнослужащих. – Прим. авт.

Определенное сходство с чешским подходом к борьбе с международным терроризмом имеет подход Румынии. В то время как США и страны Западной Европы в 2000-е годы стали объектом террористических атак, в Румынии не было зафиксировано ни одного подобного случая. Тем не менее в стране действует Управление по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, но все его дела пока связаны только с экономической оргпреступностью, как национальной, так и международной.

В 2004 г. в Румынии был принят закон № 535/2004 о предупреждении терроризма и борьбе с ним. В 2018 г. румынский Сенат принял в первом чтении изменения и дополнения в этот закон. В законе обновлена концепция терроризма: говорится, что основные источники террористического риска для Румынии являются внешними. В первую очередь они проистекают от массовой нелегальной миграции. Хотя основной поток беженцев из стран Ближнего Востока и Афганистана направлялся в Европу через Средиземное море, начиная с 2014 г. отмечались также отдельные попытки использовать для этой цели Черное море, что вызывает повышенное беспокойство румынских властей. Реализация официальным Бухарестом мер по борьбе с международным терроризмом опирается на национальный опыт 1970-х годов, когда в условиях политики «открытых дверей» Н. Чаушеску в стране развили свою деятельность активисты различных радикальных группировок из стран Ближнего Востока («Братья-мусульмане», палестинский «Чёрный сентябрь»). В 1978 г. румынским спецслужбам удалось предотвратить покушение на президента Египта А. Садата, находившегося в стране с государственным визитом.

В современных реалиях Румыния как страна – участница НАТО поддерживает все инициативы США, которые позиционируются как борьба с международным терроризмом. На совместной пресс-конференции по итогам встречи с румынским президентом К. Йоханнисом 9 июня 2017 г. Д. Трамп приветствовал сегодняшнюю роль Румынии в международной коалиции в Афганистане. Румыния, по словам американского президента, стала также «достойным членом коалиции, борющейся с экстремистской группировкой ИГИЛ» [Declarația de presă 2017].

Поддерживая США в Сирии, Румыния, в отличие от большинства стран Евросоюза, продолжает сохранять свое посольство в Дамаске.

После терактов в Париже в 2015 г., когда страны – участницы ЕС и НАТО охватило повышенное беспокойство, высказывалось мнение, что чрезвычайной защиты требуют именно те страны так называемого «ядра» Евросоюза, которые подверглись недавним атакам. Однако румынский президент заявил: «Наши меры не должны создавать новые барьеры, но должны применяться последовательно в границах Европейского союза без какой-либо разницы в отношении государств – членов Шенгена и не Шенгена» [Iohannis 2015].

В Румынии существует богатая история внутреннего националистического терроризма. Так, в период между Первой и Второй мировыми войнами террористические акции проводила националистическая «Железная гвардия». В начале 1990-х годов в Румынии возникли националистические организации, заявившие о себе как о преемниках легионерского движения. В первую очередь, это «Румынский очаг», называющий себя неправительственной культурной организацией и провоцирующий антивенгерские выступления. При этом участники организации прямо заявляют о необходимости реабилитации «Железной гвардии» и ее лидера К. Кодряну, а также категорически отрицают холокост в Румынии. Хотя вероятность совершения ими террористических атак сводится к нулю, сам факт активизации «Румынского очага» создает угрозу внутренней безопасности.

* * *

За более чем полтора десятилетия участия в урегулировании вооруженных конфликтов с участием международных террористических структур ведущие страны Запада накопили значительный практический опыт по проведению как собственно силовых, так и небоевых операций. Главным результатом стало существенное ослабление военной мощи боевиков. Однако ни в одном очаге нестабильности не удалось полностью уничтожить силы международного терроризма. Главная причина этого – параллельная эволюция структур международного терроризма, включающая не только собственно военную, но идеологическую и экономическую компоненты. Успешное урегулирование вооруженных конфликтов в Азии и Африке возможно только в случае сокоординации усилий (при условии их максимального наращивания) со стороны государств Запада, России и ряда других заинтересованных стран.

Библиография

Девятый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный в соответствии с резолюцией 2255 (2015) по движению «Талибан» и связанным с ним лицам и организациям, представляющим угрозу миру, стабильности и безопасности в Афганистане // Digital library UN. 2018. 30 мая. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1628256/files/S_2018_466-RU.pdf (Дата обращения: 02.02.2019.)

Маршева В. Президент Чехии раскритиковал ООН за недостаточную борьбу с терроризмом // 420 ON.CZ. 2016. 22 сент. URL: http://420on.cz/news/politics/52135-prezident-chehii-raskritikoval-oon-za-nedostatochnuyu-borbu-s-terrorizmom (Дата обращения: 02.02.2019.)

Положение в Мали. Доклад Генерального секретаря ООН // Организация Объединенных Наций: Официальный сайт. 2018. 6 июня. URL: https://undocs.org/ru/S/2018/541 (Дата обращения: 02.02.2019.)

Террористическая организация «Исламское государство». Досье (2016) // ТАСС. 2016. 10 мая. URL: https://tass.ru/info/1264570 (Дата обращения: 02.02.2019.)

WSJ: Спецпредставитель США по Афганистану провел переговоры с талибами в Дохе (2018) // ТАСС. 2018. 13 окт. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5670889 (Дата обращения: 02.02.2019.)

Almukhtar S. How much of Afghanistan is under Taliban control after 16 years of war with the U.S.? // The New York Times. 2018. 23 Aug. P. 1, 2.

Antrag der Bundesregierung. Deutsche Beteiligung an der von der NATO geplanten Operation zur weiteren militärischen Absicherung des Friedensprozesses im früheren Jugoslawien über den 19. Juni 1998 hinaus (SFOR-Folgeoperation) // Deutscher Bundestag. 1998. 17 June. URL: http://dip21.bundestag.de/doc/btd/13/109/1310977.pdf (Дата обращения: 02.02.2019.)

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO // Deutscher Bundestag. 2011. 14 Dec. URL: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/081/1708166.pdf (Дата обращения: 02.02.2019.)

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung und Erweiterung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag. 2017. 11 Jan. URL: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/108/1810819.pdf (Дата обращения: 02.02.2019.)

Declarația de presă comună a Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, cu Președintele Statelor Unite ale Americii, domnul Donald Trump (2017) // Președintele României [site]. 2017. 09 June. URL: http://www.presidency.ro/ro/media/politica-externa/declaratia-de-presa-comuna-a-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-cu-presedintele-statelor-unite-ale-americii-domnul-donald-trump (Дата обращения: 03.02.2019.)

Enhancing Security and Stability in Afghanistan: Report to Congress. June 2018 // DEFENSE.GOV: Official Website. URL: https://media.defense.gov/2018/Jul/03/2001938620/-1/-1/1/1225-REPORT-JUNE-2018-FINAL-UNCLASS-BASE.PDF (Дата обращения: 03.02.2019.)

Farmer B. 'Unprecedented' surge in cheap, high-purity heroin expected from Afghanistan, UN warns // The Telegraph. 2018. 22 May. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/05/22/unprecedented-surge-cheap-high-purity-heroin-expected-afghanistan/ (Дата обращения: 03.02.2019.)

Hofnung Th. «Macron et le Sahel, c'est par où la sortie?» // Le Monde. 2017. 30 June. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2017/06/30/macron-et-le-sahel-c-est-par-ou-la-sortie_5153480_3212.html (Дата обращения: 03.02.2019.)

Hollande F. Les leçons du pouvoir. Paris: Éd. Stock, 2018. 220 p.

Hrozí teroristické útoky v ČR? Nesmíme situaci podcenit, varuje v pozhovoru pro EZ Oldřich Bureš // EuroZprávy.cz. 2016. 13 April. URL: https://eurozpravy.cz/domaci/politika/151668-nesmime-hrozbu-podcenit-teroriste-maji-vyhodu-prekvapeni-varuje-v-rozhovoru-pro-ez-ondrej-bures/ (Дата обращения: 03.02.2019.)

Iohannis, despre măsurile antiterorism: Să se aplice fără diferențe între țările Schengen și celelalte // Mediafax.ro. 2015. 13 Feb. URL: https://www.mediafax.ro/politic/iohannis-despre-masurile-antiterorism-sa-se-aplice-fara-diferente-intre-tarile-schengen-si-celelalte-13818405 (Дата обращения: 03.02.2019.)

La force conjointe G5 Sahel et l'Alliance Sahel // France Diplomatie [site]. [2018]. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/defense-et-securite/crises-et-conflits/la-force-conjointe-g5-sahel-et-l-alliance-sahel/ (Дата обращения: 03.02.2019.)

Meyer J. The secret story of how America lost the drug war with the Taliban // Politico. 2018. 07 Aug. URL: https://www.politico.com/story/2018/07/08/obama-afghanistan-drug-war-taliban-616316 (Дата обращения: 03.02.2019.)

Podle Babiše by se čeští vojáci měli znovu zapojit do zahraničních bojových misí // iROZHLAS. 2018. Nov. 11. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-svet/andrej-babis-pariz-vojaci-afghanistan-terorismus-trump-oslavy-konce-prvni_1811112136_pak (Дата обращения: 02.02.2019.)

Rapport sur les crédits du budget de l'État ouverts par décret d'avance. Paris: Cour des comptes. 2013. 87 p. URL: https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/EzPublish/rapport_sur_les_credits_du_budget_de_letat_ouverts_par_decret_davance.pdf (Дата обращения: 03.02.2019.)

Strategie České Republiky pro boj proti terorismu / Ministerstvo vnitra České Republiky. Praha, 2013. 32 p. URL: https://www.mvcr.cz/soubor/3-nap-2013-material-pdf (Дата обращения: 03.02.2019.)

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

ZÁKON ze dne 12. srpna 2015, kterým se mění zákon č. 153/1994 Sb., o zpravodajských službách České republiky, ve znění pozdějších předpisů // Zákony pro lidi.cz. URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2015-219 (Дата обращения: 03.02.2019.)

References

Almukhtar S. How much of Afghanistan is under Taliban control after 16 years of war with the U.S.? The New York Times. 2018. 23 Aug. P. 1, 2.

Antrag der Bundesregierung. Deutsche Beteiligung an der von der NATO geplanten Operation zur weiteren militärischen Absicherung des Friedensprozesses im früheren ngoslawien über den 19. Juni 1998 hinaus (SFOR-Folgeoperation). Deutscher Bundestag. 1998. 17 June. URL: http://dip21.bundestag.de/doc/btd/13/109/1310977.pdf (Date of access: 02.02.2019.)

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO. Deutscher Bundestag. 2011. 14 Dec. URL: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/081/1708166.pdf (Date of access: 02.02.2019.)

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung und Erweiterung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag. 2017. 11 Jan. URL: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/108/1810819.pdf (Date of access: 02.02.2019.)

Declarația de presă comună a Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, cu Președintele Statelor Unite ale Americii, domnul Donald Trump (2017). Președintele României [site]. 2017. 09 June. URL: http://www.presidency.ro/ro/media/politica-externa/declaratia-de-presa-comuna-a-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-cu-presedintele-statelor-unite-ale-americii-domnul-donald-trump (Date of access: 03.02.2019.)

Devjatyj doklad Gruppy po analiticheskoj podderzhke i nabljudeniju za sankcijami, predstavlennyj v sootvetstvii s rezoljuciej 2255 (2015) po dvizheniju «Taliban» i svjazannym s nim licam i organizacijam, predstavljajushhim ugrozu miru, stabil'nosti i bezopasnosti v Afganistane // Digital library UN. 2018. 30 May. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1628256/files/S_2018_466-RU.pdf (Date of access: 02.02.2019.)

Enhancing Security and Stability in Afghanistan: Report to Congress. June 2018. DEFENSE.GOV: Official Website. URL: https://media.defense.gov/2018/Jul/03/2001938620/-1/-1/1/1225-REPORT-JUNE-2018-FINAL-UNCLASS-BASE.PDF (Date of access: 03.02.2019.)

Farmer B. 'Unprecedented' surge in cheap, high-purity heroin expected from Afghanistan, UN warns. The Telegraph. 2018. 22 May. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/05/22/unprecedented-surge-cheap-high-purity-heroin-expected-afghanistan/ (Date of access: 03.02.2019.)

Hofnung Th. «Macron et le Sahel, c'est par où la sortie?». Le Monde. 2017. 30 June. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2017/06/30/macron-et-le-sahel-c-est-par-ou-la-sortie_5153480_3212.html (Date of access: 03.02.2019.)

Hollande F. Les leçons du pouvoir. Paris: Éd. Stock, 2018. 220 p.

Hrozí teroristické útoky v ČR? Nesmíme situaci podcenit, varuje v pozhovoru pro EZ Oldřich Bureš. EuroZprávy.cz. 2016. 13 April. URL: https://eurozpravy.cz/domaci/politika/151668-nesmime-hrozbu-podcenit-teroriste-maji-vyhodu-prekvapeni-varuje-v-rozhovoru-pro-ez-ondrej-bures/ (Date of access: 03.02.2019.)

Iohannis, despre măsurile antiterorism: Să se aplice fără diferențe între țările Schengen și celelalte. Mediafax.ro. 2015. 13 Feb. URL: https://www.mediafax.ro/politic/iohannis-despre-masurile-antiterorism-sa-se-aplice-fara-diferente-intre-tarile-schengen-si-celelalte-13818405 (Date of access: 03.02.2019.)

La force conjointe G5 Sahel et l'Alliance Sahel. France Diplomatie [site]. [2018]. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/defense-et-securite/crises-et-conflits/la-force-conjointe-g5-sahel-et-l-alliance-sahel/ (Date of access: 03.02.2019.)

Marsheva V. Prezident Chehii raskritikoval OON za nedostatochnuju bor'bu s terrorizmom. 420 ON.CZ. 2016. 22 Sept. URL: http://420on.cz/news/politics/52135-prezident-chehii-raskritikoval-oon-za-nedostatochnuyu-borbu-s-terrorizmom (Date of access: 02.02.2019.)

Meyer J. The secret story of how America lost the drug war with the Taliban. Politico. 2018. Aug. 07. URL: https://www.politico.com/story/2018/07/08/obama-afghanistan-drug-war-taliban-616316 (Date of access: 03.02.2019.)

Podle Babiše by se čeští vojáci měli znovu zapojit do zahraničních bojových misí. iROZHLAS. 2018. 11 Nov. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-svet/andrej-babis-pariz-vojaci-afghanistan-terorismus-trump-oslavy-konce-prvni_1811112136_pak (Date of access: 02.02.2019.)

Polozhenie v Mali. Doklad General'nogo sekretarja OON. Organizacija Ob'edinennyh Nacij: Oficial'nyj sajt. 2018. 6 June. URL: https://undocs.org/ru/S/2018/541 (Date of access: 02.02.2019.)

Rapport sur les crédits du budget de l'État ouverts par décret d'avance. Paris: Cour des comptes. 2013. 87 p. URL: https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/EzPublish/rapport_sur_les_credits_du_budget_de_letat_ouverts_par_decret_davance.pdf (Date of access: 03.02.2019.)

Strategie České Republiky pro boj proti terorismu. Ministerstvo vnitra České Republiky. Praha, 2013. 32 p. URL: https://www.mvcr.cz/soubor/3-nap-2013-material-pdf (Date of access: 03.02.2019.)

Terroristicheskaja organizacija «Islamskoe gosudarstvo». Dos'e (2016). TASS. 2016. 10 May. URL: https://tass.ru/info/1264570 (Date of access: 02.02.2019.)

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

WSJ: Specpredstavitel' SShA po Afganistanu provel peregovory s talibami v Dohe (2018). TASS. 2018. 13 Oct. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5670889 (Date of access: 02.02.2019.)

ZÁKON ze dne 12. srpna 2015, kterým se mění zákon č. 153/1994 Sb., o zpravodajských službách České republiky, ve znění pozdějších předpisů. Zákony pro lidi.cz. URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2015-219 (Date of access: 03.02.2019.)

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.14

С.И. Коданева

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме – формированию и проведению социально-ответственной политики в Российской Федерации. Проанализирована российская литература, отражающая становление понятия социальной ответственности, подходы отечественных ученых к пониманию ее сущности и различных форм. Показано, что современные авторы выделяют различные аспекты социальной ответственности государства, не рассматривая ее комплексно, как это требует утвержденная ООН Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Анализируется зарубежная литература по различным аспектам социальной ответственности государства (экономическому, социальному и экологическому), а также их отражение в конституционном праве некоторых стран Европы, в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Китае, ЮАР. Стран, конституционно и законодательно закрепивших социальную ответственность государства, не так много, что объясняется широким распространением традиций неолиберализма. Так, например, США и Канада практически не уделяют внимания вопросам социальной ответственности государства, используя их исключительно как политический инструмент.*

Предложен комплексный подход, предполагающий, что социальная ответственность государства не сводится лишь к социальной или экологической составляющей: только сбалансированное развитие всех трех компонентов – социального, экологического и экономического – позволяет обеспечить устойчивое развитие государства.

Этот комплексный подход применяется к социальной ответственности Российского государства. Автор, проанализировав Конституцию и законодательство Российской Федерации, рассмотрев основные документы стратегического планирования, обосновывает, что отсутствие конституционного и законодательного закрепления социальной ответственности государства в РФ приводит и к отсутствию комплексной социально-ответственной политики. Соответственно, мероприятия, направленные на решение экономических, экологических и социальных проблем, носят разрозненный характер. Кроме того, это препятствует осуществлению на практике важнейших инициатив в области экологии. Такое отсутствие комплексности приводит к дисбалансу в развитии трех указанных выше компонентов. Это в конечном итоге не позволяет обеспечить устойчивое развитие страны в целом.

Ключевые слова: *социальная ответственность государства; социальное и экономическое развитие; Российская Федерация; Конституция России.*

**Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Отдела правоведения ИНИОН РАН,
доцент кафедры инновационных технологий в государственной сфере
и бизнесе Института бизнеса и делового администрирования
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва.
E-mail: kodanevas@gmail.com**

S.I. Kodaneva. Institutionalization of Social Responsibility of the State in Russia and Abroad

Abstract. *The article is devoted to the actual problem of formation and implementation of socially responsible policy in the Russian Federation. The analysis of the Russian literature, reflecting both the history of the concept of social responsibility and the approaches of domestic scientists to understanding the essence of social responsibility of the state and its various forms of manifestation. It is revealed that modern authors in their studies reflect various aspects of social responsibility of the state, not considering it comprehensively as demanded by the United Nations in the approved 2030 Agenda for sustainable development. The author analyzes foreign literature on various aspects of social responsibility of the state (economic, social and environmental), as well as their reflection in the constitutional law of the European countries, the United States of America, Canada, China and developing countries in Africa. Few countries have constitutionally and legislatively established the social responsibility of the state, which is explained by the widespread traditions of neoliberalism in the world. For example, the United States and Canada pay little attention to the social responsibility of the state, using it exclusively as a political tool.*

The novelty of this study lies in the proposed integrated approach, in which the social responsibility of the state should not be reduced to the social or environmental component, since only the balanced development of all three components, social, environmental and economic, will ensure the sustainable development of the state. According to the results of the study, approaches to extrapolation of such an integrated approach to the scope and forms of manifestation of social responsibility of the Russian state are proposed. The author, having analyzed the Constitution and legislation of the Russian Federation, having considered the main documents of strategic planning, comes to the conclusion that the lack of constitutional and legislative expression of social responsibility of the state in the Russian Federation leads to the absence of a comprehensive socially responsible policy. Accordingly, activities aimed at solving economic, environmental and social problems are fragmented. In addition, it prevents the implementation of major initiatives in the field of ecology. This lack of complexity leads to an imbalance between the objectives of these three components. This ultimately does not allow for the sustainable development of the country as a whole.

Keywords: *social responsibility of the state; social and economic development; Russian Federation; the Constitution of Russia.*

Kodaneva Svetlana Igorevna – Candidate of Law Science, Senior Researcher, Department of Jurisprudence, INION RAN, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: kodanevas@gmail.com

За последние несколько лет появилось немало научной литературы по тематике сначала устойчивого развития, а позже – корпоративной социальной ответственности. Это обусловлено активной позицией многих неправительственных и международных организаций, прежде всего ЮНЕСКО и ООН. Последняя подготовила два важных документа. В 1987 г. был опубликован доклад «Наше будущее», а в 2015 г. – принята резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

Само понятие социальной ответственности появилось в начале XX в., а первое серьезное исследование на эту тему было написано Хоурдом Боуэном в 1950-х годах. Именно в тот период началось переосмысление места и роли бизнеса в обществе. И несмотря на различие подходов к определению «корпоративной социальной ответственности» (так, А. Кэрролл в своей статье, опубликованной в 1999 г., рассмотрел около 30 ее определений в академической литературе) [Carroll 1999], общим является понимание социальной ответственности как обязательства бизнеса приносить пользу обществу через использование получаемых им прибылей.

В общем виде в развитии понятия «корпоративная социальная ответственность» можно выделить четыре этапа, четыре основные подхода к пониманию ее сути.

Первый этап – зарождение понятия, когда под социальной ответственностью понималось успешное развитие бизнеса. Так, известный экономист М. Фридман отмечал, что бизнес должен служить только интересам своих собственников. Главная его задача – представлять обществу товары и услуги по разумным ценам, и именно в этих ценах и будет проявляться социальная ответственность бизнеса перед обществом. Кроме того, успешный бизнес – это стабильные налоги, которые должны позволить государству заниматься социальными проблемами [Friedman 1970].

Второй этап трансформации понятия «социальная ответственность» связан с «Великой депрессией» и усилением роли профсоюзов. На этой стадии она стала подразумевать ответственность бизнеса перед своими работниками. Таким образом, сформировалось то, что мы сегодня называем «внутренней социальной ответственностью» или «корпоративным гражданством». Кроме того, появляется понятие «социальной ответственности заинтересованных

лиц» – обязанность бизнеса вести честную конкуренцию и раскрывать часть информации для заинтересованных лиц (клиентов, государства и т.д.).

Третий этап начинается с 1960-х годов, когда на Западе социальная ответственность становится неотъемлемой частью функционирования бизнеса и начинает восприниматься как его вовлеченность в социальную жизнь общества, в частности посредством благотворительности, поддержки наиболее социально уязвимых групп населения.

Наконец, сегодня мы переходим к четвертому этапу, когда понятие «социальной ответственности» существенно расширяется, выходя на международный уровень, где говорится уже не просто об устойчивом экономическом развитии отдельных компаний или устойчивом экологическом развитии региона, а об устойчивом развитии всей планеты.

Так, в 2015 г. была принята упомянутая выше Резолюция ООН, в которой сформулированы 17 целей устойчивого развития и указано, что их реализация предполагает активное всеобщее участие, вовлечение всех имеющихся ресурсов, включая правительства, частный сектор, гражданское общество, систему ООН и других субъектов.

Таким образом, подход, сформулированный ООН, предполагает, что в современных условиях социальная ответственность значительно шире, чем просто ответственность бизнеса за своих работников или благотворительность.

Речь уже идет об активном взаимодействии частного сектора и государства в решении множества сложнейших проблем как в области экологии и социального обеспечения нуждающихся, так и в обеспечении устойчивого экономического развития. Таким образом, социально-ответственное поведение сегодня должен демонстрировать не только бизнес, но прежде всего – государство. А следовательно, возникает вопрос, как должна быть институционализирована социальная ответственность государства, в каких формах она должна реализовываться и вообще – что следует понимать под социально-ответственным государственным управлением?

Обратимся к анализу научной литературы по проблеме социальной ответственности государства (власти) и опыту институционализации (конституционализации) социальной ответственности в зарубежных странах.

Публикаций по данной тематике в российских изданиях крайне мало. Их анализ показывает, что авторы, как правило, делятся на два лагеря.

Большинство из них сводит социальную ответственность государства исключительно к социальной или социально-экономической политике государства.

Так, Ю.А. Чистобаева видит социальную ответственность государства в повышении благосостояния населения посредством государственных социальных стандартов, отмены подоходного налога с минимальной заработной

платы и создания многоуровневой системы социальной защиты [Чистобаева 2012].

Е.Н. Васин определяет главное назначение и сущностную характеристику государственной социальной ответственности как обеспечение социальной свободы, независимости и возможности реализации человеческой индивидуальности. В его понимании социальная ответственность включает помимо социальной политики также обеспечение прав меньшинств и политкорректность [Васин 2011].

В.П. Бардовский предлагает использовать социальную ответственность как метод регулирования социально-трудовых отношений посредством социального партнерства органов власти, работодателей и профсоюзов [Бардовский 2015].

Вторая группа авторов придерживается классического понимания социальной ответственности как ответственности бизнеса. Социальную же ответственность государства они видят в создании стимулов для социально ответственного поведения бизнеса.

Например, Н.В. Кузнецова подчеркивает, что в России отсутствует механизм формирования социальной ответственности как системы. Поэтому, по мнению автора, важной сферой социальной ответственности государства должно стать его «участие в принятии решений, связывающих проведение экономической политики с урегулированием социальных задач». Прежде всего это касается реализации крупных инвестиционных проектов [Кузнецова 2012].

Е.В. Нехода также полагает, что социальная ответственность власти заключается в том, что «государство своими действиями должно способствовать реализации социальных программ на предприятиях начиная с формирования общественного мнения и проведения разного рода конкурсов с обнародованием результатов до возможного выпуска специализированных статистических сборников» [Нехода 2003].

По мнению В.М. Ишимова и В.М. Капицына, государство должно содействовать развитию крупного частного капитала, тем самым стимулируя его к проведению социально-ответственной политики. Для этого государство может использовать такие инструменты, как госзаказы, субсидирование процентных ставок, реструктуризация налоговой задолженности, софинансирование инвестиционных проектов, кредитование под государственные гарантии и т.п. [Ишимов, Капицын 2012].

Анализ зарубежной литературы также позволяет выделить два подхода государства к вопросам социальной ответственности, однако эти подходы несколько отличаются от изложенных выше. В первом случае национальные правительства принимают часть социальной ответственности на себя, либо активно участвуют в развитии практики корпоративной социальной ответст-

венности бизнеса (далее – КСО). Это может быть обусловлено тремя разными причинами: 1) КСО является способом узаконить политику государства; 2) государство разделяет с бизнесом бремя социальной защиты, предоставляя минимальный социальный набор своим гражданам; наконец, 3) государство таким образом перекладывает свои социальные функции на бизнес и общество. Второй подход связан с косвенным стимулированием государством развития КСО посредством правовых, экономических, информационных, гибридных и партнерских механизмов [Idemudia, Kwakyewah 2018, с. 929].

Таким образом, практика институционализации социальной ответственности в различных государствах крайне неоднородна. Прежде всего это обусловлено исторически сложившимися экономическими и политическими системами государств. Там, где преобладает либеральный подход, государство, как правило, не принимает на себя бремя социальной ответственности перед своим населением, полностью перекладывая его на общество и бизнес.

Так, в США традиционно многие социальные вопросы, такие как образование, здравоохранение или экология, входили в зону ответственности самого общества, поэтому никакие обязанности государства в этих сферах никогда не были закреплены не только в конституции страны, но даже в ее законодательстве. Поэтому в США сформировался феномен «корпоративного гражданства» – социально-ответственного поведения компаний, прежде всего крупных корпораций. Он зиждется на понимании того, что хорошая репутация – это основа долгого существования. Действительно американские компании жертвуют на благотворительные цели в 10 раз больше своих британских коллег, но в то же время они потребляют существенно больше, чем позволяет экологический потенциал страны, а средней американской гражданин использует в 11 раз больше ресурсов, чем средний китаец, и в 32 раза больше, чем средний кениец [Camilleri 2017]. Дело в том, что в США вопросы обеспечения устойчивого развития страны и социальная ответственность правительства не закреплены конституционно, поэтому нет и их жесткой законодательной регламентации.

Тем не менее федеральное правительство Америки принимает самое активное участие в реализации требований социальной ответственности по всему миру. Главную роль в этом играет госсекретарь США, а также ряд федеральных органов и созданных ими фондов. Например, это Бюро по вопросам экономики и бизнеса. Его основная цель заключается в поощрении ответственной деловой практики и содействии устойчивому развитию при одновременном укреплении экономической безопасности. Бюро по вопросам демократии, правам человека и труду, а также созданный им Фонд по правам человека и демократии заботятся о том, чтобы в производственно-сбытовых цепочках не использовался рабский труд. В частности, от американских компаний с оборотом более 100 млн долл. требуется ежегодно публиковать

нефинансовые отчеты, в которых, в числе прочего, должно быть указано, как они проверяют свои цепочки поставок.

Причем аналогичные программы реализуются и за пределами США (в основном благодаря крупным транснациональным корпорациям), что «призвано минимизировать нарушения прав человека, поддерживать демократических активистов во всем мире, открывать политическое пространство в зарождающихся демократиях и авторитарных режимах, а также вносить позитивные транснациональные изменения в общество» [Camilleri 2017, с. 12].

Что же касается вопросов экологии, то Соединенные Штаты отстают от других стран, особенно в областях, связанных с устойчивыми энергетическими инфраструктурами, негативными последствиями загрязнения воздуха и воды. Это вызвано отсутствием законодательного регулирования в данной сфере и минимальной КСО, а также отказом страны от участия в международных договорах.

В соседней с США Канаде также преобладает неолиберальный подход к роли государства, основанный на признании главенствующей роли рынка и его саморегулирования. Однако поскольку крупные добывающие корпорации Канады осуществляют свою деятельность на территории развивающихся стран, нанося им зачастую непоправимый экологический и социальный вред, включая случаи прямого нарушения прав человека, это подрывает «социальную лицензию» на их деятельность, что может нанести Канаде внешнеполитический и экономический урон. Это заставило правительство обратиться к регулированию вопросов КСО.

Следует отметить, что ни в политической риторике, ни в законодательстве Канады термин «социальная ответственность» не используется применительно к внутренней политике или обязательствам государства по отношению к своему собственному населению. Поэтому критики указывают на то, что правительство тратит деньги своих налогоплательщиков на защиту интересов и без того богатых крупных корпораций [Idemudia, Kwakyewah, 2018].

Но даже применительно к деятельности указанных корпораций правительство Канады не отходит от главного принципа – саморегулирования, поэтому был использован механизм «мягкого закона» – утверждение Национальной стратегии в области КСО, носящей рекомендательный характер. В ней указано: «Правительство ожидает, что канадские компании интегрируют КСО во все свои структуры управления, с тем чтобы они работали за рубежом на экономической, социальной и экологически устойчивой основе. Это означает, что компании должны осознавать влияние каждой из своих функций на экономику, сообщество и окружающую среду, а также корректировать свою деятельность и операции, чтобы создать ценность для себя и для других заинтересованных сторон… а также стремиться предотвращать возможные конфликты» [Idemudia, Kwakyewah 2018, с. 932]. При этом

единственной формой контроля за соблюдением корпорациями принципов социально-ответственного поведения и ответственности корпораций является опубликование информации о том, как они соблюдают (или не соблюдают) требования КСО, с тем чтобы это стало достоянием гражданского общества.

Что касается Европы, то здесь ситуация несколько более разнородна. Например, в соответствии с конституционно закрепленными обязанностями государственные органы Швеции вмешиваются в рыночные отношения различными способами. Во-первых, государство осуществляет нормативное регулирование в целях обеспечения общественных благ, которые рынок сам по себе не стал бы обеспечивать на основе собственной внутренней логики. Во-вторых, государство всеобщего благоденствия можно понимать как политический механизм управления рыночными неудачами и рыночными внешними факторами, которые сглаживаются путем предоставления гражданам социальных услуг и социального страхования на нерыночной основе [Lindh 2015].

Соответственно, добровольная КСО здесь не может предложить серьезную полномасштабную альтернативу государству всеобщего благоденствия: шведы по-прежнему считают государственные органы конечным институциональным гарантом социального обеспечения, в то время как широкое внедрение КСО может привести к тому, что важные вопросы социальной политики уйдут из сферы ответственности государства и, что важно, демократического контроля.

Следует отметить, что лишь немногие государства прямо законодательно или конституционно закрепляют принципы социальной ответственности. Интересно, что ярким примером противоположного подхода стал Уэльс – автономный регион Великобритании. Как известно, Великобритания не имеет писаной конституции. Соответственно, конституционный статус составляющих ее регионов закреплен в актах парламента Великобритании, к каковым относится и Акт 2006 г. Однако в его разработке принимали участие представители Уэльса, обладающего довольно широкими правами автономии. Таким образом, закрепление в данном квази-конституционном акте положений об ответственности правительства Уэльса за обеспечение устойчивого развития является волей самого этого региона.

В целях реализации Акта об управлении Уэльсом 2006 г. в 2009 г. был утвержден «План устойчивого развития “Один Уэльс: одна планета”», а в 2015 г. Ассамблея Уэльса приняла Акт о благополучии будущих поколений. В этих документах устойчивое развитие признается основополагающим организационным принципом деятельности правительства Уэльса. В этом заключается «ключевая особенность Уэльса в процессе передачи ему полномочий автономии» [Pigott 2018, с. 3].

Указанные документы написаны в терминологии и стиле документов Организации Объединенных Наций, посвященных целям устойчивого развития

человечества. Так, провозглашается, что Уэльс живет в пределах своих экологических возможностей, ограничивая использование ресурсов земли и сохраняя устойчивость к воздействиям изменения климата; имеет здоровые, биологически разнообразные и продуктивные экосистемы; надежную и устойчивую экономику, которая может развиваться при стабилизации, а затем сокращении использования природных ресурсов; имеет общины, которые являются безопасными, устойчивыми и привлекательными местами для жизни и работы людей, где люди обеспечены необходимыми услугами и хорошей системой здравоохранения; является справедливой и двуязычной нацией, в которой граждане всех возрастов и происхождения имеют право определять свою собственную жизнь, формировать свои общины и полностью реализовывать свой потенциал.

Если сравнивать эти положения с целями устойчивого развития, сформулированными ООН, то сходство становится очевидным.

В Акте 2015 г. на все государственные органы Уэльса возложена обязанность действовать в соответствии с этими целями, а также постоянно проводить общенациональные консультации с населением региона в рамках проекта «Уэльс, который мы хотим». По мнению правительства Уэльса, это должно заставить государственные органы больше думать о долгосрочной перспективе, лучше работать с населением региона и различными общинами, а также эффективнее взаимодействовать друг с другом.

Другим примером страны, конституция и законодательство которой основаны на документах ООН в области социальной ответственности и устойчивого развития, является Южно-Африканская Республика.

Поскольку политика апартеида была прекращена в 1990-х годах, когда ООН уже достаточно остро поднимала проблему устойчивого развития, то ЮАР практически сразу восприняла документы ООН в качестве руководящих принципов для себя, что нашло отражение и в конституции страны. ЮАР является одной из немногих стран мира, где речь идет именно о комплексном понимании устойчивого развития, включающем все три компонента: социальный, экологический и экономический (как правило, акцент смещается в какую-то одну из указанных трех сфер).

Итак, в Конституции и законодательстве ЮАР, основанных на положениях Доклада ООН 1987 г. «Наше будущее», было закреплено, что устойчивое развитие обеспечивает интеграцию экономической системы, социально-политической системы и экосистемы через систему управления, с тем чтобы они оставались взаимосовместимыми по мере решения ключевых задач в области развития, связанных с искоренением нищеты и серьезным неравенством. Важнейшее значение в этом определении имеет удовлетворение потребностей бедных слоев населения и недопущение истощения ресурсов в целях удовлетворения потребностей будущих поколений [Kalumba и др. 2016, с. 2].

В соответствии с Конституцией ЮАР устойчивое развитие является общей ответственностью различных уровней управления, но как в сфере промышленности, так и в экологической области в наибольшей степени они отнесены к компетенции местного самоуправления. Поэтому в литературе по социальной ответственности корпораций, действующих на территории Африки, как правило, говорится об «устойчивых общинах».

Наконец, обзор литературы по конституционному регулированию вопросов социальной ответственности был бы неполным без примера Китая, поскольку эта страна стала центром внимания для всего мира из-за огромного роста ВВП и производственных мощностей за последние два десятилетия. Такие темпы экономического роста и процветания привели к возникновению множества экологических проблем по всей стране.

При этом как государство, так и отдельные компании до недавнего времени были заинтересованы только в одном – максимальном экономическом росте и получении максимально возможной прибыли. Осознание экологических проблем, к которым это привело, заставило правительство Китая обратить внимание на необходимость внедрения КСО в китайских компаниях. В связи с этим на государственном уровне был заявлен лозунг о создании «гармоничного общества» и решимости обеспечить «сбалансированный и устойчивый рост» [Shahab, Chengang 2018, с. 92].

Во второй половине 2000-х годов китайским правительством, регулирующими органами и неправительственными организациями были приняты некоторые инициативы и рекомендации, направленные на создание стимулов для преодоления экологических проблем, расширения практики КСО, включая обязательное или добровольное раскрытие нефинансовой информации китайскими предприятиями. При этом конституционного отражения и закрепления такие инициативы не нашли. В результате, как показывают эмпирические исследования, высокий процент государственной собственности в китайских фирмах приводит к низкому уровню КСО. Это означает, что само государство препятствует КСО и раскрытию информации [Shahab, Chengang 2018, с. 100].

Таким образом, анализ российской и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что содержание социальной ответственности государства является таким же сложным и многогранным, как и сама природа институтов власти.

Однако даже в рамках неолиберального подхода государство активно участвует в формировании социально-ответственного бизнеса (либо через свои органы, либо посредством утверждения программных документов). В то же время представляется, что для России такие механизмы вряд ли могут быть достаточно эффективными в силу исторически сложившейся системы взаимодействия государства, общества и бизнеса, где роль государства сильно

гипертрофирована, а органы власти могут выступать в разных ролях в зависимости от конкретной сферы их действий.

Так, по своей природе органы власти созданы для выполнения властных функций, формирования и претворения в жизнь политики государства. С другой стороны, сегодня все чаще органы власти позиционируют себя как поставщики социальных услуг обществу и гражданам. В гражданском правообороте государство выступает наравне с другими субъектами – юридическими и физическими лицами. Наконец, государство оказывает меры поддержки различным категориям бизнеса, тем самым стимулируя его к развитию и в конечном итоге достижению общественно значимых целей.

Таким образом, невозможно свести социальную ответственность государства только к какой-то одной ее форме, ограничивая его роль только социальной политикой по поддержке незащищенных слоев населения, решением экологических проблем или стимулированием бизнеса к социально-ответственному поведению.

В отношении внутренних форм корпоративной социальной ответственности, таких как безопасность труда, дополнительное медицинское страхование работников, развитие кадрового потенциала организаций, обеспечение стабильности работы и зарплаты и т.д., безусловно, государство должно выступать с позиции власти, стимулируя бизнес к подобного рода социальной ответственности, а при необходимости – контролируя и обязывая его к социально ответственному поведению в отношениях со своими работниками [Коданева 2018].

Что же касается так называемых внешних форм социальной ответственности, то здесь можно взять за образец опыт ЮАР, где реализован наиболее комплексный подход, предпринята попытка увязать вместе социально-экономическое и экологическое устойчивое развитие государства.

Очевидно, что государство, выступая в роли субъекта социальной ответственности, предстает в различных ипостасях. Для примера возьмем проблему утилизации и захоронения отходов, в рамках решения которой можно говорить как о социальной ответственности бизнеса (и предприятий, производящих отходы, и тех, в чьей собственности находятся объекты захоронения и утилизации отходов), так и государства. Причем государство несет ответственность за обеспечение благоприятной экологической ситуации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, а органы власти обязаны обеспечивать надзор за соблюдением экологических требований всеми участниками процесса сбора, хранения и утилизации отходов.

И в то же время государство должно создавать стимулы для социально-ответственного бизнеса как в части снижения объемов производимых отходов, так и в части реализации проектов строительства мусороперерабаты-

вающих заводов. Это могут быть как прямое софинансирование, так и система налоговых и иных льгот.

Однако реализация такого комплексного подхода возможна только в рамках продуманной государственной политики, основанной на официальном признании государством своей социальной ответственности по обеспечению устойчивого развития страны и выработке соответствующих программных документов.

Между тем в основополагающем документе стратегического планирования – Послании Президента Федеральному Собранию 2018 г. – говорится только о достигнутой устойчивости национальной экономики. Тема устойчивого развития поднимается только один раз – в разделе, посвященном международным отношениям в контексте международной безопасности [Послание 2018]. Хотя нельзя не признать, что многие положения Послания полностью соответствуют целям устойчивого развития, сформулированным ООН, тем не менее в нем отсутствует комплексность, о которой мы говорили выше.

Следующим важным документом стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом от 28.06.14 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» должна быть Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, в которой определялись бы цели, основные приоритеты и задачи социально-экономического развития на долгосрочный период. Соответственно, именно Стратегия могла бы стать программным документом, базирующимся на принципах социальной ответственности государства за устойчивое развитие России. Однако данный документ до настоящего времени не разработан.

Не находит отражения комплексный социально-ответственный подход к развитию России и в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г. (утвержден Правительством РФ 29.09.2018).

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что в российской политике не нашли понимания и поддержки идеи, закрепленные в Докладе ООН 1987 г. и Резолюции ООН 2015 г. Отчасти это объясняется отсутствием прямого конституционного закрепления ответственности органов власти РФ за обеспечение устойчивого развития государства.

Безусловно, ст. 7 Конституции декларирует, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; кроме того, ст. 39, 41–43 закрепляют права граждан на социальное обеспечение, охрану здоровья, образование и благоприятную окружающую среду [Конституция]. То есть конституция закрепляет минимальные социальные гарантии для своих граждан.

Однако толкование объема таких гарантий целиком отнесено к полномочиям органов власти. В частности, разработку основополагающих стратегических документов, на основании которых должны формироваться как приоритеты развития страны (включая приоритеты социальной, экологической и экономической политики), так и необходимое для этого законодательство, осуществляют органы исполнительной власти, прежде всего Министерство экономического развития РФ. Фактически именно к их компетенции относится вопрос определения объема социальной ответственности Российского государства перед своими гражданами.

Это препятствует гармонизации экономики, экологии и социального развития страны, противореча ключевым целям, обозначенным ООН. В результате не реализуются важные социальные и экологические проекты, в частности направленные на снижение объема сжигания попутного газа в нефтедобыче или внедрение современных методов сортировки и утилизации отходов.

Поэтому очень важно закрепить именно на законодательном уровне и в документах стратегического планирования основные принципы и приоритеты комплексной социально-ответственной политики государства, обязательных для всей системы органов власти Российской Федерации. Это позволит сделать шаг к институционализации как социальной ответственности бизнеса, так и государства в целом.

Библиография

Бардовский В.П. Формирование социальной ответственности государства, бизнеса и профсоюзов // Экономическая среда. 2015. № 12. С. 63–67.

Васин Е.Н. Генезис государственной социальной ответственности в Европейских государствах // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 56–60.

Ишимов В.М., Капицын В.М. Монопрофильные города: устойчивое развитие и социальная ответственность // Местное самоуправление и развитие территорий. 2012. № 1. С. 64–74.

Коданева С.И. Проблемы идентификации социальной ответственности современного Российского государства // Тренды и управление. 2018. № 3. С. 83–92.

Конституция Российской Федерации // Президент России: Официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (Дата обращения 15.03.2019.)

Кузнецова Н.В. О реализации социальной ответственности на региональном уровне в России // Вестник ТГЭУ. 2012. № 1. С. 40–47.

Нехода Е.В. Социальная ответственность бизнеса и управления: сущность и основные направления реализации // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 279. С. 186–190.

Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 01.03.2018 г. // Президент Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (Дата обращения: 01.12.18.)

Чистобаева Ю.А. Институционализация социальной ответственности государства как фактор повышения уровня социализации Российской экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8. С. 187–191.

Camilleri M. Corporate citizenship and social responsibility policies in the United States of America // Sustainability Accounting, Management and Policy Journal. 2017. Vol. 8. P. 1–35. URL: http://dx.doi.org/10.1108/SAMPJ-05-2016-0023 (Дата обращения: 01.12.18.)

Carroll A.B. Corporate Social Responsibility: Evolution of Definitial Construct // Business & Society. 1999. Vol. 38. No 3. P. 268–295.

Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profit // The New York Times Magazine. 1970. No 3.

Idemudia U., Kwakyewah C. Analysis of the Canadian national corporate social responsibility strategy: Insights and implications // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2018. Vol. 25. P. 928–938.

Kalumba A.M., Olwoch J.M., Aardt I. Van, Botai J.O., Rautenbach C.J. Industrial development zone and South African environmental legal initiatives post-1994: a quest for sustainable industrial development // Journal of Environmental Planning and Management. 2016. P. 1–21. URL: http://dx.doi.org/10.1080/09640568.2016.1160828 (Дата обращения: 01.12.18.)

Lindh A. Public support for corporate social responsibility in the welfare state: evidence from Sweden // Scandinavian Political Studies. 2015. Vol. 38. No 1. P. 75–94.

Pigott A. Imagining socioecological transformation: an analysis of the Welsh Government's policy innovations and orientations to the future // Elementa Science of the Anthropocene. 2018. Vol. 6. Art. 60. P. 1–18. URL: https://doi.org/10.1525/elementa.315 (Дата обращения: 01.12.18.)

Shahab Ya., Chengang Ye. Corporate social responsibility disclosure and corporate governance: empirical insights on neo-institutional framework from China // International Journal of Disclosure and Governance. 2018. Vol. 15. No 2. P. 87–103.

References

Bardovskij V.P. Formirovanie social'noj otvetstvennosti gosudarstva, biznesa i profsojuzov. Jekonomicheskaja sreda. 2015. No 12. P. 63–67.

Vasin E.N. Genezis gosudarstvennoj social'noj otvetstvennosti v Evropejskih gosudarstvah. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2011. No 6. P. 56–60.

Ishimov V.M., Kapicyn V.M. Monoprofil'nye goroda: ustojchivoe razvitie i social'naja otvetstvennost'. Mestnoe samoupravlenie i razvitie territorij. 2012. No 1. P. 64–74.

Kodaneva S.I. Problemy identifikacii social'noj otvetstvennosti sovremennogo Rossijskogo gosudarstva. Trendy i upravlenie. 2018. No 3. P. 83–92.

Konstitucija Rossijskoj Federacii. Prezident Rossii: Official Website. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (Date of access: 15.03.2019.)

Kuznecova N.V. O realizacii social'noj otvetstvennosti na regional'nom urovne v Rossii. Vestnik TGJeU. 2012. No 1. P. 40–47.

Nehoda E.V. Social'naja otvetstvennost' biznesa i upravlenija: sushhnost' i osnovnye napravlenija realizacii. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. No 279. P. 186–190.

Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii 01.03.2018 g. Prezident Rossijskoj Federacii: Official Website. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (Date of access: 01.12.18.)

Chistobaeva Ju.A. Institucionalizacija social'noj otvetstvennosti gosudarstva kak faktor povyshenija urovnja socializacii Rossijskoj jekonomiki. Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. 2012. No 7–8. P. 187–191.

Camilleri M. Corporate citizenship and social responsibility policies in the United States of America. Sustainability Accounting, Management and Policy Journal. 2017. Vol. 8. P. 1–35. URL: http://dx.doi.org/10.1108/SAMPJ-05-2016-0023 (Date of access: 01.12.18.)

Carroll A.B. Corporate Social Responsibility: Evolution of Definitial Construct. Business & Society. 1999. Vol. 38. No 3. P. 268–295.

Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profit. The New York Times Magazine. 1970. No 3.

Idemudia U., Kwakyewah C. Analysis of the Canadian national corporate social responsibility strategy: Insights and implications. Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2018. Vol. 25. P. 928–938.

Kalumba A.M., Olwoch J.M., Aardt I. Van, Botai J.O., Rautenbach C.J. Industrial development zone and South African environmental legal initiatives post-1994: a quest for sustainable industrial development. Journal of Environmental Planning and Management. 2016. P. 1–21. URL: http://dx.doi.org/10.1080/09640568.2016.1160828 (Date of access: 01.12.18.)

Lindh A. Public support for corporate social responsibility in the welfare state: evidence from Sweden. Scandinavian Political Studies. 2015. Vol. 38. No 1. P. 75–94.

Pigott A. Imagining socioecological transformation: an analysis of the Welsh Government's policy innovations and orientations to the future. Elementa Science of the Anthropocene. 2018. Vol. 6. Art. 60. P. 1–18. URL: https://doi.org/10.1525/elementa.315 (Date of access: 01.12.18.)

Shahab Ya., Chengang Ye. Corporate social responsibility disclosure and corporate governance: empirical insights on neo-institutional framework from China. International Journal of Disclosure and Governance. 2018. Vol. 15. No 2. P. 87–103.

DOI: 10.31249/rsm/2019.03.15

С.Б. Крих

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ
Рец. на: Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.

Аннотация. *Автор рецензирует работу А.В. Гордона «Историки железного века», посвященную изучению вклада советских ученых в развитие исторической науки. Автор рассматривает подход А.В. Гордона к материалу, методологию и структуру труда, а также выделяет его особенности. Книга разделена на девять глав, в которых даны портреты десяти историков, изучавших Французскую революцию и следующую за ней эпоху, при этом судьбы этих советских историков показаны в самом тесном переплетении с судьбами России и прожитыми ею потрясениями. Книга А.В. Гордона отличается использованием редких и малоизвестных источников начиная от данных, хранящихся в Архиве РАН, и мемуаров и заканчивая сведениями из личного архива автора книги, а также его собственными воспоминаниями, так как он и сам является историком той же темы, тесно общавшимся с большинством из главных героев своей книги. Таким образом, сам автор является еще одним действующим лицом книги, и его портрет, пусть не обозначенный ни в оглавлении, ни каким-либо другим образом, точно так же ясно вырисовывается перед читателем, как и другие, которые он смог создать благодаря своему уникальному знанию материала, личной вовлеченности в эпоху и огромной эрудиции.*

По мнению автора рецензии, главная причина убедительности книги А.В. Гордона как научного труда заключается в том, что он попытался найти неустойчивый, сложный, но увлекающий читателя баланс между двумя основными подходами к истории науки в современной отечественной традиции: антропологическим и концептуальным. В этом поиске баланса важен не сам факт соединения двух парадигм, а то, каким именно образом оно было осуществлено: антропологизируя концептуальную парадигму, А.В. Гордон остается на почве исследования исторической науки (главными героями его труда остаются идеи), но придает своему исследованию глубину и драматизм, которые оказываются возможными благодаря антропологическому анализу.

Ключевые слова: *А.В. Гордон; советская историография; «Историки железного века».*

Крих Сергей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: krikh@rambler.ru

S.B. Krikh. Testing by Time. Review of: Gordon A.V. Historians of the Iron Age. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 448 p.

Abstract. *In the review, the author analyzes the book «Historians of the Iron Age» by A.V. Gordon, which is devoted to the study of the contribution of Soviet scholars to the development of historical scholarship. The author considers A.V. Gordon's approach to the material, methodology, and the structure of this book, as well as highlights its features. The book is divided into nine chapters, in which portraits of ten historians are given – those who studied the French Revolution and the next epoch in the history of France. The fates of these Soviet historians are shown in the closest intertwining with the fates of Soviet (and post-Soviet) Russia and the upheavals they have lived through. The book is distinguished by the use of rare and little-known sources, ranging from data stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences and memoirs to information from the personal archive of A.V. Gordon as well as his own memories, because he is a historian of the same field and closely communicated with most of the main heroes of his book. Thus, the author himself is another protagonist of the book, and his portrait, albeit not indicated either in the table of contents or in any other way, is just as clearly visible to the reader as the others, whom he was able to create thanks to his unique knowledge of the material, to his personal involvement in his time and to his great erudition.*

According to the author of the review, the main reason for the persuasiveness of the book by A.V. Gordon as a research work consists in the fact that he tried to find an unstable, complex – but enticing for the reader – balance between the two main approaches to the history of science in the modern Russian tradition: anthropological and conceptual. In this search for balance not the fact of the connection of the two paradigms is important, but how exactly it was implemented: by anthropologizing the conceptual paradigm A.V. Gordon remains on the basis of the study of historical science (the main actors of his work are ideas), but at the same time gives his research depth and drama, which can be added through anthropological analysis.

Keywords: *A.V. Gordon; Soviet Historiography; «Historians of the Iron Age».*

Krikh Sergey Borisovitch – Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Dostoevsky Omsk State University.
E-mail: krikh@rambler.ru

Большинство историков, которым посвящена книга, специализировались по Франции, преимущественно эпохи Великой французской революции. И, казалось бы, легко решить, что данная работа – это маргиналии к другой, уже ставшей классикой современных историографических штудий монографии А.В. Гордона [Гордон 2009]. Действительно, для незнакомого с более ранней книгой многие сюжеты, рассказанные в новой, будут выглядеть менее объемными, а читатель, знакомый с ней, напротив, найдет множество точек совпадения и, конечно, отметит очевидную преемственность авторского под-

хода, выраженную в единстве теоретической базы («культура партийности»). Тем не менее новая книга – не повторение и не просто дополнение к предыдущей, она имеет собственный настрой, свою основную идею и задает особый угол зрения на проблему. Именно это делает разговор о ней, пусть и в форме краткого отзыва, полезным не только с точки зрения информирования об очередной новинке.

Поскольку сфера моих интересов последних лет тесно и даже почти исключительно связана с советской исторической наукой, то для меня главное в новой книге А.В. Гордона – постижение образа мыслей советских историков. За конкретными примерами жизни и творчества исследователей истории Франции (Фронда, Просвещение, Революция, Империя) автор предлагает нам увидеть общие черты нашего недавнего «железного века», преломленные в судьбах ученых. Ретроспектива событий, в основном научных, представленная в книге, и вправду охватывает почти столетие, и уж безо всяких оговорок – эпоху. От первой главы к последней рождается и гибнет советская система, и этот пульс времени чувствуется очень хорошо; это достоинство проявляется лишь тогда, когда советский период охватывается исследователем целиком, и теряется, если автор ограничивается только одним, скажем, довоенным этапом.

Для начала – о структуре книги. В книге девять глав, которые предлагают вниманию читателя десять портретов советских историков. Часть глав – переработанные очерки об отдельных историках, которые уже были опубликованы, часть – заново написанные; в том и в другом случае учитывалась новейшая литература, а кроме того, автор основательно проработал архивные материалы – там, где они в принципе существовали.

Об архивных материалах следует сказать отдельно. Если первые две главы, в которых рассказывается о Г.С. Фридлянде и Я.В. Старосельском, написаны с использованием данных Архива РАН и мемуаров и могут быть поданы как классический пример использования такого рода источников (причем, нужно сказать, без увлечения в сторону пересказа, которое так естественно для нашедшего свежий материал исследователя, но так безысходно для утомленного утратой сюжета читателя), то в последующих главах начинают со все большей силой работать личные архивы – архив Я.М. Захера, хранящийся у автора, и, наконец, личный архив самого А.В. Гордона, т.е. его переписка, интервью с родственниками или учениками историков, черновики работ, отзывы на диссертации. Автор пишет о тех, кого хорошо знал, о своих учителях и старших товарищах, и поэтому в естественном дополнении к документам архива использует буквально собственную память – откуда бы еще могли мы узнать его тост на банкете в честь юбилея Б.Ф. Поршнева в 1965 г., характеризующий и юбиляра, и его окружение, и самого автора [Гордон 2018, с. 182]?!

Сам автор книги является одним из ее действующих лиц – его диссертационная защита, его научные труды, его взгляды стали неотъемлемой частью

советской историографии Французской революции; даже если это звучит пафосно, это неопровержимый факт. Конечно, сразу же закономерно возникает вопрос о том, насколько такая близость к материалу влияет на характер научного исследования, к которому безусловно относится книга?

Конечно, в некоторых местах остались следы соединения разных очерков – в наименее выраженной форме это небольшие повторы по тексту [ср.: Гордон 2018, с. 294 и 329], а в более значимом аспекте – пробелы в обычной информации. Прекрасно зная о том, что уже написано и что еще не написано о его героях, А.В. Гордон стремится не повторять «общеизвестных» фактов и поэтому часто оказывается так, что формальные детали карьеры или самые значимые перипетии жизни историков в лучшем случае бегло упомянуты в том или ином контексте. Так, читатель только случайно узнает, в каких учреждениях трудилось большинство героев книги. На мой взгляд, небольшая справка по каждому из них была бы совсем не лишней – написанная увлеченно и увлекательно книга будет полезной не только пресловутым «узким специалистам», но и студентам-историкам, которым такая краткая информация оказалась бы хорошим подспорьем и ориентиром. Ощущение некоторой структурной шероховатости оставляет глава о Фридлянде, где автор как бы пытается установить связующие нити с предшествующей монографией и одновременно избавиться от них.

Тем не менее за исключением таких деталей, перед нами полнокровное, насыщенное событиями исследование по той теме, в которой автор не просто разбирается, но имеет собственную точку зрения и свою, скажем так, исследовательскую историю. Соответственно, вопрос возвращается, хотя и несколько в иной ипостаси: насколько такое погружение в материал способствует, а насколько препятствует адекватной оценке качества его изучения?

Самый простой ответ на вопрос (а для него уже пришла пора) заключается в том, что все зависит от исследователя – и он столь же верен, сколь и бессодержателен. Кроме очевидных вещей – требования научности подхода, включающей взвешенность оценок и процедуры верификации материала – этот ответ нам ничего не дает. Но если попирается принцип научности, то плох любой исследователь – знакомый лично или нет со своими героями, обладающий собственной концепцией Французской революции или не сформулировавший оную. А что требуется еще? Исследовательский талант? Категория слишком размытая. Полтора века назад Э. Мейер иронично замечал, что когда победа войска объясняется тем, что его возглавлял великий полководец, а величие полководца иллюстрируется победами его войск, то такого рода вещи не следует считать научными открытиями.

На мой взгляд, одной из важнейших составляющих успеха или неуспеха историографической работы является избранный подход, который позволяет (или не позволяет) автору добиться нужного баланса между объективностью

и субъективностью, неохватностью материала и сравнительной узостью поставленных задач. С этой точки зрения книга об историках «железного века» являет собой интересный пример исследовательского решения поставленной проблемы, и это – главная причина, которая побудила меня написать о ней отзыв.

Вовсе не собираюсь утверждать, что книгу о советских историках великой революции нельзя написать в другом ключе – как раз можно, и несложно представить несколько основных вариантов такого написания. А.В. Гордон так характеризует свой подход: «Речь идет о создании портрета ученого в триединстве его жизненного пути, творчества и среды» [Гордон 2018, с. 6]. Я исходил и исхожу из того, что в реальности равновесие между всеми способами едва ли достижимо, и в итоге в творчестве историка науки торжествует один из них: для современной отечественной историографии поэтому было предложено выделить «концептуальный» и «антропологический» подходы. (Эта гипотеза породила, как выразился один из коллег, «вялотекущую дискуссию» [см.: Антощенко 2018; Базанов 2015; Крих, Метель 2014, 2016, 2018].)

Историографические работы А.В. Гордона, по этой классификации, явно и однозначно относятся к концептуализму. Ирония заключается в том, что А.В. Гордон совершенно не принимает ни такого разделения, ни самих определений, как раз полагая свой подход к истории науки антропологическим – коль скоро первостепенное внимание уделяется творческой личности. При этом расхождение в понимании содержания этих подходов, как позволила прояснить наша переписка, преимущественно терминологическое, и тем не менее авторская установка на антропологический метод – это не мелочь. Книга А.В. Гордона буквально является попыткой найти баланс между концептуализмом и антропологизмом, по моему мнению, через антропологизацию концептуального.

Анализ взглядов историков, а то и прямо подробный, качественный, пристальный разбор их трудов присутствует в книге всегда – в то время как детали жизненного пути могут, как мы видели, быть поданы одним-двумя штрихами. В этом есть свой резон, потому что А.В. Гордон прекрасно знает, какой труд лежит за созданием монографии или ответственным (в буквальном, а не формальном значении этого слова) редактированием сборника работ, какой бывает радость от выхода книги, и чем она может быть омрачена – и вот на этот определяющий фон он накладывает поиски своих героев. Их жизненный путь, по сути, – это не их положение в ученом сообществе (хотя ему уделяется достаточно внимания), не их беды и тяготы (годы в заключении описываются совсем кратко, в виктимизации историков книгу точно не обвинить), а их научное творчество, в котором каждый талантливый исследователь сильнее или слабее сталкивается с идеологическими ограничениями

своей эпохи (здесь тематика книги уже прямо смыкается с сюжетами предыдущей монографии).

Именно в эти моменты, когда А.В. Гордон выходит на тему «творчество историка – советский мир», он достигает наибольшей гармонии в описании, при которой все детали становятся на свое место и работают на создание полнокровного образа героя и эпохи. Неизгладимое впечатление производит глава, посвященная Б.Ф. Поршневу [Гордон 2018, с. 169–226]. Он показан как человек огромного дарования и научного азарта, которые как бы объективно отрывали его от коллег и противопоставляли им. Мне могут возразить, что (как это известно всем исследователям периода) Поршнев – удобная фигура для очерка о противоречиях развития советской науки на примере жизни крупного ученого, но ведь в книге нет повторения того, что уже раньше писалось о нем, а собственный взгляд А.В. Гордона и его выверенные оценки (не значит, что со всеми из них следует соглашаться) фундированы, опять же, не столько личным знакомством, сколько анализом работ.

Концептуален разбор сходства и различий во взглядах между Я.М. Захером и В.М. Далиным, учитывающий и сферу научного творчества, и политические, и личные пристрастия [Гордон 2018, с. 286–287]. То же самое можно сказать о биографиях Наполеона, воссозданных Е.В. Тарле и А.З. Манфредом в пятой главе [Гордон 2018, с. 227–280]. В различии личностей этих выдающихся историков рельефно выступает различие этапов советского общества и эволюции собственно исторического знания. Здесь же дается версия ответа на вопрос о причинах пиетета к французскому императору в России вообще и в сталинский период в особенности.

Концептуальна колоритная параллель между научными личностями Б.Ф. Поршнева и его выдающегося оппонента С.Д. Сказкина, позволяющая автору затронуть тему неоднозначности академического «успеха по-советски». Один – академик, Герой Социалистического Труда, лауреат, руководитель кафедр, отделов, журналов. А другой мог противопоставить творческую реализацию и, подавленный уничтожением в издательстве своего главного труда, умирая, мог сказать, что, создав этот труд, «выполнил главное дело своей жизни» [Гордон 2018, с. 212]. Не менее интересна другая параллель (книга богата внутренними перекличками): А.В. Гордон ненавязчиво, но отчетливо сопоставляет буквально сопротивляющуюся времени эволюцию С.Л. Сытина в годы перестройки с творческими поисками А.В. Адо, который как раз широко и самокритично пересматривал идейно-теоретические позиции советского прошлого.

Наконец, по книге рассеяны многочисленные интересные наблюдения, которые вроде бы не являются следствием изначального ее плана, но возникают при тщательной работе с материалом: анимистические элементы в революционном сознании [Гордон 2018, с. 85], роль академического начальства

в установлении правил посещения зарубежья [Гордон 2018, с. 143], параллельное использование и изживание революционной традиции советской властью [Гордон 2018, с. 252].

Соответственно, когда на почве анализа идей всходят побеги антропологического метода, в их разноцветье выявляется изначально заданная базовая цель – возможность личностной реализации ученого в условиях «железного века»; равно проступают и пределы такой реализации. Где бы еще, как не в личном письме, мог написать в 1962 г. В.С. Алексеев-Попов: «Я теперь исхожу не из мысли Маркса, а из фактов истории самой революции…» [Гордон 2018, с. 331], и этим исчерпывающе иллюстрируется ценность бумаг, сохраненных автором книги! Именно благодаря своему основному методу эта книга не переходит ни в мемуары, ни в собрание историй о прошлом.

Конечно, это не делает ее сугубо и отстраненно аналитической, не снимает боли по прошедшей эпохе – своей эпохе, неважно, что недоброй к своим сыновьям. Не убирает чувства недосказанности с теми, кто уже ушел навсегда, переживания за былые размолвки, которые теперь кажутся мелкими. Книга открывается знаменитыми строками Ф.И. Тютчева о том, что сочувствие дается нам как благодать, и А.В. Гордон сопереживает тем, о ком пишет, причем это личное, не книжное сопереживание. Чувствуется глубокая обида за то, как обошлась редакция издательства с последней книгой Я.М. Захера, за позднее одиночество профессора среди коллег [Гордон 2018, с. 127–133].

Изредка, но все-таки иногда это радение за своего героя несколько искажает перспективу, правда, не в отношении главной темы. На мой взгляд, А.В. Гордон преувеличивает эволюцию взглядов С.Л. Сытина в позднe- и постсоветский период [Гордон 2018, с. 371], по содержанию главы хорошо видно, что историк здесь едва успевал за самой историей, корректируя на ходу очевидно устаревавшие воззрения. Равным образом завышена и оригинальность педагогических размышлений С.Л. Сытина [Гордон 2018, с. 361–363], а то, что некоторые из этих идей до сих пор актуальны, объясняется не сытинским новаторством, а архаизацией современного российского образования.

С другой стороны, не следует считать, что такого рода «перехлесты» являются маркером неудачных мест произведения – ведь они открывают читателю еще одну из его сторон, эмоциональную, которая, вообще говоря, уместна в любой хорошей научной книге. Перед нами не в последнюю очередь размышление о времени, о выборе человека, который находится в его потоке, о личной ответственности и достоинстве.

Завершается книга строками А. Кушнера, который, «отвечая» Гесиоду, заметил: «Что ни век, то век железный». Поэт, стоявший у истока цивилизации, сказал в «Трудах и днях», что предпочел бы родиться ранее или позднее «железного поколения» (конечно, Гесиод не подразумевал никакого века

в смысле столетия). Поэт, живущий в пору, когда эта цивилизация давно миновала юность, а возможно, и зрелость, замечает уже иное:

Время – это испытанье.

Не завидуй никому.

Но нравственные уроки прочитанного – аспект, который безусловно выходит за рамки рецензии.

Библиография

Антощенко А.В. Зачем изучать историографию? // Мавродинские чтения – 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 560–564.

Базанов М.А. Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С.Б. Криху и О.В. Метели // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 55–63.

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 382 с.

Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.

Исаев Д.П. К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2017. № 2. С. 92–104.

Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

Крих С.Б., Метель О.В. Парадигмы или подходы? Ответ Д.П. Исаеву // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2018. № 1. С. 120–132.

Крих С.Б., Метель О.В. Снова о двух парадигмах: предварительный ответ М.А. Базанову // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 195–199.

References

Antoshhenko A.V. Zachem izuchat' istoriografiju? Mavrodinskie chtenija – 2018. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 110-letiju so dnja rozhdenija professora Vladimira Vasil'evicha Mavrodina. Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2018. P. 560–564.

Bazanov M.A. Dve «paradigmy» i predmetnoe pole istoriograficheskih issledovanij: zapozdalyj otvet S.B. Krihu i O.V. Meteli. Istoricheskaja jekspertiza. 2015. No 2 (3). P. 55–63.

Gordon A.V. Istoriki zheleznogo veka. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. 448 p.

Gordon A.V. Velikaja francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. Moscow: Nauka, 2009. 382 p.

Isaev D.P. K voprosu o paradigmah v istoriografii (po povodu odnoj diskussii). Novoe proshloe. Rostov-na-Donu, 2017. No 2. P. 92–104.

Krih S.B., Metel' O.V. Dve paradigmy v sovremennoj otechestvennoj istoriografii. Voprosy istorii. 2014. No 1. P. 159–166.

Krih S.B., Metel' O.V. Paradigmy ili podhody? Otvet D.P. Isaevu. Novoe proshloe. Rostov-na-Donu, 2018. No 1. P. 120–132.

Krih S.B., Metel' O.V. Snova o dvuh paradigmah: predvaritel'nyj otvet M.A. Bazanovu. Istoricheskaja jekspertiza. 2016. No 1. P. 195–199.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация (не менее 200 слов), ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы и «Дата обращения» – «Data of access». Транслитерированной список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: http://translit.net/

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; Petrov P.P. K voprosu o… // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. No 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп 2. Д. 3. 3 л.; Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом (символ слэш «/» недопустим): Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 г. RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute. GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; Ugolovnoe delo A.N. Harry. CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. 10 December. URL: http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html (Data of access: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов, названия и выходные данные переносятся в «References» без изменений.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первое слово назнания), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Иванов 2010, с. 38], [Багрицкая 1947, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Иванов 2010, с. 23–33; Петров 2011, с. 6]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Всеобщая декларация 1948].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 3 – 2019 (104)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 06.09.2019 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,2 Уч.-изд. л. 16,4
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 102

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33